

Франк Коуэл

Древний Рим. Быт, религия, культура

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Захватывающее дух зрелище представало путешественнику при приближении к городу Риму в первые четыре века нашей эры. Неисчислимо множество домов, величественных дворцов, храмов, общественных зданий, памятников и святынь, блеск и великолепие, не знающее равного ни в одном другом городе тогдашнего мира, простиралось насколько хватало взгляда.

На протяжении долгого времени Рим был главным городом в западном мире, постоянно обогащаемым военной добычей, данью и огромной прибылью от управления судьбами других стран и народов. Он был центром Римской империи и цивилизации. Состояния некоторых его богачей и правителей были сказочными, хотя много средств расточалось на роскошное убранство домов, удовлетворение прихоти самых невероятных сумасбродств, какие только можно вообразить, и, хотя приходилось тратить большие суммы на неуместную благотворительность, чтобы поддержать и развлечь огромные толпы праздных бедняков, многие из состоятельных людей выделяли часть своих средств на украшение города.

Очень трудно было решить, к какому именно периоду истории отнести повествование. Как никто не станет предпринимать попыток описывать исчезнувшую повседневную жизнь Лондона, не приняв решения, описывать ли Лондон времен англосаксов, норманнов, Плантагенетов, Тюдоров, Стюартов, ганноверцев или Викторианской эпохи, так невозможно и передать даже относительно адекватное впечатление о повседневной жизни в Древнем Риме, не соотнося ее либо с древними днями царей в V веке до н. э. и с отцами-основателями республики в героические дни IV, III и II веков до н. э., либо с более поздними днями волнений во время жестоких гражданских войн I века до н. э., либо с самым продолжительным периодом четырех последующих столетий римских императоров, с периодом величия, когда могущество Рима выросло до невиданных высот лишь для того, чтобы ослабиться в III и IV веках и безвозвратно рухнуть в V веке. Какой бы период мы ни пытались рассмотреть через туман прошедших веков, картина всегда будет смазанной и изменчивой. Несмотря на то что многие римляне предпочитали думать о Риме как о чем-то постоянном и вечном, они все сильнее и сильнее осознавали перемены к худшему, для порицания которых с ходом времени наиболее мыслящие среди них находили все больше оснований.

В книге предпринята попытка рассказать о неувыдаемом очаровании Рима, изобразить схематичный набросок жизни римлян в целом.

Эти краткие сведения помогут представить общую картину характерных черт повседневной жизни в Древнем Риме, по мере того как она развивалась от деревенской простоты земледельцев-солдат ранней республики до утонченности эпохи императоров династии Антонинов во II веке н. э.

То заглядывая вперед, то возвращаясь назад, можно будет прочувствовать изменчивость римской жизни и осознать все значение избитой английской поговорки, утверждающей, что Рим был построен не за один день, а также широко цитируемой строки из Вергилия об эпических достижениях его соотечественников:

«Tantae molis erat Romanam condere gentem»[1].

Глава 1

ГОРОД РИМ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ГОРОДА

Несравненная Рома[2], богиня земли и ее людей, удивила древний мир. Необыкновенная история Рима - это история превращения горстки деревенских лачуг VIII и VII веков до н. э. в огромный мегаполис I века н. э. и далее, который в некоторых отношениях был великолепнее всего, что можно было увидеть на земле до этого или после. Однако не во всех отношениях, поскольку наряду с величайшим великолепием наблюдались вонь, неудобства и сильно презираемая бедность и нищета.

Ни одно поколение школьников заставляли сосредоточенно разглядывать план Древнего Рима, заучивать наизусть названия так называемых «семи холмов» и древней главной канализации, «Сюаса Махима» - Большой клоаки. Шесть из этих семи холмов - Капитолий, Палатин, Целий, Эсквилин, Виминал и Квиринал, окружающие небольшое углубление, или долину, которая в древние времена, скорее всего, была болотом. Чуть южнее этого кольца лежал седьмой холм, Авентин. К западу от них протекала река Тибр, желтая от песка и ила, а вдали, на противоположном берегу, располагалась более длинная цепь холмов, Яникул.

К началу V века до н. э. небольшие поселения, которые постепенно образовывались на Палатине, Эсквилине и Квиринале, разрастались и объединялись в более компактное сообщество, окруженное оборонительной стеной, приписываемой царю Сервию Туллию (578 - 535 гг. до н. э.), хотя она была выстроена уже после его правления. К тому времени, видимо, различались четыре отдельных района или квартала города: Субура, Эсквилин, Коллина и Палатин. Люди, жившие в этих кварталах, вероятно, считали, что их собственное местечко, часть города с только ей присущими характерными чертами, ставшая им родной, в истинном смысле этого слова является сердцем Рима, пожалуй, как парижане, крепко привязанные к своему кварталу. Защитное сооружение, так называемая Сервиева стена, которой были обнесены все четыре района, тянулась почти на пять с половиной миль.

Деревья, росшие на склонах семи холмов, постепенно оскудевали, а склоны расчищались по мере того, как деревянные лачуги медленно сменялись крытыми черепицей, каменными одноэтажными домами, над которыми возвышались немногочисленные храмы во главе с большим храмом Юпитера, бога - покровителя Рима, на Капитолийском холме. Эти храмы постепенно ветшали и начинали разрушаться, а низкие домики расползались вокруг них и по всем семи холмам, так что пастбища приходилось искать за пределами этих четырех кварталов, там, где росла пшеница и где стали сажать оливы и виноград. Улочки и переулочки с глубокими колеями со временем обретали покрытие - их выкладывали гравием из Тибра.

Поколения римлян жили и умирали, так и не увидев каких-либо значительных и поразительных изменений в их относительно примитивном жизненном укладе с доморощенными продуктами питания, кустарной одеждой и простой мебелировкой. Старинные этрусские храмы VI века с терракотовыми украшениями снова и снова латались и перелатывались. Постоянная война в Италии истощала энергию и ресурсы римлян, и, пока они хранили верность обычаям предков, ничто, если не крайняя необходимость в существенном ремонте, не могло подвигнуть их на обновление или перестройку. Вплоть до III века до н. э. не

наблюдалось никаких значительных изменений в этом медленном и монотонном прибавлении лачуг и незамысловатых одноэтажных домов. Затем картина начала меняться со все возрастающими темпами. Войны с Грецией на юге Италии и завоевание Сицилии в Первую Пуническую войну против северных африканцев из Карфагена (264 - 242 гг. до н. э.) впервые познакомили римлян с греческой архитектурой. Своим изяществом и очарованием она произвела на них такое глубокое впечатление, что, не отступая полностью от своих традиций, они принялись строить несколько скромных храмов в новом архитектурном стиле. Греческие статуи изумительной красоты, которые никакие средиземноморские народы, за исключением, пожалуй, этрусков, так и не научились ваять, начали ввозиться в Рим в качестве военных трофеев.

Сильный спад произошел приблизительно между 250 годом до н. э., когда мужчин в возрасте более 17 лет в Риме насчитывалось около 300 000 и 200 годом до н. э., когда это число снизилось до 200 000 и менее. Вторая великая война с Карфагеном принесла огромные потери. Но восстановление было быстрым. По мере того как римские войны распространились на Ближний Восток и во II веке до н. э. римские войска доказали свою непобедимость, постоянно растущий поток военной добычи тек в Рим. Происходили также и некоторые местные улучшения.

В середине II века до н. э. число жителей мужского пола перевалило далеко за 300 000, поэтому общее население Римского государства теперь распространилось по большей части Центральной Италии. Мужчин, женщин и детей насчитывалось около миллиона. Приблизительно в это время неподалеку от города было открыто месторождение, которое обеспечило строителей Рима новым и отличным известняком, гораздо более прочным, чем туф, из которого они по большей части строили.

Большие по размеру и более прочные здания, храмы, арки и мосты теперь можно было возводить, используя известняк, который по сей день можно увидеть в более поздних постройках, таких как собор Святого Петра в Риме, построенный в основном из камня, добытого еще древними римлянами.

Великий Марсианский акведук был построен в 144 году до н. э., чтобы доставлять новые запасы воды в город. Первый каменный мост через Тибр датируется тем же периодом (142 г. до н. э.). Гравийные дороги и улочки в городе были вымощены камнем и вулканической лавой, доставленной с близлежащих Альбанских холмов, бывших когда-то действующими вулканами.

К этому времени общепризнанная необходимость жить за защитными стенами и воротами была забыта. Дома давно перевалили через древние границы четырех районов, занимая все более широкие пространства на окраинах, которые, в свою очередь, стали частью самого города. Толпы на узких улочках и в центре, на Форуме, становились гуще и оживленнее.

Возводилось не только все больше и больше домов, но, как будет видно из следующего раздела, они становились более просторными и роскошными, чем те, что ранее были доступны частным гражданам. Тем не менее в I веке до н. э. все еще наличествовали нищета и бедность, которые наверняка должны были сильно усугубиться продолжительным периодом гражданских конфликтов, приведших к падению Римской республики и реконструкции государства Августом.

Когда наконец наступил мир, люди снова обрели уверенность и стали вкладывать деньги в строительство, Август преобразовал город, разбив его на 14 районов. В 6 году н. э. он создал первые в Риме отряды стражей порядка и пожарные команды. Они набирались из вольноотпущенников, которым давалось полное гражданство после шестилетней службы. Каждая когорта числом около 1000 человек следила за двумя городскими районами. Люди были экипированы топорами, ведрами и не слишком эффективными кожаными шлангами и ручными насосами, но, как позднее показали потрясающие пожары и горькие жалобы римлян, они не могли полностью избавить горожан от ужаса перед частыми пожарами.

Гордое заявление Августа, что он нашел город из кирпича, а оставил - из мрамора, было сильно преувеличено, но не вызывает сомнений, что мир и процветание, ставшие возможными ко времени его правления, привели к широкому строительству и перестройкам.

Тон был задан и подан пример, поэтому неудивительно, что многие императоры, сменявшие Августа в качестве главы Римского государства, во многом превосходили его более скромные, хотя и достойные начинания. Однако самые впечатляющие события произошли позднее и не обрели полного размаха до начала I века н. э. К тому времени население города, по-видимому, составляло около миллиона человек.

Строительство и перестройка продолжались всегда, иногда из чистой необходимости, как после знаменитого пожара 64 года н. э., во время которого Нерон, как известно, перебирал струны своей кифары и декламировал стихи собственного сочинения; пожар этот буквально стер с лица земли большую часть города.

Это была не первая катастрофа, поскольку в предыдущие столетия Рим также разрушали пожары и землетрясения. Римляне никогда не забывали захват и сожжение своего города мародерствующими галлами, огромные полчища которых обрушились на них в начале IV века до н. э. Большие пожары также случались в 213 году до н. э. и в 192 году до н. э., когда толчки землетрясения продолжались на протяжении целого месяца. Узкие многолюдные улочки и переулки, изобилие дерева в каркасах построек и конструкциях крыш - все это превращало горящий дом в огромную опасность, предотвратить которую зачастую было для окрестных построек не по силам городским когортам пожарных.

После разрушительного пожара 64 года н. э. неповрежденными сохранились только четыре из 14 районов города. Три были полностью уничтожены, еще семь - безнадежно разрушены. Тогда император Нерон (54 - 68 гг. н. э.) выстроил себе дворец - Золотой дом в парке столь просторном и столь великолепном, что стали распространяться злобные сплетни о том, что император устроил поджог, чтобы освободить место для своего дворца. По другим сведениям, Нерон хотел расчистить Рим от старых непрочных построек и освободить его от узких извилистых улиц, чтобы переделать город по упорядоченному плану, какой он видел во многих греческих городах. Во всяком случае, Нерон с облегчением вздохнул после того, как разрушения были произведены, а его новый дворец закончен. «Наконец-то, - сказал он, - я смогу жить по-человечески». После смерти Нерона Тацит описывал эту часть Рима как район, в котором не было ни одного постороннего дома. Поэтому, когда позднее император Тит (79 - 81 гг. н. э.) закончил строительство огромного амфитеатра, начатого его отцом, императором Веспасианом (первым из рода Флавиев), на месте дворца Нерона, один из его обожателей сказал, что он вернул Риму его прежний облик. Нерону приписывается грандиозный план расширения узких улочек города, через которые соседи, живущие в домах напротив, могли пожать друг другу руки с балконов верхних этажей. Нерон не снискал благодарности за свои начинания, последовали жалобы, что более широкие улицы подвергали римлян палящим лучам солнца, которое живущие на нижних этажах прежде видели не часто. Видимо, он не завершил свою задачу, поскольку Ювенал два поколения спустя все так же жаловался на узость извилистых улочек. Названия улиц, по-видимому, обычно нигде не отображались, дома и лавки не имели номеров, поэтому постороннему было очень непросто найти дорогу в городе.

Эра мира и благоденствия в сочетании с гораздо большим размахом общественного строительства стала возможной при эффективном и экономном способе правления первых двух императоров из рода Флавиев. Эти начинания продолжал Домициан (81 - 96 гг. н. э.), брат Тита, до тех пор, пока не впал в порок и не погрузился в жесточайший террор. Потом начался золотой век Римской империи при императорах Нерве, Траяне, Адриане, Антонине Пие и Марке Аврелии (96 - 180 гг. н. э.). Величественные и знаменитые сооружения: здания, рынки, термы, храмы, усыпальницы, амфитеатры, сады, триумфальные арки, дороги, статуи и другие памятники - намеренно концентрировались в Риме, пока он не достиг своего великолепия и величия и не стал поистине одним из чудес света. По-видимому,

ни один город ни до этого, ни после никогда не вызывал такого восхищения и такой игры воображения человечества.

Немногие из миллионов туристов, которые в наше время толпятся на развалинах Форума, где произносил свои речи Цицерон и было сожжено тело Юлия Цезаря, как зачарованные смотрят на громадный Колизей или стоят, изумленные, под огромным куполом Пантеона, могут представить себе город в том изначальном виде, каким он был в конце IV века н. э.

Римский Форум был центром притяжения, поскольку именно там римляне традиционно собирались со времен первых сельских поселений на семи холмах.

Великих событий в истории Рима, которые так или иначе не связаны с Форумом, немного. Здесь можно увидеть могилу Ромула, легендарного основателя города в 753 году до н. э., под знаменитым Черным камнем, святилище Венеры Очистительницы, где своим отцом была умерщвлена Виргиния, храм Кастора и Поллукса в честь богов-близнецов, которые объявили народу о великой победе, одержанной римской армией в битве с латинянами в 484 году до н. э., и «золотую мету»[3], центр римского мира, по которому отмерялись мили всех дорог, ведущих в Рим. Оглушенным шумом и напуганным огромными людскими толпами туристам покажут роstrу, с которой произносили речи все великие общественные деятели Рима. Там народ прощался с телом Юлия Цезаря, и именно там сложили руки Цицерону, после того как он был убит Марком Антонием и цезарианцами.

ДОМА И ЖИЛИЩА

Точно так же, как сегодня тысячи людей, которые могли бы жить в любом другом месте, намеренно предпочитают селиться в самом городе или рядом с Лондоном, Нью-Йорком или любым другим большим городом, жители империи поддавались соблазнам Рима. После I века н. э. нигде в мире не было города, равного Риму: Афины и Александрия, несомненно, могли многое предложить, но они были гораздо меньше. Как мировой центр политической и административной жизни, как исток социальных различий, как законодатель нового стиля и образа жизни Рим был уникален. Стремление жить в Риме увеличивало все цены, повышало стоимость жизни. Ювенал говорит о Риме:

Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят Больше, чем нужно, притом иногда из чужого кармана. Это здесь общий порок: у всех нас кичливая бедность. Много тут что говорить? На все-то в Риме цена есть...

Но моралисты, осуждающие все пороки и неудобства жизни в Риме, вероятно, получали ответ, похожий на тот, что Сэмюэл Джонсон[4] дал одному критику лондонской жизни в XVIII веке:

«Нет, сэр, если человек устал от Лондона, он устал от жизни; ведь именно в Лондоне есть все, что только может предоставить жизнь».

Невозможность обеспечить жильем всех желающих проживать в Риме заставила римлян до дней империи прибегнуть к такому же решению, что превалирует сегодня в больших городах, таких как Париж или Нью-Йорк. Очень немногие и только богатые люди могли тогда позволить себе жить в городском доме или отдельной вилле. Подавляющее большинство проживало в доходных или многоквартирных домах, обычно не выше трех-четырёх этажей. В период ранней империи Август ограничил высоту домов до 20 метров по причине их довольно шаткой конструкции. Строители, по-видимому, стремились экономить камень. С ходом времени римляне все больше использовали при строительстве стен и полов свой отличный известковый раствор. Этот раствор был таким крепким, что его зачастую принимают за современный бетон.

К концу республики состоятельные и знатные семейства, владеющие собственными домами, превращали их в очень элегантные особняки. Некоторые были поистине роскошными, богато украшенными мраморными колоннами, полами и стенами, щедро увешанными

занавесями и уставленными элегантной мебелью из слоновой кости, бронзы и редких сортов дерева. Их общий план был всегда одинаков - ряд комнат, сосредоточенных вокруг внутреннего дворика либо квадратного или четырехугольного резервуара - атрия, и еще несколько комнат, выстроенных вокруг примыкающего второго двора или сада. Обычно дом был одноэтажный, но иногда спальни располагались на втором этаже. Подобная конструкция распространилась в период республики. Более ранняя римская версия такой конструкции включала в себя единственный внутренний дворик с низкой крышей, с четырех сторон слегка наклоненной в направлении середины дворика, над которым оставляли проем, чтобы дождевая вода стекала в резервуар, установленный внизу, и выходил дым из домашнего очага.

Когда римляне стали богаче, они добавили к этому атрию второй дом. Он строился по греческому образцу и назывался перистиль, что значит «часть здания, окружающего двор». В более просторных жилищах богатых римлян и в провинциальных городах, таких как Помпеи, этот внутренний двор становился садом. В Риме многие состоятельные люди были вынуждены довольствоваться садами на крыше солнечной террасы, где, по-видимому, находились плодовые деревья и пруды с рыбой. Семейные спальни, домашний алтарь, очаг и кухня, столовая и книгохранилище или библиотека, если владелец интересовался литературой, находились в таком перистиле.

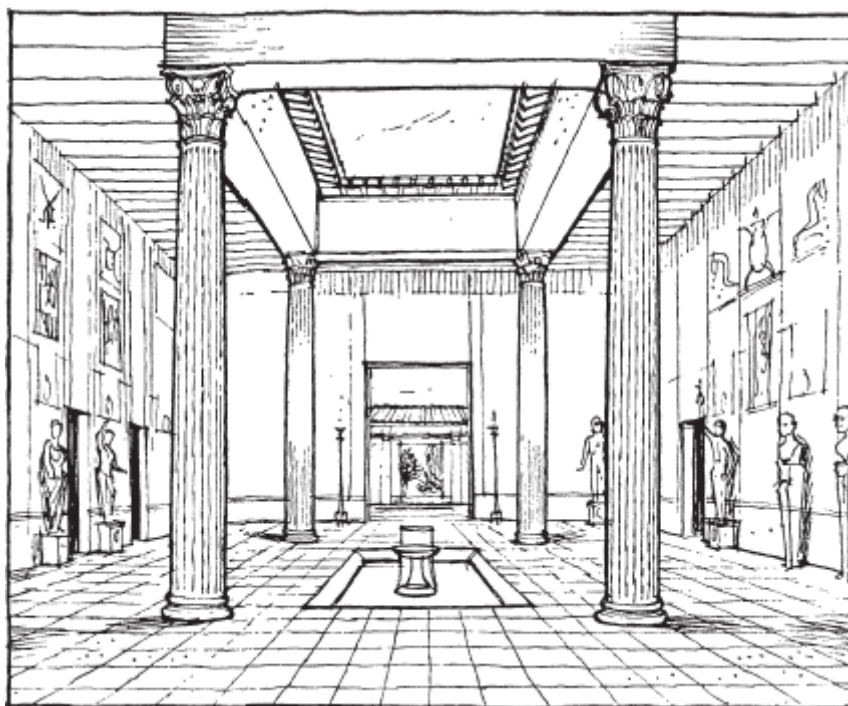

Рис. 1. Атрий - центральный дворик римского дома

Позднее атрий стал залом приемов, где состоятельный владелец выслушивал во время своей утренней аудиенции раболепных клиентов. Его помещения, не столь большие по размеру, могли быть тогда использованы как подсобные помещения и кладовые. Внешние стены таких домов обычно лишены окон, хотя у некоторых были небольшие окошки. В городе, где, как и в Лондоне, очень долго не было никаких полицейских сил, защита от грабителей была насущной необходимостью, о чем свидетельствуют массивные двери, запирающиеся на щеколды и засовы и всегда охраняемые рабами и, видимо, злыми собаками.

Исключая дома очень состоятельных людей на Палатинском холме, который в период империи все чаще и чаще застраивался императорскими дворцами и виллами состоятельных людей на берегах Тибра и в пригороде, подавляющее большинство римских жилищ располагалось в многоквартирных и доходных домах в менее фешенебельных районах го-

рода. Эти жилища были строго утилитарными, по большей части состоящими из небольших комнат, зачастую построенными над лавками, с окнами, закрывающимися ставнями и выходящими на улицу или во внутренний дворик. В период поздней республики и во время империи эти доходные дома стали столь многочисленными, что заполнили «островок», со всех четырех сторон окруженный улицами.

Такой квартал назывался инсулой («остров»). Приблизительно в 350 году н. э. был проведен подсчет, показавший, что в Риме в то время находилось 44 173 инсулы, но всего лишь 1782 частных дома. Можно было купить этаж или комнату, но обычно квартиры снимали. Рисковые строители и состоятельные люди, имеющие свободные деньги, вкладывали их в жилье, получали неплохие доходы, сдавая комнаты, которые были недешевыми.

Сохранились сведения, что Юлий Цезарь, возвращаясь с гражданских войн, чтобы отпраздновать свои победы пятью отдельными великолепными триумфальными процессиями, даровал годовую арендную плату в Риме для арендаторов, которые платили 12 000 сестерциев или меньше, а в Италии - до 500 сестерциев.

Следовательно, плата за жилье в Риме была в четыре раза выше, чем в провинции. В то же время Юлий Цезарь даровал каждому из ветеранов-легионеров по 24 000 сестерциев «в качестве военной добычи». Ежегодный доход от такой единовременной выплаты при хорошем инвестировании мог составить как раз приблизительно годовую плату за скромную комнату в дешевом доходном доме в Риме, или же на эти деньги можно было купить сразу гораздо лучшее жилище в провинции.

Если от игр цирковых оторваться ты в силах, то можешь

В Соре купить целый дом, в Фабатерии, во Фрузионе;

Столько отдашь, сколько стоит на год городская каморка...

Так говорил Ювенал. Эти небольшие городки находились рядом с родиной Цицерона, не более чем в 60 милях к юго-востоку от Рима. Естественно, многие люди платили больше, чем бывшие солдаты, за более просторные квартиры в основательно построенном доме в хорошем районе города; нам известно об арендной плате в 30 000 сестерциев в год за квартиру на третьем этаже, которая, однако, по словам Цицерона, была в три раза больше, чем следовало.

Удобства большинства домов и квартир, судя по нашим стандартам, были не слишком большими, хотя в период поздней империи и произошло некоторое улучшение. Только тогда даже более роскошные дома стали хорошо отапливаться. Центральное отопление у римлян осуществлялось за счет полостей под полом и полых стен, где дым и тепло от огня могли циркулировать в подвальном пространстве. На протяжении республики и ранней империи римляне согревались у открытых угольных жаровен в комнатах, поэтому претерпевали значительные неудобства в короткие, но холодные зимы. Мраморные стены и каменные или мраморные полы определенно были тогда настоящим бедствием для голых ног, обутых в сандалии.

На верхних этажах полы делали из деревянных досок. Состоятельные граждане устраивали так, чтобы одна из их столовых непременно была обращена на юг и можно было извлекать пользу из любого тепла, которое способно дать зимнее солнце. Насколько нам известно, в комнатах не было каминов и дымоходов, за исключением, возможно, немногочисленных кухонь. К тому же почти на закате империи в окна стали вставлять толстые мутные стекла.

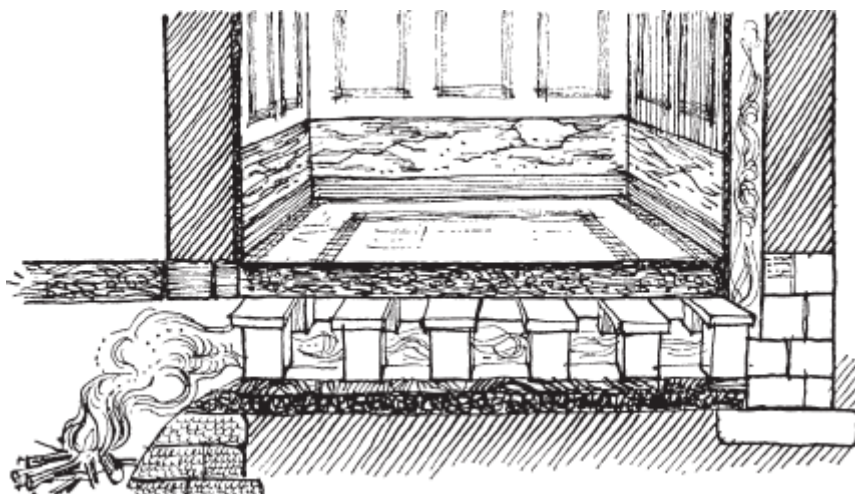

Рис. 2. Гипокауст - отопительная система в домах Древнего Рима

Кроме полупрозрачных алебастровых пластин или другого тонкого материала, закрывающего окно, использовались деревянные ставни, которые не пропускали свет.

Римские спальни, по-видимому, были очень душными, особенно зимой. Плиний советовал избавляться от запаха затхлости, сжигая хлеб. Вода подавалась по свинцовым трубам из огромных общественных акведуков, но только для людей состоятельных, потому что пользователи должны были платить за нее в зависимости от размера водопроводных труб. Марциал, который вел жизнь представителя среднего класса, сетовал, что его дом не освежала и капля воды, хотя совсем близко журчал Марсианский акведук. Не было ничего необычного в том, что римляне пытались избежать платы, тайком отводя воду через собственные трубы, иногда с попустительством рабочих, прокладывающих водопровод, соответствующим образом подкупленных взяткой.

Роскошные частные дома, начиная с заката республики и далее, имели богато украшенные ваннные комнаты, чтобы состоятельному владельцу и его семье не приходилось присоединяться к толпам в публичных термах, хотя многие все-таки посещали их ради возможности общения. Туалет, видимо, располагался рядом с кухней, ближе к источнику воды в доме.

Как жители в кварталах доходных домов существовали в таких условиях, не ясно. Многим, вероятно, приходилось носить воду из фонтана и пользоваться общим туалетом на нижнем этаже или публичными отхожими местами на улицах, а также публичными банями (местом, где можно было согреться зимой). Помои и нечистоты, выплескиваемые из окон верхних этажей вниз на улицу, были неприглядной стороной повседневной жизни в Древнем Риме, что также практиковалось в Лондоне или Эдинбурге до относительно недавнего времени.

Много других по ночам опасностей разнообразных:

Высятся крыши домов, и, сорвавшись с них, черепица
Голову всю разобьет! Постоянно из окон открытых
Вазы осколки летят и, всей тяжестью брякнувшись оземь,
Всю мостовую соряют. Всегда оставляй завещанье,
Идя на пир, коль не ленив и случайность предвидишь:
Ночью столько смертей грозит прохожему, сколько
Ты на дороге своей встречаешь отворенных окон;
Вот и молись потому, вознося плачевную просьбу,
Чтоб лишь помоями ты был облит из широкого таза... -
сетовал Ювенал.

Жизнь небогатых римлян сопровождалась известной долей риска, в четырех стенах их жилищ, по большей части обветшавших, и в Риме многие из них имели вошедшую в легенду краткую жизнь из-за шаткой конструкции.

...Мы населяем столицу

Все среди тонких подпор, которыми держат обвалы, -
сетовал Ювенал.

Боязнь обрушения зданий зачастую превращалась в навязчивую идею. Не меньше был и риск пожара.

«Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров, ни страхов», - говорил Ювенал, знавший опасности дешевого жилья.

Вот задымился и третий этаж, а ты и не знаешь:

Если с самых низов поднялась тревога у лестниц,

После всех погорит живущий под самую крышей...

МЕБЛИРОВКА

Римляне не имели мебели в современном понимании этого слова. Они, подобно японцам, жили в полупустых, минимально обустроенных комнатах. Отличия в обстановке среднего римского дома времен республики и империи, определенно, были. В римское средневековье, как и в Англии, все ценное имущество римлянина, кроме одежды первой необходимости и простой грубой кровати и кушеток, состояло из набора грубых сельскохозяйственных орудий: заступа, лопаты, косы, серпа, молотка, топора, ножа, граблей, мотыги и плуга, а также военного снаряжения: короткого меча, щита и копья. У женщин были веретено, ткацкий станок, стул или табурет, камни для перетирания зерна в муку или мельница, немногочисленная глиняная посуда и металлическая утварь для приготовления пищи. Женские личные украшения в те далекие дни были немногочисленными и простыми: деревянный или костяной гребень, кольцо и пара больших брошей, несколько костяных или металлических шпилек для волос, возможно, браслет или два, несколько пар сережек, хранимые в простой терракотовой или самшитовой шкатулке для безделушек, а также полированное металлическое зеркальце. У детей были немногочисленные простые игрушки и игры.

В так называемом золотом веке Римской империи, приблизительно 300 - 400 лет спустя, картина была совершенно другая. Исчезли маленькие лачуги и домики, вместе с ними исчезло боевое оружие, а также сельскохозяйственные инструменты. Для того чтобы найти веретено и ткацкий станок, следовало заглянуть в жилища рабов некоторых больших домов, хотя там и сям пара-тройка семей, гордящихся тем, что соблюдают древние традиции, никак не составляла подавляющего большинства. На чердаках лачуг и в тесных кварталах бедноты ничто не занимало места этого почитаемого традиционного оборудования. Марциал, скорбя о бедности римлян, описывал жалкие пожитки при переезде: хромоногое низкое ложе и столик на трех ножках, а с ними фонарь, миска, треснувший и протекающий ночной горшок, горлышко большой бутылки, закатившееся под позеленевшую медную жаровню, и смердящий кувшин. Все это, с добавлением нескольких изорванных покрывал на постели, ножей и ложек, сосудов для питья и, возможно, пары потертых старых сундуков, составляло основное имущество тысяч обедневших римлян.

Чем выше римлянин взбирался по социальной лестнице, тем больше он тратил на мебель своего дома, но деньги уходили не столько на количественное приумножение предметов домашнего имущества, сколько на приобретение высококачественных товаров.

Ножки ливийских столов у тебя из кости индийской,

А у меня черепком буковый столик подперт.

Под непомерных барвен[5] у тебя золоченые блюда,

А у меня-то под цвет плошки краснеется рак... -

говорил Марциал.

Состояния тратились на изящные маленькие столики из редких пород древесины и слоновой кости. Цицерон потратил полмиллиона сестерциев только на один стол. Всего на

пять процентов суммы этот человек, такой как Марциал или Ювенал, мог бы прожить в скромном комфорте. Известно, что друг Цицерона, Азиний Поллион, потратил на стол сумму в два раза большую.

Цена мебели зависела от редкости дерева - кипарис это, к примеру, или цитрусовое дерево - и от того, вырезан ли предмет из единого куска древесины у комля дерева, где оно имело исключительно замысловатый рисунок или узорчатый срез. Стулья не были обычной, повседневной вещью, как теперь у нас. Традиционно считалось, что сидеть могла только знать; позволяли себе сидеть магистраты, судьи и женщины. Гостей также приглашали садиться из вежливости. Ученики в школе, те, у кого была сидячая работа - например, сапожники, завсегда и дешевых харчевен, - сидели на небольших круглых деревянных табуретах. Дома мужчины обычно возлежали на ложе, однако чаще всего пользовались складными стульями. Стулья со спинками и подлокотниками были редки и предназначались для женщин, пожилых людей и почетных гостей. На закате республики и в эпоху империи переносные портшезы были всеобщепотребительны. Некоторые вмещали двух седаков. Те, что предназначались для дам, были закрытыми вплоть до I века н. э., когда придерживающиеся консервативных взглядов были шокированы при виде того, что некоторых женщин носят в открытых сиденьях-носилках. Подобное новоизобретенное хитроумное приспособление появилось позднее, чем обычные носилки - летики, которые несли шесть или восемь носильщиков (четыре носильщика - признак бедности: именно столько людей несли гроб бедняка).

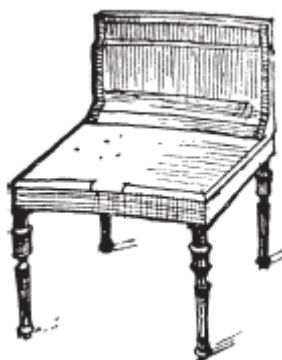

Рис. 3. Стул

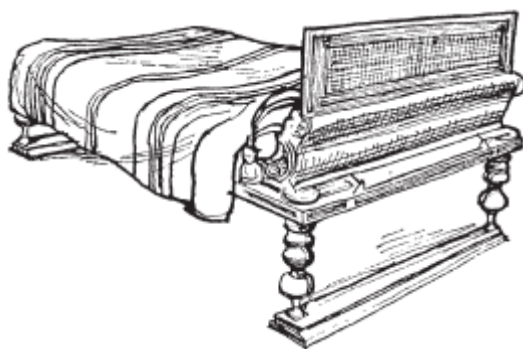

Рис. 4. Ложе

Восточные народы, которые имели обыкновение говорить, что греки не знали, как сделать удобную постель, были не слишком высокого мнения и о постелях древних римлян. Они представляли собой простые, довольно высокие деревянные рамы, на которые клали матрас, набитый соломой или шерстью, опирающийся на кожаные ремни или сетку, с досками в изголовье и изножье. Покрывалом служило простое одеяло, пара одеял или тога; также имелась подушка, набитая шерстью. Позднее, по мере того как мебель становилась все искуснее, ложа и кушетки стали богаче украшать, изготавливать из редкого, качественного дерева, инкрустировать слоновой костью, черепаховым панцирем и золотом. Пок-

рывала в богатых домах также стали просто великолепными. Колыбели младенцев качали молодые рабыни.

Кроме заботы, чтобы вся основная меблировка была практичной, красивой, элегантной и по возможности до блеска отполированной, состоятельные римляне ничем не озабочивались и не захламляли комнаты.

У немногих были библиотеки, хотя преобладали более приземленные вкусы, когда средства шли на украшения и показную роскошь. Марциал упоминал человека, у которого «...в четыре фунта барвена блюдом была основным и украшением стола» вместе с хрустальными кубками, привезенными на кораблях с Нила; человека, чьи друзья, подобно его картинам и чашам, были подлинным «антиквариатом». Художники расписывали стены жилых помещений, мозаичные рабочие выкладывали полы, зачастую с непревзойденным умением. Они были очень востребованы, потому что римляне не покрывали полы коврами на восточный манер, что было неплохо, поскольку манеры их поведения за столом были примитивными, и ни один ковер долго не просуществовал в римской столовой. Богатые восточные ковры и драпировки, не толще среднего одеяла, привозили из других стран за долго до времен империи и использовали в качестве занавесей и покрывал.

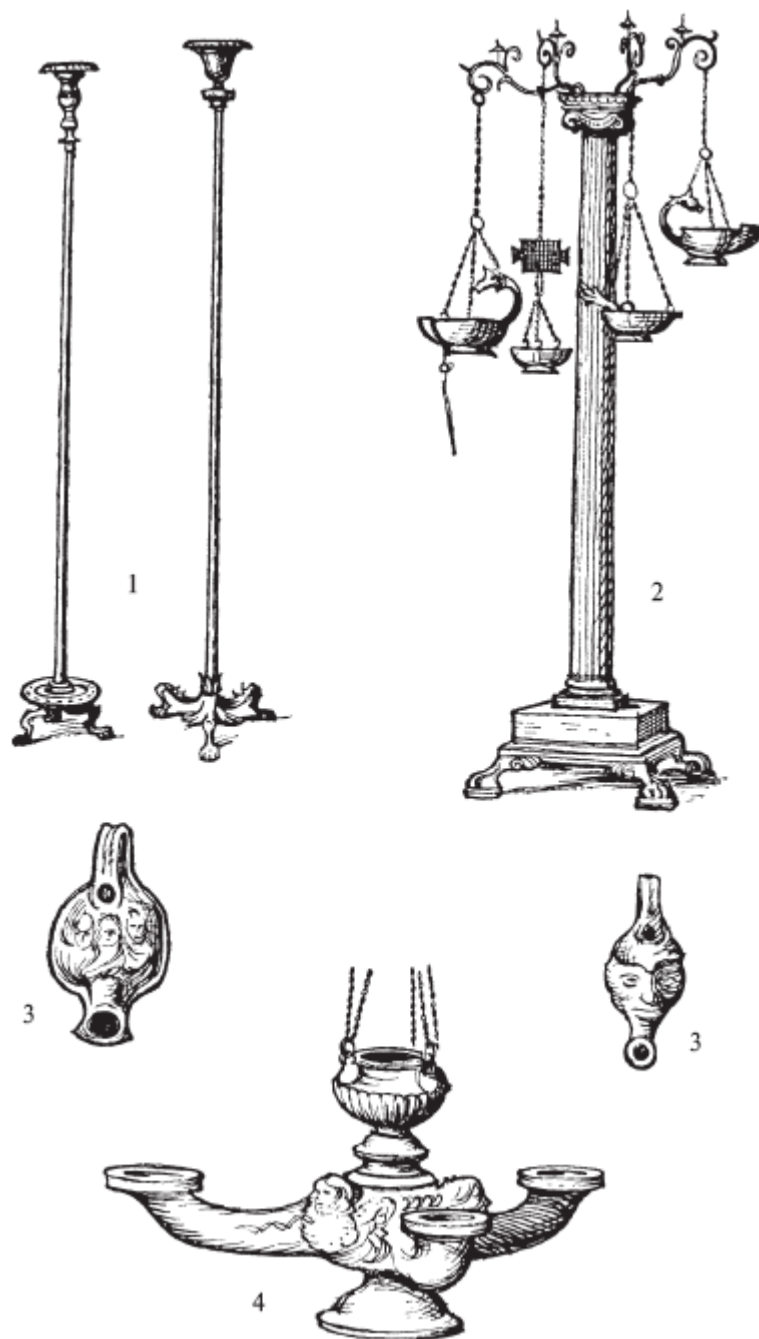

Рис. 5. Освещение в домах римлян: 1 - серебряные подсвечники; 2 - бронзовый светильник; 3 - керамические лампы; 4 - подвесная лампа

Угольные жаровни - единственный источник комфорта в холодную погоду - были элегантной конструкции и тонкой работы в богатых домах, где семье не нужно было собираться вокруг кухонного очага - при условии, что таковой вообще имелся, - где обычно тлели раскаленные угли, а то и горело пламя.

Если огонь угасал и угольки переставали тлеть, разжечь его снова было делом непростым. Первым средством было попросить огонька у соседа - тогда, как и сейчас, бедняки любили одалживать и часто просили в долг. Персонаж одной из пьес Плавта говорит, что огонь, вода, нож, топор, пестик и ступка - вот вещи, которые соседи всегда пытаются одолжить. Если это не получалось, приходилось выбивать искры и поджигать сухой трут, гнилушку, листья или серу. Когда не оказывалось под рукой кремня и огнива, выход, судя по Плинию, был таков: тереть один кусок дерева о другой, и для этого нет ничего лучше, чем получать огонь, пользуясь стволом плюща с углублением в нем. В ночное время лампы, в которых горело оливковое масло, были обычным источником света с очень давних

времен. Они представляли собой простые плоские керамические блюдца, имеющие ручку с одного конца и носик с другого, откуда выступал фитиль из перекрученных волокон льна или папируса, который свешивался вниз так, что, когда горел, пламя от него могло отбрасывать свет как вниз, так и в других направлениях.

Господин О'Дэа в своей книге «История освещения и общество» свидетельствует о проведенном эксперименте с такой лампой, снабженной единственным фитилем. Она давала 40 - 50 часов света на одну пинту масла. В бедном римском доме такие расходы допускали очень неохотно, поскольку оливковое масло стоило денег, тому же оно употреблялось в пищу. Чем больше фитилей, тем лучше освещение, но больше и расходы. Одна огромная лампа с 14 фитилями, по словам Марциала, могла осветить всех пирующих, но лишь богатые могли себе это позволить. Свечи из сала со скрученным фитилем были римским изобретением. Пользовались ими в основном бедняки, но с тщательной экономией, потому что сало тоже можно было есть. Вековая традиция скупой экономии в использовании освещения до сих пор жива среди тех, кому нет нужды экономить, и берет начало с этих давних времен. Одна свеча, которая во многих домах была единственным источником света, что они могли себе позволить, давала мало света, разве только рядом с ее пламенем. Одна электрическая лампочка мощностью 60 ватт дает света в сто раз больше. Сотня свечей, расположенных в комнате, была бы более эффективна, чем одна такая электрическая лампочка, но немногие римляне могли позволить себе такое их количество. «Рано в кровать...» - было здоровым правилом для большинства римлян, но случались и исключения, такие, как люди, которых презирал Марциал:

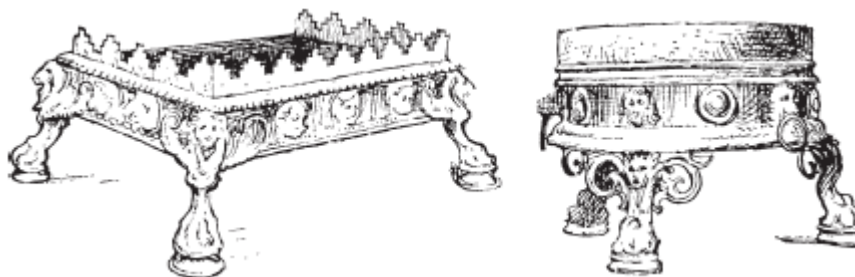

Рис. 6. Жаровни

Пусть это будет писать, кто суров чересчур и степенен
И освещает кого лампа средь ночи глухой.

С использованием ламп с открытым пламенем сильно возрастал риск возникновения пожаров, от которых страдал Рим, но свет был крайне необходим в помещениях с закрытыми ставнями, где люди, спотыкаясь в темноте, могли покалечиться или по неосмотрительности осквернить маленький алтарь, посвященный домашним божествам. Римлянам было известно существование неочищенной нефти или гарного масла, которую они называли либо жидким битумом, либо, на греческий манер, «нафта»; она, по словам Плиния, была столь негорюча, что никто не мог ею пользоваться.

Рис. 7. Глиняные (терракотовые) чаши и блюда

Кроме редких и дорогих золотых и серебряных чаш, блюд и других сосудов, украшающих буфеты, богачи обычно владели полным набором серебряных ложек - главный, если не единственный, римский столовый прибор, поскольку ножи и вилки, или трезубцы, использовались на кухне, но не за столом. Еду брали пальцами или ложками. Остроконечные ручки маленьких ложек гости использовали, чтобы извлекать улиток и моллюсков из их раковин, в то время как сами ложки применяли для того, чтобы есть яйца; ложки большего размера, похожие на наши десертные, отвечали всем требованиям, для которых пальцы не годились.

Вначале чаши и блюда в основном были глиняными, поскольку только богатые могли позволить себе металлические - бронзовые, серебряные и золотые, подобные роскошества считались показными.

У римлян, как и у греков, не было тарелок в современном смысле этого слова, отсюда необходимость в хлебе, салфетках, а также в рабах, подносящих сосуды с вином и водой и губками, чтобы мыть жирные пальцы и стол между подачей блюд. Роги использовались для питья с незапамятных времен, и с развитием цивилизации их стали украшать искусной резьбой, гравировкой, вставками из серебра, золота и драгоценных камней. Имелись разнообразные чаши, от грубых толстых мисок плебеев, не трескавшихся от кипятка, до кварцевых, которые, если боишься разбить, наверняка разобьешь, как говорил Марциал о «мирровых» чашах, возможно из плавикового шпата с Востока, которые, судя по их цене, могли быть и фарфоровыми. Нерон за такую заплатил миллион сестерциев. Всевозможные гончарные изделия, формованные, выгравированные и без украшений, наряду с драгоценными изделиями древнегреческих серебряных дел мастеров, гравированная и покрытая инкрустациями старинная серебряная и золотая столовая посуда высоко ценились состоятельными людьми.

Домашние метлы из дикого мирта, тамариска или пальмовых веток, а также всевозможные щетки, выполненные из разнообразных материалов, ведра и сосуды для воды из керамики или бронзы были среди предметов домашнего обихода.

В дни заката республики и в эпоху империи доказательства великого богатства скорее можно было найти в дамских покоях, чем в комнатах их мужей. Золотые кольца, браслеты, надеваемые на щиколотку или на запястье, серьги, булавки, пряжки, броши, ожерелья, шпильки и изысканной работы ободки для волос, щедро усыпанные драгоценными камнями

ми, в изобилии сыпались из дорогих шкатулок, которые сами по себе были драгоценностями. Ряды маленьких горшочков из алебаstra, мрамора и редкого камня содержали бесценные духи и эссенции. Все это намного превосходило скромные украшения представительниц среднего класса. Пышно разодетые женщины из богатых домов подняли личные украшения до никогда не виданных высот. Эти стороны роскошной жизни упомянуты здесь, хотя к ним мы еще вернемся, поскольку указывают на чрезвычайной важности перемену в римском образе жизни, перемену, которая находит примеры во многих других аспектах повседневности. Это была перемена, которую заметили сами римляне, а многие порицали, хотя и не предпринимали ничего, чтобы изменить собственный образ жизни. До того как это произошло, Энний, первый римский поэт, мог с гордостью похвастать в конце III века до н. э. в спартанские дни аскетизма республики: «Нравами предков сильна и могуча республика римлян». Двести лет спустя Гораций, видя изменения в манерах мужчин и женщин, окружавших его, вопрошал:

Чего не портит пагубный бег времен? -
и добавлял:

Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочней.

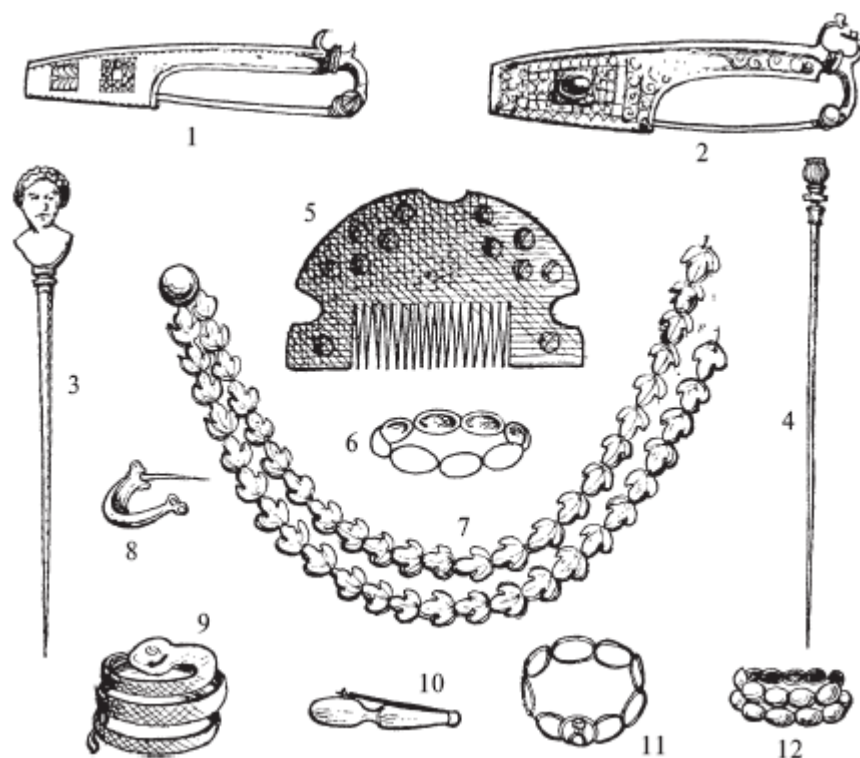

Рис. 8. Драгоценные украшения: 1, 2 - булавки; 3, 4 - шпильки из слоновой кости; 5 - узорчатый гребень; 6, 9, 11, 12 - браслеты; 7 - ожерелье; 8, 10 - серьги

Поэтому роскошь и изысканность домов и мебели, столь кратко обрисованные выше, имели более глубокое значение, и это неплохо было бы запомнить. Ответственные правители предпринимали некоторые усилия, чтобы воспрепятствовать потрясающему росту сумасбродств и личной роскоши законами, ограничивающим траты на пиры, количество серебра, которые мог позволять себе мужчина, или число ювелирных украшений, которые могла носить женщина, но все они не возымели действия, поскольку Гораций так подвел итог мудрости веков:

Что без нравов без дедовских
Значит тщетный закон?

САДЫ

Римляне делали немалые попытки оставаться в единстве с природой, и многим нравилось считать себя сельскими жителями, сосланными в большой город. Однако с ходом времени новое поколение людей, не унаследовавшее такой привязанности к земле, начало заполнять доходные дома. Действительно, от одной мысли о жизни в сельской местности многих рабов и вольноотпущенников бросало в дрожь. У них и их предков деревня вызывала ненавистные воспоминания о бесконечном непосильном труде, зачастую в закованных в цепи группах рабов, которые Плавт называл во II веке до н. э. «закованной в железо деревенской расой».

Очень богатые не только имели собственные сады на крышах, внутренний садик перистилля, но - в некоторых частях города - и земли вокруг своих домов, которые немногие из особенно богатых расширили до размеров небольших парков. Образцами служили те самые восточные райские сады, которые так очаровывали греков и римлян. Они представляли собой восхитительное зрелище: травы, разнообразные деревья, как декоративные, так и плодоносящие, виноградная лоза, плющ и другие ползущие растения, цветы, фонтаны, какие-нибудь скульптуры или алтари и экзотические животные и птицы, в особенности голуби, фазаны, утки, куропатки и восточные птицы яркой окраски, из которых самым известным был павлин. Некоторые оставались дикими, другие содержались в клетках или птичниках. Все в целом было задумано и внешне исполнено для того, чтобы одновременно радовать взгляд, дарить приятные ароматы и ублажать ласковым журчаньем воды, щебетом птиц, если исключить истошные крики павлинов.

Такой интерес к садам не появлялся в Риме до конца II века до н. э. Сначала прогресс, казалось, был на удивление устойчивым. Хотя чувства, которые вызывали сады, исходили из несдерживаемых порывов римлян к поиску новых удовольствий и их стремления к социальному престижу, радости, которые мог доставить хорошо ухоженный сад, также составляли его неувядаемую привлекательность. Для людей, связанных с литературой, таких как Цицерон, Овидий, Вергилий, Гораций, Плиний и другие, сад был неоценимым источником вдохновения. Старинные мистические сцены некоей религиозной связи между человеком и силами природы поддерживались и сохранялись.

Много садов, часто посещаемых лучшими людьми Рима, располагалось на противоположном берегу реки Тибр. Еще одна большая садовая площадь - на городской стороне Тибра. Много садов здесь сохранилось до наших дней, в частности на Пиницианском холме - два самых больших и самых знаменитых из всех римских садов - сад великого полководца и чрезвычайно богатого человека Лукулла на западной и Саллюстия на восточной стороне.

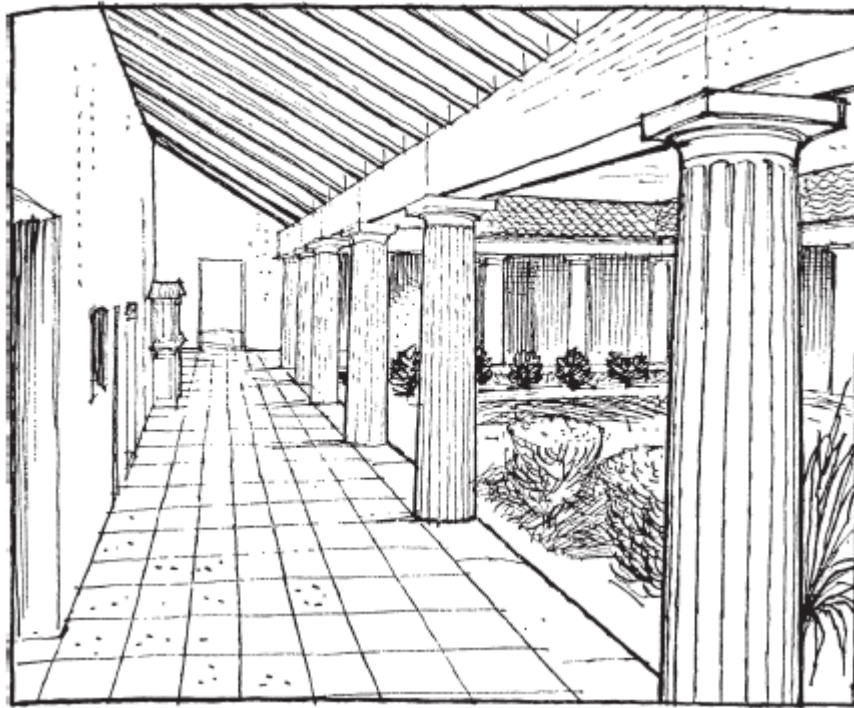

Рис. 9. Перистиль

Во времена империи картина резко менялась. Рост городского населения и, как следствие, потребность во множестве доходных домов уничтожили многие частные дома вместе с садами. Жадные императоры и их жены завладевали лучшими из оставшихся, особенно теми, что располагались на Палатинском холме. Огромные сады, собранные воедино императором Нероном, были снова раздроблены, когда он погиб. Несмотря на эти превратности судьбы, многие сады сохранились, обеспечив в Риме большее открытое пространство, чем оставалось в Лондоне или Париже. В Риме, как и в современных больших городах, высокая стоимость постройки в центре города привела к большому расширению пригородного строительства, где состоятельным гражданам было гораздо проще включить сад в планировку своих домов.

В то время как у богатых были сады или крыши, усаженные садовыми деревьями, бедняки в своих арендуемых комнатах в домах барачного типа должны были довольствоваться ящиками на подоконниках и растениями в горшках. Плиний Старший говорил, что обыкновенные жители Рима с их миниатюрными садиками на окнах предлагали взору воспоминание о деревне, хотя то, о чем он говорит, не являлось столь достоверным в I веке н. э., как было когда-то; Плиний добавляет, что в его дни большое количество скандальных ночных краж со взломом вынудило римлян закрыть решетками такие зрелища от прохожих.

Глава 2

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

ДОМАШНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Мощь любой державы, тем более примитивных сообществ, непосредственно зависит от ее людских ресурсов, поэтому с давних времен общество нуждалось в римских мальчишках,

способных, став мужчинами, пахать, растить урожай и сражаться, чтобы защитить свой народ. Рождение следующих дочерей, после первой, считалось несчастьем.

Человеческая жизнь не считалась древними римлянами чем-то священным, что нужно сохранить любой ценой. Они были готовы убить при рождении любого слабого, уродливого, болезненного, ненормального или даже здорового, но лишнего младенца, однако прежде, чем это сделать, пятеро их соседей должны были осмотреть ребенка и согласиться со смертельным приговором родителей.

Такие безжалостные способы контроля роста населения можно найти среди многих примитивных сообществ. Тем не менее, поскольку римляне помнили выходцев из своего доисторического прошлого, они давно отказались от варварской практики отдавать нежеланных детей на съедение собакам или диким животным.

Древняя традиция, разрешавшая подобную практику, не забывалась, и на протяжении всей римской истории до появления христианства, порвавшего с языческим прошлым и внесшего новую идею о святости человеческой жизни, не было никаких юридических или моральных норм, запрещающих жестоким людям убивать своих детей или бросать их на погибель. Раздоры между мужем и женой, крайняя нужда и другие причины могли подтолкнуть недоброжелательно настроенных родителей к избавлению от нежеланного ребенка. Смерть была всего лишь одним из рисков, которым подвергался несчастный младенец, и это, возможно, был более милосердный конец, чем попасть в руки работоторговца. Поскольку, хотя в соответствии с римским правом свободнорожденный ребенок, брошенный родителями, не мог быть обращен в рабство, он зачастую не имел понятия о своем происхождении и возможности прибегнуть к закону, даже если ему становилось об этом известно. Одна из самых древних римских легенд повествует о том, как основатель Рима и его первый царь Ромул вместе с братом Ремом были брошены на погибель в реку Тибр; оба были спасены волчицей, которая вырастила их как своих волчат.

Известно, что тот самый Ромул, который предположительно составил закон, по которому римляне должны были сохранять при себе всех сыновей, хотя им не нужно было о них заботиться больше, чем о старшей из своих дочерей, издал в то же время закон, запрещающий убивать ребенка до достижения им трехлетнего возраста. Такая трехгодичная отсрочка давала родителям время, чтобы составить надлежащее представление о действительном характере ребенка, и, принимая во внимание человеческую натуру, родители, которые заботились о своих младенцах на протяжении целых трех лет, вряд ли с легкостью бросят их на погибель.

Следуя очень древней традиции индоевропейских народов, через девять дней после рождения мальчика или через восемь дней после рождения девочки проводилась торжественная церемония либо дома, либо в храме. Тогда ребенок «освящался» или «очищался», и ему на шею вешали амулет на счастье (буллу), круглый или в форме сердца. Амулет был из золота, если родители богатые, или из кожи, если они были бедны. Считалось, что он оберегает от всего дурного. Мальчики носили этот амулет, пока им не исполнится 14 - 16 лет, девочки - до замужества. Это было одно из суеверий, которые римляне унаследовали от этрусков и всегда соблюдали. Именно на этой церемонии ребенку давали имя. В древности довольствовались двумя именами, но приблизительно после 300 года до н. э. мальчику всегда давали три имени - имя его клана или рода (к примеру, Корнелий или Туллий), которому предшествовало его личное имя (Публий или Марк) и за которым следовало его семейное прозвище (Сципион или Цицерон). Полное имя величайшего римского оратора было Марк Туллий Цицерон. В официальных списках оно появится начиная с личных имен его отца и двух дедов, а также с указанием, к какой городской трибе принадлежит человек: «Марк Туллий, внук Марка, правнук Марка, из трибы Корнелия, Цицерон». У девочек не было собственных имен: они были известны под родовым именем отца в женской форме (то есть в родительном падеже); так, Корнелия Сципионис будет дочерью Корнелия Сципиона. Дочь Цицерона была известна под именем Туллия, хотя любящий отец называл ее уменьшительным от Туллия именем, Туллиола. Имена иногда созда-

вали путаницу, особенно в старых и авторитетных аристократических семействах, где многим мальчикам давалось имя их отцов: сын Цицерона тоже носил имя Марк Туллий. В указателях и справочниках семейные прозвища использовались для мужчин, женская форма родового имени - для женщин.

Римская традиция требовала, чтобы родители обучали всех своих детей, которых они решили воспитать и выпустить в мир, - «ut omnes liberos susceptos educarent necesse est»[6], - но она оставляла детей целиком и полностью во власти их отцов. Точно так же, как мог лишить их жизни при рождении, так он сохранял власть над их жизнью и смертью, пока сам был жив, после чего его старший сын становился верховным судьей судебных членов семьи.

Подобная власть распространялась сверх безотлагательного послушания на любые приказания, какими бы трудными, неприятными или опасными они ни были. Отец мог продать сына в рабство или лишить его жизни. По свидетельству римского историка Валерия Максима, А. Фульвий, сенатор, подверг своего сына смертной казни за то, что тот присоединился к лагерю Катилины, который устроил заговор с целью свержения правительства в последние годы республики.

Подобная жестокость к тому времени стала явлением совершенно ненормальным, и объяснить ее можно лишь сильным страхом гражданской войны, но эту историю следует привести в качестве доказательства ужасающей власти над жизнью и смертью, традиционно считавшейся правом римлянина-отца. Светоний свидетельствует, как само собой разумеющееся, что в правление первого императора Августа I века до н. э., «поссорившись», родители «покинули» Гая Мицисса, свободнорожденного ребенка, но он обрел покровителя, который вырастил его, дал хорошее образование, а потом подарил богатому другу императора Меценату. Но хотя Меценат оценил его по достоинству и относился к нему как к другу, хотя его мать пыталась восстановить его свободу, «он остался в рабстве».

Многое из того, что мы знаем об обучении детей в период ранней республики, следует из немногочисленных сохранившихся до наших дней записей Катона Старшего (234 - 149 гг. до н. э.), известного как Цензор, который усиленно стремился сохранить обычаи своих предков. Метать копье, сражаться в доспехах, ездить верхом, участвовать в рукопашном бою, переносить жару и холод и переплывать самые быстрые реки - все это и множество других свойственных мужчинам физических упражнений, таких как бег, прыжки, умение обращаться с оружием, были из разряда первой необходимости, которыми занимались не только ради гимнастики или для поддержания хорошего состояния здоровья, но и в качестве подготовки для реальной деловой жизни - на поле сражения в римских легионах и в полях, где римский народ тогда выращивал себе пропитание. Катон добавил чтение, письмо и арифметику (поскольку он имел здоровые деловые наклонности), знание законов, общественных дел и особенно римских традиций. Считается, что он описал своему сыну в пространных письмах краткую историю Рима.

С первых дней основания города дети Рима каждое утро обычно начинали с поклонения богине огня, Весте, у семейного очага. С незапамятных времен эта дань таинству огня глубоко укоренилась в душе каждого римлянина. Ни один религиозный сан не был столь почитаем в Риме, как девы-весталки, которые поддерживали символический священный огонь в том самом небольшом храме, развалины которого до сих пор можно увидеть на Римском Форуме.

Появление такого рода жриц определенно восходит к церемониальным обрядам юных дочерей семейства у домашнего очага.

На огне готовилась пища, взятая из буфета или кладовой, охраняемой пенатами. Эти духи-покровители не были в одиночестве, поскольку в каждом доме были свои семейные лары - *Lares familiaris*. Сражаться за «*Lares et Penates*» (ларов и пенатов) означало защищать дом и очаг - все самое священное и ценное в жизни. Тот факт, что таких духов-защитников было много, приносил успокоение римской душе, хотя, по всей видимости, не ощуща-

лось необходимости в попытках объединить в разумную систему религиозных верований или теологии.

В сознательном возрасте римские дети ежедневно бывали свидетелями почестей, воздаваемых очагу и домашним богам; они могли видеть мать в тревожных молитвах при кризисе в судьбах семьи или государства. Вырастая, они становились столь же набожны; у них появлялись собственные просьбы, и они беспрекословно соблюдали ритуалы, к которым их приобщили отец и мать. Матери учили девочек исполнять все обязанности хозяйки дома, чтобы девочки, сами став женами и матерями, хорошо исполняли свой долг.

Рис. 10. Ларарий, или алтарь семейных ларов

Поддерживать огонь, принести воды, приготовить и подать еду, прясть и ткать спряденную ручную пряжу, изготавливать из нее одежду для всей семьи было традиционными обязанностями римской матроны. Веками эти навыки передавались от матери дочери с несущественными изменениями. Это был удел идеальной римлянки времен республики задолго до того, как многие римляне стали богатыми и подобную работу стали выполнять для них армии рабов.

Точно так же с раннего детства мальчиков учили идти по стопам отцов и готовиться к жизни, которую он вел, будучи земледельцем, солдатом или одним из городских старшин, избираемых служить на протяжении года магистратом. Если глава семьи был одной из ведущих политических фигур, таких как консул или претор, и каждый день с самого раннего утра его посещали люди, ищущие его совета и помощи в своих делах, то мальчики обычно сидели рядом с отцом, прислушиваясь к советам, которые тот давал, и, вне всякого сомнения, к его замечаниям после того, как просители уходили. Они также сопровождали отца, когда он отправлялся на публичное выступление или когда его приглашали отобедать с друзьями и соседями. Мальчики сидели с семьей за столом; они помогали подавать еду и напитки, и после обеда один из них просил домашних богов принять подношение. На торжественных религиозных церемониях и на похоронах родственников они также были свидетелями.

До заката республики образование многих римских детей было возложено на школьных учителей. В одном из школьных упражнений так описан день римского школьника:

«Я просыпаюсь еще до того, как рассветет, и, сидя на краю постели, обуваю башмаки и опорки, потому что холодно. Затем я беру чистое полотенце. Раб приносит кувшин с водой, которую я лью себе на руки и умываю лицо и беру в рот воды. Почистив зубы и десны, я выплевываю воду и хорошенько вытираюсь.

Сняв ночную сорочку, я надеваю тунику и ремень; я смазываю маслом волосы, причешиваюсь, повязываю шарф вокруг шеи и надеваю белый плащ. В сопровождении раба, который провожает меня в школу, и няньки я иду поздороваться к папе и маме и поцеловать их. Нахожу свои принадлежности для письма и учебники и даю их рабу. Отправляюсь в школу в сопровождении моего раба. Здравуюсь со своими товарищами по школе, которые встречаются мне по дороге, а они в ответ желают мне доброго утра. Подойдя ко входу, бесшумно поднимаюсь по ступеням. Оставляю свой плащ в коридоре и быстро приглаживаю волосы.

Я иду в класс и говорю учителю: «Доброе утро, учитель». Он целует меня и отвечает на мое приветствие. Раб отдает мне мои волшебные таблички, принадлежности для письма и линейку.

«Привет, ребята, дайте мне пройти на мое место, подвиньтесь. Слезай! Это мое место, я его раньше занял». Затем я усаживаюсь и приступаю к работе. Когда заканчиваю учить урок, я спрашиваю у учителя позволения пойти домой на обед. Когда он отпускает меня, мы обмениваемся пожеланиями всего хорошего. Придя домой, я переодеваюсь, съедаю немного белого хлеба, оливок, сыру, сушеного инжира и орехов и запиваю все холодной водой. После обеда возвращаюсь в школу, где учитель начинает читать. Он говорит: «Начнем работу».

После полудня я отправляюсь в сопровождении раба с полотенцами в термы. Подбегаю, чтобы поприветствовать знакомых, направляющихся в термы, и мы все желаем друг другу хорошо помыться и хорошего ужина».

Перед закатом республики во II и I веках до н. э. многие римские мальчики и девочки должны были привыкать к такой вот рутине школьной жизни, которая продолжалась с незначительными изменениями на протяжении следующих четырех столетий, за тем исключением, что в период империи им приходилось ходить в термы в полдень, о чем свидетельствует вышеприведенная цитата. Это также говорит о том, что дети вставали рано. Римляне жалели мальчиков и девочек, которых восход лишил спокойного сна, препоручая их школьному учителю для порки. Марциал, который жил поблизости к одной из таких школ, не дававшей ему насладиться спокойной жизнью, гневно вопрошал «проклинаемого» учителя, какое право он имеет «беспокоить нас» до первого петушиного крика жестокими угрозами и побоями.

Школы и программы обучения, по-видимому, разительно отличались друг от друга. Цицерон писал, что в обучении свободнорожденных мальчиков предки римлян (в отличие от греков) старались, чтобы не было какой-то неизменной системы, установленной законом, или предложенной властью имущими, или же одинаковой для всех. Общество не считало своим долгом препятствовать абсолютной власти отца в каждой семье. Римляне придерживались этого мнения; они так и не создали единую национальную систему образования.

Римская школа зачастую представляла собой школу с одним учителем в одной комнате или в маленьком помещении, похожем на мелкую лавку, выходящую на улицу и отгороженную от нее лишь занавеской. Из очень скудных сведений, которые мы имеем, вытекает, что школьная жизнь римских детей была довольно убогой.

Тем не менее не так уж мало детей сегодня ненавидят свои школьные дни; нет сомнений, что они показались бы раем по сравнению с чистилищем, которое проходили многие римские дети.

Учителям также приходилось несладко, если верить Ювеналу, который писал в I веке н. э.:

Сидя читается речь, а потом то же самое стоя
Ритору класс преподносит, и то же стихами поет он.

С горькой насмешкой он описывает, как плата за обучение, и так маленькая, обычно урезалась рабом, который приносил ее и заставлял школьного учителя смириться с этим.

Кто же Келладу отдаст, Палемону ученому столько,
Сколько их труд заслужил грамматика? А ведь их этой
Мелочи (плата у них куда, чем у риторов, меньше!)
Кой-что откусит на долю свою и дядька безмозглый,
И выдающий урежет себе. Палемон, уступи же.
Платы убыток стерпи, подобно тому торгашу, что
Продешевит простыни, одеяла дешевле скупит, -
Лишь бы совсем не пропала работа твоя среди ночи,
Труд спозаранку, когда не проснулись и мастеровые,
Те, что шерсть начинают прясти кривыми гребнями;
Только бы вонь от стольких лампад, сколько было мальчишек,
Зря не пропала, когда по ночам казался Гораций
Вовсе бесцветным и копотью весь покрывался Вергилий.
А для полочки твоей ведь еще у трибунов дознание
Нужно! Вот так и блюда суровой науки обычай,
Ибо учителя долг - языком в совершенстве владея,
Помнить историю всю, а авторов литературных
Знать как свои пять пальцев всегда...

Действительно, учителям платили очень мало, многие из них усердно трудились за вознаграждение, не превышающее заработка любого ремесленника или неквалифицированного рабочего. Отец поэта Горация не хотел, чтобы его сын ходил вместе с деревенскими мальчишками к местному учителю, бравшему плату по восемь ассов в месяц с носа, но, по-видимому, ему не пришлось платить больше, чтобы отправить юного Горация в школу Орбилия в Риме. Асс был мелкой медной монетой; восемь ассов равнялись половине денария. Солдату на службе выплачивалось Юлием Цезарем 225 денариев в год, но питание, одежда и кров были бесплатными. Учитель, обучающий 30 учеников, получал 15 денариев в месяц, или 180 денариев в год, из которых ему приходилось оплачивать пропитание, одежду и жилье. Это было жалкое вознаграждение даже в дни республики, когда свободному гражданину Рима требовалось по крайней мере около 250 денариев в год, если ему приходилось содержать жену.

Луций Орбилий Пупилл был одним из самых знаменитых школьных учителей в I веке до н. э. Родом он был из Беневента в Южной Италии. Прослужив там педагогом много лет, он переехал в Рим в 63 году до н. э., в тот самый год, когда Цицерон занимал должность главного магистрата или консула. Тогда ему было 50 лет. «...Преподаванием своим... - говорит Светоний, - добился скорее славы, чем выгоды». В своих воспоминаниях (не дошедших до наших дней) он признавал, что был очень беден; действительно, Орбилий жил на чердаке, «под самой крышей». Гораций увековечил его, назвав «не жалеющим розг», очевидно, справедливо, поскольку еще одна жертва также свидетельствовала о его жестокости, обращаясь к тем, «которых Орбилий бивал и линейкой и плеткой»; похоже, таких было совсем не мало. Он прославился: заслужил мраморную статую в своем родном Беневенте, где, по словам Светония, «на капитолии, с левой стороны, показывают мраморную статую, которая изображает его сидящим, в греческом плаще, с двумя книжными ларцами рядом». Он дожил до ста лет, влача жалкое существование, поскольку потерял память [7]. Его сын, носящий такое же имя (Орбилий), пошел по стопам отца, став грамматиком.

Современник Орбилия, Публий Валерий Катон, у которого было много учеников из аристократов и который прослыл очень хорошим педагогом, также дожил до преклонного возраста, умер в крайней нищете, в жалкой лачуге, после того как ему пришлось продать свою виллу в Тускуле, чтобы расплатиться с долгами. Большинство этих старых школьных учителей, видимо, переживали тяжелые времена и получали относительно небольшое вознаграждение, хотя время от времени некоторым из них сопутствовала удача, особенно в более процветающие века, последовавшие после жизни Орбилия и Валерия. Покровительство сильных мира сего, особенно императора, было одним из способов отличиться. Интересные описания этих старых школьных педагогов можно найти в том, что осталось от труда Светония «О знаменитых людях».

Дисциплина сурово насаждалась в первые века Римской республики, поэтому раздражительные и жестокие школьные педагоги более позднего времени могли поддерживать эти старинные традиции без каких бы то ни было угрызений совести. Они могли цитировать мудрейшего из греков, поскольку, как говорил Аристотель, учение, определенно, нельзя сделать наслаждением, ведь молодые люди не развлекаются, когда учатся, поскольку учение всегда болезненно. «...Учение есть труд, а не наслаждение», - вторит ему Цицерон.

Битье палкой по рукам было обычным исправительным и стимулирующим средством. Более жестоким наказанием была порка кожаным кнутом. Римляне, видимо, верили в часто цитируемую строку греческого драматурга Менаандра (приблизительно 342 - 291 гг. до н. э.), чьи произведения были популярны в римских школах, что «человека, которого не секли, нельзя назвать образованным». Не очень многие голоса, видимо, поднимались в знак протеста, но одним из таких людей был родившийся в Испании Квинтилиан. Марк Фабий Квинтилиан (приблизительно 35 - 100 гг. н. э.) осуждает порку, считая подобное наказание унижительным для свободнорожденного. Если тот или иной подросток лишен самолюбия, то ему и порка не поможет. Квинтилиан полагал, что детям лучше ходить в школу, несмотря на жестокое обращение, чем получать домашнее образование. Но старинная традиция домашнего образования сохранялась и по мере того, как Рим богател, в последнем веке республики и в последующие века империи, все больше и больше родителей нанимали своим детям частных наставников, обычно греческих рабов, купленных на рынке, где те довольно высоко ценились, если были особенно искусны в чтении, музыке или арифметике. Поскольку в Риме обучение не было обязательным, дети могли вырасти безграмотными, если родители не сочли нужным дать им образование. К тому же не было никакого контроля со стороны государства или школьных инспекций в период республики и в начале эры империи. На закате империи самое большое, что предприняли обеспокоенные и равнодушные императоры, был установленный до определенной степени контроль над педагогами и, по-видимому, поощрение муниципиев и губернаторов провинций назначать более квалифицированных школьных учителей или просто увеличивать их число.

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Позднее, когда римская система образования полностью сложилась, подавляющее большинство римских детей так и не перешагнули границ элементарного или начального обучения. Это означало, что они научились чуть лучше читать, писать и повторять «прописные» правила, лелеющие определенные моральные доктрины. Вероятно, какой-то курс простейшей арифметики тоже был включен в программу обучения - хотя даже это определенно было сопряжено с трудностями. Ведь все римские цифры представляют собой сочетание шести букв: I (1), V (5), X (10), L (50), C (100), M (1000), и громоздкая суть такой системы счисления очевидна из того факта, что требуются восемь букв, чтобы выразить число 88: LXXXVIII. Умножение и деление, как сложение и вычитание, решались с помощью передвижений костяшек на счетной доске, или абакусе (abacus). Но даже эти мелкие достижения приходилось завоевывать, вопреки бремени домашнего окружения, где зачастую обучению уделялось мало внимания. Даже в I век империи на ребенка большее влияние оказывала его нянька или, когда он шел в школу, раб, который сопровождал его туда, чем школьный учитель. Квинтилиан убеждал родителей прежде всего проследить, чтобы нянька ребенка говорила правильно. Конечно, он знал, что самое важное, чтобы у нее был хороший характер, но подчеркивал, что и сами родители тоже должны говорить правильно, и полагал, подобно всем здравомыслящим родителям, будь то римляне или кто-либо другие, что любые влияния в раннем детстве могут быть как глубокими, так и крепкими. Тацит придерживался такого же мнения, сетуя, что в его дни младенца вверяли любой греческой девчонке-рабыне, которой помогал один из мужчин-рабов - обычно самый никчемный из всей домашней челяди, в результате чего на незрелые и впечатлительные умы с самого начала оказывали влияние рассказы и суеверия этих рабов, но никого из домашних это несколько не волновало.

К I веку до н. э. детей представителей среднего класса и более состоятельных родителей ожидала более продолжительная школьная жизнь: закончив обучение у литератора, они шли учиться у грамматика. Квинтилиан говорил, что как только мальчик научится хорошо читать и писать, наступает очередь идти на обучение к литератору. Он считал предпочтительным, чтобы мальчики начинали обучаться греческому, поскольку общеупотребительной латыни ребенок научится все равно, хочет он того или нет. Квинтилиан рекомендует заниматься переводами с греческого на латинский, ссылаясь при этом на примеры Л. Красса, Цицерона и других.

Светоний (69 - 140 гг. н. э.) подводит итог развития изучения литературы, сказав: «Грамматика в Риме в прежние времена не пользовалась не только почетом, но даже известностью, потому что народ, как мы знаем, был грубым и воинственным и для благородных наук не хватало времени. И начало ее было скромным: древнейшие ученые, которые в то же время были поэтами и наполовину греками (я говорю о Ливии и Эннии, которые, как известно, учили в Риме и на родине на обоих языках), только переводили греков или же читали публично собственные латинские сочинения».

Под «наполовину греками» Светоний подразумевал, что и Ливий и Энний были италийцами, родом из Ближней Италии, которой греки управляли. Ливий перевел «Одиссею» Гомера на латинский приблизительно в 250 году до н. э. Таким образом, можно было положить начало изучению в Риме литературы на латыни, и римлянам повезло, когда они начали серьезно относиться к образованию, чтобы ознакомиться с бесценным наследием культуры и цивилизации Греции. Немногие римляне осознавали, насколько им повезло в этом отношении, потому что подавляющее большинство интересовалось исключительно более прозаическими делами повседневной жизни. Поэтому в семейном кругу и в школе дети обычно знакомились с римскими способами определения времени, числа, дня месяца

и года; они учились различать деньги по их стоимости, а также умению высчитывать и измерять вес, длину и объем. По-видимому, до тех пор, пока юные римляне не стали заканчивать начальную школу литератора и отправляться на обучение у грамматика, что могли себе позволить дети более состоятельных родителей к I веку до н. э., они, видимо, более успешно справлялись с арифметическими задачами и простыми вычислениями. Некоторые способы измерения у римлян не слишком отличались от наших, которые на самом деле происходят в какой-то степени от них, но остальные, особенно календарь, были совершенно другими.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Если не светило солнце или римляне не находились возле хороших солнечных часов, они никак не могли точно определить время, поэтому человек, находящийся в одном конце Рима, не был уверен, что он и человек в другой части этого города дадут одинаковый ответ, если спросить у них, который час. Не имея никаких механических часов, им приходилось опираться в вычислении времени суток на восход и закат солнца. Две эти фиксированные точки дня, которые были одинаковы для всех, определяли границы деятельности большинства людей, потому что, как мы уже видели, искусственное освещение при помощи масляных светильников и свечей давало мало света, требовало постоянного внимания и было причиной сильного дыма и копоти. Большинство римлян, ограниченных продолжительностью светлого времени суток, разделяли его на двенадцать часов, поэтому полдень был моментом, когда шестой час переходил в седьмой. Полночь точно так же была моментом, когда седьмой час служил началом ночи. Поскольку летом дни длиннее, чем зимой, римский час в дневное время должен был быть продолжительнее, но, поскольку римляне не пытались поделить часы на минуты, это не имело большого значения. Когда англичане пишут «a. m.» для любого времени с утра до полудня, они сокращают латинское выражение «ante meridiem», что значит «до наступления полудня», в то время как «p. m.» означает «post meridiem» или «после полудня».

Солнечные часы римляне позаимствовали у греков. Первые солнечные часы появились в Риме во время Первой Пунической войны в качестве трофея из Сицилии. Когда они были установлены в Риме приблизительно в 263 году до н. э., римляне не знали, что солнечные часы, которые были точными на Сицилии, не будут правильными в Риме из-за разницы в широте. Лишь сотню лет спустя они обнаружили свою ошибку и после этого начали делать более точные солнечные часы. Приблизительно в то же время (159 г. до н. э.) римляне начали ввозить водяные часы из Греции. Эти часы работали по принципу сообщающихся сосудов, когда вода капала из одного сосуда в другой. Такие часы могли, подобно более поздним песочным часам, рассчитанным всего на один час, указывать лишь время, которое понадобится для того, чтобы сосуд определенного объема опустошался. Или же вода могла капать с известной и постоянной скоростью, тогда сосуд с разнуровневой шкалой, отмечающей время, которое прошло, можно было соотносить с высотой воды в нижнем сосуде. Позднее, в дни империи, водяные часы стали более замысловатыми, но более простыми для определения по ним времени, однако римляне, даже с помощью самых точных указаний, так и не преуспели в измерении времени, даже когда делать это пытался сам император. Август с помощью математика (большого поклонника астрономии Манилия) сделал солнечные часы из огромного обелиска на Марсовом поле. Приблизительно 65 лет спустя после смерти Августа Плиний жаловался, что за прошедшее тридцатилетие эти часы всегда показывали неправильное время по причине, ему неизвестной. Сенека всегда говорил, что легче было найти согласие среди философов разных школ, чем между двумя водяными часами.

Солнечные и водяные часы, кроме того, разделяли часы дневного времени суток на равные части и, таким образом, расходились с традиционно принятыми часами дня, которые

были, как вы уже знаете, неравной длины. Поэтому они не вошли в широкое употребление ни у среднестатистических учеников или учениц, ни у их родителей. Фактически определение и подсчет времени в Риме всегда было неточным, приблизительным делом.

КАЛЕНДАРЬ

Хотя римляне считали года начиная с первого года мифического основания города Ромулом, первым римским царем, что произошло, как нам известно, в 753 году до н. э., они запоминали события не по пронумерованным годам, а по именам двух консулов, которые управляли государством, когда происходили эти события. Следовательно, заставить детей заучить даты на уроках истории стоило очень большого труда, ведь датирование римской истории было гораздо сложнее, чем истории Британии или Америки, которую подразделяли по правлениям королей или срокам пребывания в должности президентов, потому что консулы избирались заново ежегодно, а некоторые служили неоднократно. Усвоение этого материала требовало основательного напряжения памяти, и только Макалею[8] удалось под силу перечислить всех римских консулов по порядку, как он с легкостью перечислил всех римских пап.

По старой традиции римский год начинался 1 марта до тех пор, пока в 153 году до н. э. начало года официально не было перенесено на 1 января. Это был день, когда магистраты или главные чиновники, заново избираемые каждый год, приступали к своим общественным обязанностям. В доисторические времена такой год состоял всего из 10 месяцев, но с появлением хронологии стал состоять из 12 месяцев.

Очень нелегко вычислить точную продолжительность одного полного обращения Луны вокруг Земли или Земли вокруг Солнца. Лунный месяц приблизительно состоит из 29 с половиной дней, а солнечный год - приблизительно из 365 с половиной дней. Неудивительно, что в давние времена римляне сбивались при подсчете, и время от времени им приходилось добавлять или, как они выражались, «вводить» дополнительный месяц. Юлий Цезарь, став верховным диктатором республики, исправил такое положение. К счастью, новолуние, к которому большинство римлян всегда питали суеверное благоговение, пришлось на 6 часов 16 минут пополудни 1 января 45 г. до н. э., и Юлий Цезарь основал свой реформированный римский календарь на двенадцатимесячном цикле, когда новый год начинался с 1 января. Вычисления, на которых была основана новая система летосчисления, были столь хороши, что календарный год Цезаря - юлианский календарь - продержался без изменений в Англии до 1752 года, когда снова пришлось провести реформу, поскольку к тому времени в году уже не хватало 11 дней[9]. Подобные изменения могли быть введены исключительно решительным человеком, поскольку римляне были сильными приверженцами старых традиций. Даже те, кто, по-видимому, согласился с реформой Цезаря, не могли удержаться от шуток. Вскоре после этого, когда великому оратору Цицерону, который ненавидел диктатуру и горевал о развале и исчезновении старого республиканского правления, кто-то сказал, что созвездие Лиры зайдет на следующее утро, он отвечал: «Да, несомненно, согласно Цезареву эдикту».

Римские дети учились, по мере прохождения недель и месяцев, как исчислять время и когда бывают традиционные праздники и церемонии в их родной стране. Они так сильно отличались от наших и были такой неотъемлемой частью повседневной жизни в Риме, что взгляд на римский календарь полон сюрпризов. Названия месяцев, однако, были такими же, какими мы пользуемся до сих пор, за тем исключением, что до 44 года до н. э. пятый месяц назывался квинтилий (Quintilis). Позже он был переименован в юлий (Julius) в честь Юлия Цезаря. Точно так же август был секстилием (Sextilis) до VIII века до н. э., когда его переименовали в честь Августа. Другие императоры пытались произвести подобные изменения в свою честь, но они продержались очень недолго.

Римляне не считали дни месяца, как мы, начиная с 1-го по 30-й, 31-й или 29-й (в феврале), а делили каждый месяц на три части и уточняли день по тому, сколько дней оставалось до наступления каждого из этих трех разделяющих дней, за исключением февраля, у которого была собственная система. Эти три разделяющие дни в каждом месяце были: календы, которые всегда выпадали на первое число каждого месяца; ноны, которые в марте, мае, июле и октябре приходились на 7-е число каждого месяца, а в остальных - на 5-е число; и иды, которые в марте, мае, июле и октябре выпадали на 15-е, а в остальных - на 13-е число. Так, например, 4 июля писалось как «IV ante nonas» (за четыре дня до нон), 8 августа будет «VI ante Idas» (за шесть дней до ид), 24-е февраля (не в високосном году) будет «VI ante Kalendas Martias» (за шесть дней до мартовских календ).

ДЕНЬГИ

В период ранней республики, как в Средние века в Англии, деньги не слишком усложняли жизнь римлян. Необходимость в монетах возникала редко. Простая жизнь римских земледельцев была в основном самодостаточной. Они выращивали себе пищу, сами разводили скот, сами строили себе дома, сами изготавливали одежду и грубые инструменты. Если деньги требовались, чтобы купить землю или вола, или в некоторых церемониальных случаях, таких как приданое дочери, или в качестве свадебного подарка, римляне пересчитывали грубые бруски меди или бронзы, на которых было отпечатано подобие быка или коровы. Тогда иностранная торговля была развита слабо, а когда она не была формой бартера (обмена), находилась в руках небольшой группы людей. Деловые связи возникали постепенно, по мере того как городские ремесла и промышленность становились узкоспециализированными и вытесняли работу, которую можно было сделать на дому. Вскоре после 300 года до н. э. вошли в обращение три круглые монеты: асс, большая тяжелая монета весом около 10 унций, семис - в половину асса, и унция, в одну двенадцатую веса асса.

Система этих монет была двенадцатеричной, какую до недавнего времени использовали британские дети для подсчета шиллингов и пенни или для перевода дюймов в футы. Число 12 удобно в качестве составляющей, поскольку легко делится на 3 или 4, в результате чего получаются целые числа 4 и 3. Такое невозможно, если шкала основана на десятках, то есть при десятичной системе, как американский доллар или французский франк.

Эта старинная монетная система римлян была уничтожена разрушительной войной, когда бронза потребовалась для оружия, чтобы сражаться с карфагенянами из Северной Африки под командованием выдающегося военачальника Ганнибала. Он едва не разрушил Римскую республику, а вдобавок и всю остальную Италию, пока не потерпел поражение в Северной Африке в 202 году до н. э. от Сципиона, которого после этого прозвали Сципионом Африканским в честь этой великой победы. До тех пор, пока не был восстановлен ущерб, нанесенный сельской местности Италии, римляне не могли извлечь пользу из поражения их величайшего врага на Средиземноморье. По мере того как им удавалось преуспеть, они неуклонно становились богаче, и с расширением торговли заимодавцы и менялы начали играть важную роль в жизни Рима. Чуть позже 200 года до н. э. старая бронза, как стандартная монета, была заменена новой серебряной монетой, носившей название денарий. После незначительных изменений римские деньги приблизительно с 123 года до н. э. в основном исчислялись двумя серебряными монетами - мелким сестерцием и денарием, стоимость которого составляла 4 сестерция, а размер чуть меньше английского шиллинга. Его название сохранилось как «d» в английском сокращении «l. s. d» - то есть «цифра самого младшего разряда». С наступлением империи появился золотой, или червонец, стоимостью 25 денариев. Тогда старая медь снова «забастовала»; 16 ассов составляли 1 денарий. Также была выпущена четверть асса, квадрант, как английский фартинг. Это была незначительная мелкая монета, но ею можно было заплатить за один день, про-

веденный в одной из великих терм или бань. Поздние императоры прибегли к одиозной практике ограбления народа - когда содержание в монете ценного металла стало ниже объявленной стоимости. Конечно, люди вскоре обнаружили это, а кроме того, ощутили и последствия: рост цен.

Рис. 12. Меняла

ТАБЛИЦА МЕР И ВЕСОВ

Римские ученики наверняка находили свою таблицу мер и весов столь же сложной, сколь сложными кажутся сегодняшние эквиваленты современным школьникам, и необходимо отметить, что их в общем употреблении было несколько больше, о чем будет упомянуто на других страницах этой книги. Римский фунт (либра) состоял из 12 унций, каждая весом около одной британской унции[10]. Римский фут (pes) составлял более 11 с половиной дюймов, римский пасс(ус) (passus)[11], состоящий из 5 футов, ближайшая к ярду мера, был, следовательно, равен 4 футам 10 дюймам, а 1000 пассов составляла римскую милю, которая равнялась 1,618 ярда вместо 1,760 ярда в британской миле.

Самая общеупотребительная мера земли, югер (jugum), предположительно представляла собой площадь, которую парная упряжка волов (jugum) могла вспахать за день, и составляла $\frac{5}{8}$ от акра, или 0,252 га, или 2519 кв. м.

Пшеница, соль и подобные продукты, а также жидкости измерялись модиями (modius), почти равными 2 галлонам, или 8,754 л (1 галлон равен $\frac{7}{3}$ пинты), и состоящими из 16 римских пинт, секстарий (sextarius)[12], поэтому британская пинта приблизительно равна римской.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЫСШЕЙ СТУПЕНИ

Вряд ли много времени могло быть потрачено на таблицы мер и весов в школе грамматики, поскольку ее основной и единственной практической целью было подготовить мальчиков к более высокой ступени обучения у педагога ораторского искусства - ритора. Такое образование высшей ступени ценилось, потому что было средством достижения успешной карьеры адвоката в суде и, таким образом, путем в сферу политики и управленческого аппарата. Немногие римляне извлекали пользу только из знаний литературы. Они завоевали мир, не полагаясь на риторику, литературу, философию, астрономию, греческую поэзию и драму, поэтому сначала любое предложение, что римским юношам следует их изучать, встречалось с хмурым неодобрением. Однако потребности империи и между-

народной торговли росли, и необходимость в знании греческого языка становилась настоятельной.

Греческий был не только ключом к сокровищнице мысли, образования и науки, чего нельзя сказать о каком-либо другом языке; он также был языком, посредством которого римлянам приходилось общаться с провинциями, завоеванными их армиями в Южной Италии и Сицилии и в странах Восточного Средиземноморья. Более того, греческий был общим универсальным языком торговли и деловых контактов в Египте и конечно же в самой Греции. Таким образом, знание греческого стало признаком некоего социального различия, как прежде знание французского языка было отличительной чертой аристократа в XVIII или в начале XIX века в Англии или России или как знание английского языка распространилось среди образованных классов в XIX веке в Индии, Бирме и на Цейлоне.

Следовательно, образованным римлянам, в отличие от греков и большинства древних народов, приходилось учить второй язык. Конкуренция за преуспевание в общественной жизни была такова, что продолжительное и старательное обучение было необходимостью. Это означало, что только богатые семьи могли отправить своих мальчиков в школу более высокого уровня овладевать ораторским искусством с элегантною и истинною убедительностью. Фиксированного возраста для такой перемены не было, поэтому простая формула Квинтилиана, что мальчику следовало закончить обучение у грамматика и отправляться изучать риторику, «как только он к этому готов», видимо, была не столь уж и плоха. «...К этим учителям поступают взрослые мальчики, и у них продолжают учиться те, кто уже стал юношами; поэтому надо обращать особенное внимание на то, чтобы учитель мог, в силу своей нравственной чистоты, охранять от обид более нежный возраст и своим авторитетом удерживать распушенную молодежь».

Три ступени римского образования были, следовательно, очень приблизительно эквивалентны нашему начальному или элементарному образованию, обучению в средней школе и университетскому образованию, хотя опасно проводить такую аналогию, поскольку в Риме все делалось частным предпринимательством менее масштабно и не было ничего отдаленно похожего на наши просторные начальные, средние школы или университетские здания, преподавательский состав или курс обучения. Программа обучения, доступного для детей и молодых людей, была ограничена по сравнению с нашим современным курсом обучения. Не все римляне, подверженные влиянию греческой культуры, были способны извлечь из обучения пользу, поэтому те, кто преуспел, все сильнее отдалялись от детей римлян бедного или среднего класса, которые, если только не были исключительно одаренными и исключительно везучими, никогда не достигли бы никаких личных интеллектуальных высот.

Это было задолго до того, как римляне осознали необходимость обучения высшей ступени. Катон Старший во II веке до н. э. предложил своему сыну здоровое, простое правило, как стать хорошим оратором. «Держись ближе к теме, - говорил он, - и слова найдутся». Светоний сообщает, что в 161 году до н. э. в Сенате, «обсудив вопрос о философях и риторях, постановили... чтобы их больше не было в Риме». Для одаренного римского юноши единственным способом начать карьеру было послужить помощником выдающемуся, удачливому общественному деятелю, если у него не было отца, который мог бы им руководить. Цицерон, будучи молодым человеком, был отдан в руки старому и мудрому верховному понтифику (Pontifex Maximus) Муцию Сцеволе, одному из старейших государственных деятелей начала I века до н. э., у которого он учился основным принципам искусства управления государством. Старое неприятие школ риториков упорно сохранялось.

Приблизительно в это время (92 г. до н. э.) два цензора, Красс и Домиций, высокопоставленные чиновники, долгом которых было поддержание общественной морали и достойного поведения, заявили: «Дошло до нас, что есть люди, которые завели науку нового рода. К ним в школы собирается юношество, они приняли имя латинских риториков, и там-то молодые люди бездельничают целыми днями...»

«...Новшества же, творимые вопреки обычаю и нраву предков, представляются неправильными и нежелательными. Поэтому считаем необходимым высказать наше мнение для тех, кто содержит школы, и для тех, кто привык посещать их, что нам это не угодно».

Нам не известно, возымело ли действие это напыщенное консервативное заявление, поскольку, как это довольно часто случается с поборниками общественной морали, эти взгляды были основательно устаревшими. Усиленное изучение греческого и латинского было популярным среди высших классов Рима на протяжении двух предыдущих поколений, и отказаться от этого было нелегко. Люди с особенно сильно выраженными культурными интересами, такие как Цицерон, отправляли своих сыновей на обучение в Афины - столь велика в интеллектуальном мире была репутация всего греческого.

Но хотя изучение риторики упрочилось в качестве единственного вида формального обучения высшей ступени, доступного для состоятельных молодых людей, картина, данная Сенекой и Тацитом, о качестве того, что сходило за хорошее образование в римских школах риторов, не вызывала воодушевления. Хорошо было Квинтилиану, который был одним из лучших преподавателей, предъявлять высокие требования к обучению ораторскому искусству, указывая, что «многие образованные люди думают, что говорить надо иначе, чем писать», что «речь написанная, предназначенная для чтения, должна быть тщательно отделана, составлена «по закону и правилу», ибо она будет в руках людей образованных и судить о ней будут мастера...», «по-моему, хорошо говорить и хорошо писать одно и то же, и написанная речь только увековечивает сказанную в суде», и продолжает в том же духе, убеждая, что музыку можно понять лишь в том случае, если овладеть размером и ритмом, не говоря уже об астрономии и философии. Многие учителя были неспособны отдать справедливость таким, вне всяких сомнений, здравым требованиям до такой степени, что Сенека мог сетовать не без основания, что «некоторые прилагают чересчур большое старание и чересчур много труда к познанию темных и трудных предметов, в то же время не нужных нам».

Тацит был еще более уничижителен в вопросе о школах риторов. Об учащих, посещающих подобное среднее учебное учреждение, он говорил, что трудно сказать, что является самым пагубным для их интеллектуального роста - само ли место, или их собратья по учению, или же предметы, которые они изучают. Полагалось, что ученики овладевают искусством убеждения и полемики, но какие скверные у них темы для обсуждений! Кроме того, эти предметы столь далеки от реальной жизни, а стиль, в котором они преподносятся, так напыщен. Тацит приводит в качестве примера предложенные темы: «Награда тираноубийце», или «Альтернатива насилуемой девы», или «Лекарство от чумы». Однако за поколение до этого Сенека предлагал такие темы, как «Александр Великий обдумывает, стоит ли ему входить в Вавилон после того, как он получил предупреждение об опасности от предсказателя», или «Цицерон размышляет, сжигать ли ему свои произведения, поскольку Антоний обещает сохранить ему жизнь при условии, если он их уничтожит».

Нельзя сказать, судя по названиям учебных упражнений, задаваемых усталыми наставниками, вынужденными год за годом пытаться находить новые и интересные темы, что они были такими уж важными, и перспектива «пира» разума, возникающая из подобных упражнений, вряд ли могла считаться оправдывающей ожидания. Как заметил Тацит, трудно ожидать от зеленых студентов зрелости суждений, необходимой для многих полемических тем[13]. Вне всякого сомнения, существуют другие менее поверхностные примеры, но во времена императорского абсолютизма или деспотизма, которые превалировали на протяжении большей части римской истории после Юлия Цезаря, свободное обсуждение политических вопросов, таких как свобода личности или демократическое правление, могли быть столь же опасными, как сегодня в коммунистических полицейских государствах.

Даже из такого краткого сообщения очевидно, что стремление усовершенствовать интеллектуальный и моральный уклад римского народа никоим образом не было реализовано полностью. Образование ценилось за его практическую помощь в повседневной де-

тельности. О литературе и ораторском искусстве судили по их способности помочь человеку выиграть судебный процесс или перетянуть на свою сторону толпы избирателей. Музыка была хороша только тогда, когда несла призыв или могла ускорить какой-то мужской род деятельности, такой как борьба. Представление греков о том, что образованная и культурная жизнь сама по себе вещь неплохая, поскольку она подразумевает некоторую степень активного желания постичь истину, ценить и создавать прекрасное, а также достичь достойного с точки зрения морали поведения в человеческих отношениях, не очень привлекала практичных римлян.

Глава 3

СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД

ДУХ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Не было ничего священнее, что охранялось бы более надежно всеми религиозными инстинктами, чем дом каждого отдельного римлянина. «Такова, - говорил Цицерон, - была традиция отцов республики», и ее долгое время придерживались. Среднестатистический римский дом для нас не показался бы очень удобным, но это не имело значения для римлянина, который, по крайней мере во времена империи, предпочитал проводить большую часть своего времени вне дома, прогуливаясь, сплетничая в термах или в цирке, амфитеатре или театре. Затем он приходил домой на обед, основной дневной прием пищи. Для большинства обед проходил в кругу семьи, после чего оставалось не так уж много времени, если только летом, чтобы снова выйти из дома до наступления темноты, когда это могло быть опасно из-за хулиганов и грабителей в узких улочках и большого движения колесного транспорта, которое по приказу Юлия Цезаря дозволялось в Риме только по ночам.

Не сохранилось ни одной картины или описания того времени римского семейства у себя дома, ни одного романа, письма или пьесы, передающих живое ощущение личных отношений в обычном семейном кругу. Существуют немногочисленные описания пышных обедов и случайные вставки семейных сцен в письмах Цицерона, у которого было двое детей, и Плиния Младшего, который был бездетным знатным вельможей с литературными наклонностями. Отсюда и из других случайных замечаний мы составляем картинки римской жизни, зачастую противоречивые. Преобладает впечатление, что римляне были серьезным народом, обладающим чувством собственного достоинства, заслуживающим скорее уважения, чем привязанности, что подтверждается некоторыми греками, чей живой, сочувственный, любвеобильный характер и чья любовь к красоте и преклонение перед культурным превосходством составляли заметный контраст суровым, прозаичным римлянам. Полибий в середине II века до н. э. говорил, что в Риме никто никогда никому ничего не дает. Почти через триста лет другой грек, наставник будущего императора Марка Аврелия, говорил, что нет такого латинского слова, которое могло бы выразить заботливую, нежную любовь родителей к детям, которая передается греческим словом «philostrogos». Он говорил, что в Риме вы никогда не встретите человека, которого можно назвать таким словом, и что он не верит, что такого рода привязанность существует в Риме. И это было на закате того периода, который Гиббон без колебаний назвал самым счастливым и процветающим в истории всего мира. Эти ученые греки преувеличивали, поскольку было бы неправильно позволить этому утверждению умолчать о свидетельствах растущей с ходом времени интуиции, более глубоких человеческих чувств, искренних побуждений и стремления к лучшему. Верность мужа жене, их привязанность к детям, рабам и домашним животным описываются на многих страницах римской литературы и запечатлены на многих

могильных камнях и памятниках, сохранившихся до наших дней. Надписи на могильных камнях, видимо, могут вызывать сомнения в фактической достоверности, но они являются эхом того, что можно найти в римской литературе. Лукреций писал:

После того как жена, сочетавшись с мужем, единым
Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали
Ведомы им, и они свое увидали потомство,
Начал тогда человеческий род впервые смягчаться.

Квинтилиан, потерявший сначала молодую жену, а потом двоих сыновей, которых обо- жал, пишет о них горькими словами печали, которые пронзают столетия, отделяющие нас от него. Но он был испанцем.

У Тибулла есть милая небольшая зарисовка, изображающая маленького ребенка, схва- тившего за уши своего отца, когда тот его целовал, и старого деда рядом, всегда готового следить за ребенком и не устающего болтать с ним. В домах римлян также было много ра- достей. Цицерон повествует о том, как Лелий и Сципион весело проводили время за горо- дом, собирая морские ракушки и развлекаясь.

Сам Цицерон, чья забота и любовь к своим двум детям должна поразить любого, прочи- тавшего его письма, заявлял в своем трактате «Об обязанностях», что фундаментом об- щества являются семейные узы сначала между мужем и женой, а затем между родителями и детьми. Он полагал, что «природа силой разума сближает человека с человеком... и прежде всего внушает ему, так сказать, особенную любовь к потомству...». Конечно, Ци- церон не был жестоким и корыстным отцом для своих сына и дочери. Наоборот, он понял, правда, когда уже было слишком поздно, что был чересчур занят собственной карьерой и общественными делами, чтобы уделять им все то внимание, в котором они нуждались, и, по-видимому, испортил их чрезмерной снисходительностью. В обычных семьях, вероят- но, все обстояло по-другому. Случайные изображения римских детей обычно представля- ют их в школе или помогающими своим родителям в ежедневных заботах по дому, в поле и со скотом. Такова и живая картинка, запечатленная Вергилием, изображающая мальчи- ка, очень рано влюбившегося в маленькую соседскую девочку, которую он видел рано по утрам собирающей яблоки в саду со своей матерью. Несмотря на то что подобные свиде- тельства обрывочны, они указывают на то, что в римской семейной жизни было много то- го, что могло бы показаться нам абсолютно нормальным сегодня, по крайней мере в том, что касается мальчиков.

А что же насчет римских девочек и их матерей, от которых тогда, как и сегодня, в ос- новном зависела задача создания семейного круга и настоящего дома?

ЖЕНЩИНА В ДОМЕ

Задолго до появления хронологии в Риме практиковались две формы брачных отноше- ний. Первая, «кюмпцио» (буквально «купля»), была формой покупки жены и сначала практиковалась в основном среди низшего класса плебеев. Другая заключалась в торжест- венной религиозной церемонии, исполняемой двумя верховными жрецами: жрецом Юпи- тера (Flamen Dialis) и верховным понтификом. Она ознаменовывалась обменом полбен- ных лепешек, называлась «конфарреация» (confarreatio) и являлась союзом на всю жизнь, развод был практически невозможен. Аристократы или патриции Древнего Рима в основ- ном соблюдали эту форму брака. Считалось, что различия между этими двумя формами указывали на то, что патриции были потомками древних италийских захватчиков, при- шедших с тевтонского севера и завещавших характерную устную традицию супружеской верности.

Браки посредством «купли» невесты имели некий религиозный оттенок, поскольку две из трех медных монет - ассов, приносимых невестой, жертвовались домашним ларам. Третья оставалась у жениха. Это было символическим приданым. Считалось, что богиня

Юнона вводит невесту в ее новый дом. После того как невеста в своей красной фате и жених соединяли руки, приносилась жертва Юпитеру. Волосы невесты разделяли на шесть прядей острым гребнем в форме копья. Ее сопровождала в новый дом веселая процессия, и после смазывания маслом дверей и украшения дверного проема невесту переносили через порог.

Рис. 13. Свадебная церемония

Жених встречал ее «водой и огнем»[14]. Затем следовала пирушка, которая обычно оживлялась непристойными песнями и комментариями. Сохранившийся до наших дней стих Катуллы дает хорошее представление о римской свадьбе времен республики. Но такие пышные церемонии вскоре канули в прошлое. Третья и гражданская форма заключения брака, «узус» (usus), стала всеобщей в эпоху империи. Брак считался заключенным, когда мужчина и женщина проживут вместе как муж и жена целый год, причем важно было, чтобы жена не провела трех ночей подряд вне дома мужа. Вначале бытовало мнение, что такой несколько более свободный союз больше подходит для людей, чье положение в обществе было неравным. Если же женщина проводила три ночи подряд в году вне дома мужа, то она освобождалась от законных брачных уз.

Судьба девочек и женщин в далекие времена Древнего Рима сегодня кажется тяжелой, а зачастую суровой. Появление девочки на свет часто считалось скорбным знаком, как это долго было в Китае. Если ее вообще оставляли в семье, то обращались с ней немногим лучше, чем с рабыней. Катулл, который был жестоко поражен своей сильной любовью к юной римской матроне, использует, говоря о чувствах родителей к незамужней дочери, ругательное слово «invisa», которое не имело иного значения, чем «ненавидимая» или «презренная». Самое большое, на что могла надеяться бедная девушка, что ее меньше будут презирать после того, как она выйдет замуж за парня, которого ей нашел отец. Ведь она, как и остальные члены семьи, находилась целиком во власти своего отца. Если он подыскивал ей мужа, она была полностью отрезана от своей семьи и в той же степени под абсолютной властью своего мужа или его отца, если тот еще жив. Если девушка не выходила замуж, ее могли продать как рабыню. Брак как институт очень сильно отличался от того, чем он является сейчас в Западной Европе, частично потому, что законы и практика в Древнем республиканском Риме оставляли женщину без всяких юридических прав в мире, где творили и исполняли законы мужчины. К тому же основательные различия частично были вызваны большим и все возрастающим числом рабов, хлынувших в город после успешных войн. Среди них были и хорошенькие молодые женщины; их число умножалось в результате пиратства и своевольных действий на зависимых от Рима территориях, которые стабильно расширялись. Рим был не единственным местом, где женщинами не

дорожили, и родители в других местах, как китайцы в наши дни, с готовностью продавали своих дочерей. Таким образом, жена сталкивалась с жестокой конкуренцией в своем собственном доме, где все рабыни точно так же полностью были во власти ее супруга и повелителя, как и она.

Но римские женщины даже в древние времена были сильны духом и готовы постоять за себя. Они добились отмены закона военного времени, изданного в 215 г. до н. э. после ужасного поражения Рима, нанесенного войском Ганнибала в битве при Каннах, запрещающего им владеть больше чем половиной унции золота, носить цветные одежды и ездить в экипаже, запряженном двумя лошадьми. Через пять лет после окончания войны женщины устали от такого аскетизма, но люди старой закалки, Брут и Катон, и слушать не хотели об отмене этого закона. Поэтому «ни одну из матрон не могли удержать дома ни чей-либо авторитет, ни чувство приличия, ни власть мужа; они занимали все улицы города и входы на Форум и умоляли ушедших туда мужей... позволить и женщинам вернуть себе прежние украшения. Толпа женщин росла с каждым днем... Женщины осмеливались уже обращаться к консулам, преторам и другим должностным лицам и упрашивать их». В итоге женщины победили, и закон был упразднен.

Однако юридически женщины оставались в жалком зависимом положении, от которого постепенно освобождались. По-видимому, их спасла наступающая цивилизация, хотя она не освободила греческих женщин, но кажется более вероятным, что они в действительности спасли себя собственной силой характера при помощи введения института приданого в состоятельных семьях, которые были больше заинтересованы в святости брачных уз из-за желания сохранить навсегда семейное имя, поддерживать семейные обычаи и ритуалы в интересах духов своего дома, своих домашних богов и теней своих предков, а также обеспечить надлежащую и законную передачу семейного состояния и имущества. Эти благочестивые обязанности не могли считаться исполненными, если глава семейства брал в любовницы молодых рабынь, сменявших одна другую и не имеющих ни юридических, ни религиозных прав. Состоятельные семьи стали искать способ упрочить положение жены и гордились тем, что обеспечивали своих дочерей значительным приданым. Последствия были весомые. Муж жены с приданым больше не имел ее целиком в своей власти: ее отец, который нашел деньги, не собирался безвозвратно терять их в случае, если брак сложится неудачно. Следовательно, он сохранял отцовские права над своей дочерью.

Уже ко времени ранней империи древняя форма брака «конфарреацию» была почти забыта. Никто, кроме немногочисленных старейших семейств, не придерживался ее; да и те быстро вымирали. Приданое укрепило положение жены в семье, поскольку, если муж пренебрегал ею ради домашних молодых рабынь, она могла пожаловаться своему отцу и поставить брак под угрозу расторжения.

Как только отказались от старых религиозных брачных церемоний, расторгнуть брак стало так же легко, как и заключить его. Религиозные наказания ушли в прошлое, но их сменило жестокое экономическое взыскание, и его боялись больше, потому что, если брак расторгался, приданое необходимо было возместить [15]. Муж не получал приданого, если его отец был еще жив, поскольку сын не имел никаких независимых прав на имущество и, следовательно, не мог по этому поводу прибегнуть к помощи закона. До правления Августа даже плата сына за службу в армии принадлежала его отцу. Поскольку детей могли по закону обручать с семилетнего возраста и они могли вступать в брак по достижении девочкой двенадцати, а мальчиком 14 лет, не возникает сомнений о полной власти родителей над браками своих детей. Римляне женились, выходили замуж и вступали в повторные браки по прихоти своих отцов до дней правления Марка Аврелия к концу II века н. э., когда были введены ограничения на право отца расторгать брак своих детей. Отцы не лишались этого права полностью, поскольку они могли все еще расторгнуть брак, если смогут доказать, что имеют на то «вескую причину», а найти такой предлог всегда было легко. Сын, однако, мог сам расторгнуть свой брак, хотя его жена не могла этого сделать. Отец мужа при жизни имел неограниченную власть также и над всеми своими внуками,

поэтому у родителей не было никаких юридических прав на своих собственных детей до самой смерти деда.

Черпая выгоду из замужеств дочерей, римские отцы продемонстрировали, как мало внимания обращалось на институт брака: римлянину ничего не стоило вступить в брак трижды или четырежды.

Страх перед тем, что потребуется возмещать приданое, был той тяжелой реальностью, которая могла несколько умерить жестокость отца или мужа. Последствия этого были гораздо более далеко идущими, поскольку замужняя дочь теряла связь с семьей, когда умирал ее отец. Тогда она назначала юридического опекуна, который был фактически ее агентом, в то время как она самостоятельно распоряжалась своей жизнью и приданым. В результате женщины были поставлены в независимое положение, которого им так не хватает сегодня во многих цивилизованных странах. Они могли управлять собственным хозяйством и своим образом жизни. Элегантная смешанная общественная жизнь, которой женщины придавали такое изящество и оригинальность, стала реальностью в императорском Риме, возможно, впервые в истории.

К несчастью, нельзя сказать, что все римлянки в высшем обществе пользовались своей беспрецедентной свободой мудро и правильно. Уже говорилось о высоком уровне разводов; также в других разделах этой книги упоминается о суеверном пристрастии женщин к восточным мистическим культам, их склонности «западать» на пользующихся успехом актеров, гладиаторов и возниц колесниц, а также их жестокость по отношению к обслуживающим их рабам. Как и мужчин, их обвиняли в том, что они имели любовников среди своих рабов. Наказанием подобных преступлений были жестокие штрафы. Сбившаяся с праведного пути матрона могла быть продана как рабыня, или ее отец мог лишиться ее жизни, а виновного раба могли сжечь заживо. Но деградирующая порочность императрицы, такой как Мессалина, служит примером той глубины пропасти, куда может пасть женщина, пользующаяся чрезмерной свободой, несмотря на подобные законы. Мужчины были ничем не лучше, а может быть, и хуже. Большая часть римского общества в дни ранней империи была основательно прогнившей.

ПООЩРЕНИЯ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

Римляне никогда не забывали о своей потребности в людских ресурсах; штрафы, налагаемые на холостяков, и привилегии, даваемые многодетным родителям, были двумя основными путями поддержания численности населения. Август в 18 году до н. э. заложил фундамент политики империи в этом вопросе как часть своего великого плана реформирования общественной морали и восстановления некоторых традиционных достоинств великих дней республики. Необходимость реформ спровоцировала Горация на краткую проповедь:

В грехом обильный век оскверняются

Сначала браки, семьи, рождения;

Отсюда выйдя, льются беды

В нашей отчизне, во всем народе.

Август решил, что никакие полумеры не остановят «разврат или прелюбодеяния». Если отец обнаруживал нарушение супружеской верности своей дочерью, он мог безнаказанно лишиться жизни и любовника, и дочь. Муж в подобных обстоятельствах мог также лишиться жизни виновного мужчину, но не свою жену, с которой он, однако, должен был немедленно развестись, чтобы не понести наказания. Никому не разрешалось жениться на этой женщине, которая, кроме того, должна была лишиться половины своего приданого и трети имущества и быть изгнанной на какой-нибудь остров. Виновный мужчина, если ему сохранили жизнь, должен был лишиться половины своего имущества и также сослаться на остров, но, как мудро указывает закон, не на тот же самый остров, куда выслана его ви-

новная партнерша. По-видимому, этот закон был для богатых, потому что бедняки не владели имуществом и на острове умерли бы с голоду. Еще один закон, носящий имена двух консулов того года, Папия и Поппея, которые по иронии судьбы сами были холостяками, накладывал штрафы на холостяков, давал привилегии людям, вступившим в брак, награждал многодетных и устранял некоторые классовые барьеры. Поскольку среди патрициев было гораздо больше мужчин, чем женщин, свободнорожденным, за исключением сенаторов, разрешалось жениться на вольноотпущенницах (то есть бывших рабынях) и считать их потомков законнорожденными. Сенаторам же и их потомкам, вплоть до праправнуков и праправнучек, не позволялось сочетаться законным браком с вольноотпущенниками или вольноотпущенницами, а также с теми, кто прежде был актером или чьи отец или мать были актерами.

Август сам не был святым и заслуживает участи быть жертвой собственных законов, поскольку породил свою остроумную и беспутную дочь от первого брака, Юлию. Ее скандальное поведение, несмотря на законы отца, было предметом городских сплетен. Когда (как водится, последним) Август узнал правду, его гнев был безграничен. Юлия была сослана на остров Пандатария, где провела остаток жизни в одиночестве и изоляции от мира. Когда ее бывший муж Тиберий стал императором, он ужесточил ее судьбу, так что она умерла от чахотки в своем одиночном заключении.

Единственный способ предпринять что-то в соответствии с этими и многими другими римскими законами - это воспользоваться информацией против предположительно виновной стороны, добытой доносчиками. Соответственно, эти подлые создания множились и процветали; как язвительно заметил Тацит, доносительство грозило спокойствию каждого дома, и вся страна страдала от таких законов, как до этого страдала от пороков.

Законы Августа оставались неотмененными, но о них открыто говорили как о бесполезных и неосуществимых. Их несостоятельность была лишь симптомом глубоко укоренившейся болезни, которую признавали все мыслящие римляне. Поэтому моралисты продолжали бичевать как женщин, так и мужчин. Однако на могильных камнях и в исторических хрониках многие женщины предстают в ином свете. Когда в правление Клавдия фатальный приказ о смерти был послан Пету, его жена, хотя ей умирать было совсем необязательно, первой взялась за кинжал. Вонзив его себе в грудь, она вытащила его и протянула мужу, сказав, прежде чем упасть замертво: «Это не больно, Пет!» Когда в правление следующего императора вольноотпущенница Эпихария была схвачена с другими участниками заговора против Нерона, она отказывалась под самыми жестокими пытками выдать своих сообщников, в то время как мужчины пугливо обвиняли своих родных и близких в надежде сохранить себе жизнь. Старые традиции были крепки: «Она любила своего мужа всем сердцем. Она родила двоих сыновей. Веселая в разговоре, достойная в манерах, она вела дом, пряла шерсть» [16]. Такова была традиционная картина женских добродетелей в период республики. Сила характера, которую обнаруживают эти слова, была качеством, которое вызывало уважение даже в обществе, где главенствовали мужчины, и, таким образом, противостояла теоретически абсолютной власти мужчины в доме.

КОСМЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Много потребуется времени, чтобы поведать о тех невероятных тратах времени и усилий, которые некоторые римские матроны уделяли своему повседневному туалету и украшениям, но вряд ли будет правильным считать это обычным образом жизни, за исключением ограниченного числа богатых женщин. Тогда, как и сегодня, подавляющее большинство женщин имели мало времени или средств на такие причуды. Они придерживались традиций ранней республики, примитивной простоты, скорее из необходимости, чем по доброй воле. В отличие от богатых, у них не было маленьких кудрявых и надушенных пуделей, спящих на шелковых подушках, и их не будил ручной попугай криками: «С доб-

рым утром! Здравствуйте! Bravo!» Женщины из бедных слоев населения не лежали в постели с лицами, щедро намазанными маской из муки и молока, ожидая, когда молодые рабыни принесут в серебряных или золотых чашах воду с ароматическими эссенциями, чтобы смыть эту массу. В состоятельных домах за такой подготовительной процедурой следовало полоскание рта, поскольку зубные щетки, зубные порошки и пастилки для свежего дыхания были частью ежедневной гигиенической процедуры. Почерневшие и потерявшие белизну зубы, обычные для бедняков, шокировали благовоспитанное общество, где очень ценились белые, а также вставные зубы, изготовленные из особой цементной пасты, слоновой кости или кости. Овидий напоминал девушкам:

А у которой неровные, темные, крупные зубы,
Та на улыбку и смех вечный положит запрет.

Тем самым он советовал им не открывать рта, когда они смеются, а вместо этого демонстрировать окружающим ямочки на щеках.

Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут прикрыты
Зубы губами, и пусть ямочкой ляжет щека.

Элегантные дамы принимали утренние ванны, после чего их вытирали и массировали. Некоторые избавлялись от избыточных волос на теле каменной пемзой - практика, которая заставляет вспомнить французскую поговорку «красота требует жертв». Хотя для этого использовались и бритвы и средства, такие как трава переступень, или *bugonia*. Выщипанные брови, как считали еще в I веке до н. э., подчеркивали красоту.

Продолжительные попытки сохранить и даже сделать волосы более густыми предпринимали в Римской империи как мужчины, так и женщины. Приготавливали самые невероятные варева, движимые вековой иллюзией, что волосы можно заставить расти, смазывая голову маслами, жирами или притираниями. Рекомендовали костный мозг оленя, медвежий или овечий жир. Одно омерзительное средство изготавливалось из крысиных голов и экскрементов, морозника и перца. Несмотря на все меры предосторожности, римляне и римлянки продолжали терять волосы. Накладные волосы и парики, как и вставные зубы, вызывали сарказм и насмешки тех, кто не нуждался в таких средствах. Вид лысой головы важной персоны, парик которой сдуло ветром, считался достаточным основанием для насмешек и гарантированного увековечивания в стихах. Даже Овидий не мог устоять, чтобы не записать, что однажды он зашел без предупреждения к одной своей приятельнице, которая в спешке надела свой парик задом наперед: «Помню, подруге моей обо мне доложили внезапно - вышла красотка, парик задом надев наперед».

Волосы - дело другое. Расчесывай их беззапретно
И перед всеми раскинь их напоказ по плечам.
Только спокойно будь, сдержись, коли станешь сердиться,
Не заставляй без конца их расплетать и сплетать!

Пусть служанка твоя не боится расправы:
Щек ей ногтями не рви. Рук ей иглой не коли, -
Нам неприятно смотреть, как рабыня, в слезах и уколах,
Кудри должна завивать над ненавистным лицом.

«Если же мало красы в волосах твоих - дверь на запоры... - был его совет. - Стыдно кусту без листвы, а голове без волос».

Щипцы для завивки, упомянутые Плавтом во II веке до н. э., использовались повсеместно. Цицерон спустя сто лет говорил, что некие женоподобные мужчины также пользовались ими.

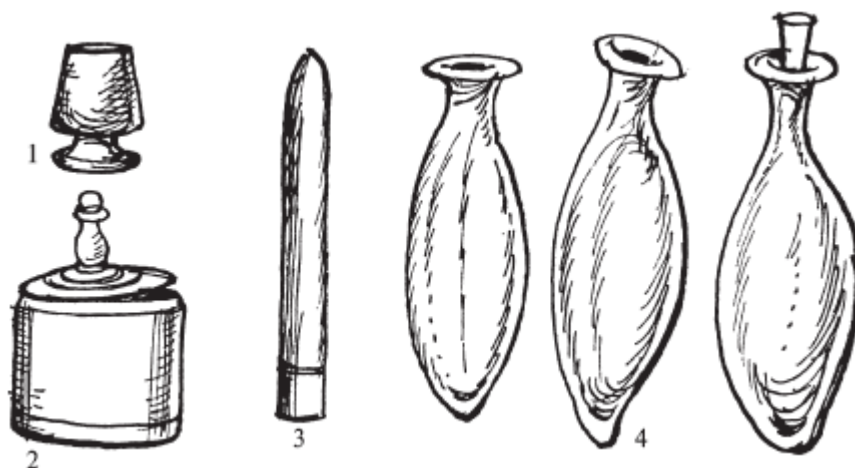

Рис. 14. Косметические средства: 1 - кувшинчик для грима; 2 - пудреница; 3 - помада; 4 - бутылочки с благовониями

Огромное разнообразие причесок было столь же сбивающим с толку в период конца Римской республики и на всем протяжении эпохи империи, как и в наши дни, и они вызывали столь же желчные комментарии у некоторых мужчин, которых предположительно они должны были привлекать. Не было каких-то особых римских или греческих причесок, поскольку мода постоянно менялась. мода на прически менялась так часто, что один скульптор принял это во внимание, изваяв скульптурный портрет римской матроны со съёмной прической, чтобы придерживаться последнего слова моды по мере того, как в моду входили все новые и новые прически. Юные девушки и молодые женщины из хороших семей часто повязывали голову белой или алой лентой.

Туалетный столик элегантной женщины был уставлен рядами красивых коробочек и шкатулок со всевозможными косметическими средствами, поскольку пудра для лица, духи и косметика щедро использовались. Иногда косметическими средствами пользовались чрезмерно, с плохим вкусом или умением, а некоторая косметика не выдерживала жару или непогоду, снова порождая уничижительные комментарии.

...Когда старухи дряхлые, беззубые
 Мажутся, порок телесный пряча под прикрасою,
 То, как только пот сольется с мазями, получится,
 Точно повар много разных соусов послал в одно:
 И не разберешь, чем пахнет, только чуешь скверный дух, -
 говорит скупой на снисходительность Плавт. Безвкусное использование сильно пахнущих духов вынудило Плавта сказать:

Лучший запах в женщине - без запаху

Вовсе быть.

Однако, как было известно римлянам, все зависит от женщины и, возможно, от погоды, а зачастую от того, насколько часто женщина посещала термы.

Рис. 15. Бронзовое ручное зеркальце

Подводка глаз и удлинение дуги бровей чем-нибудь черным были также приемами, в которых знали толк римские женщины. Некоторые приклеивали на лицо черные родинки или «мушки», особенно если им приходилось скрывать небольшие изъяны на коже. Другие полагались на демонстрацию богатства, надевая тяжелые ювелирные украшения, чтобы добавить себе привлекательности. Некоторые действительно перегружали себя избытком тяжелых драгоценных камней, вне зависимости от того, подходящий был случай для подобной демонстрации драгоценностей или нет. Жемчуга и изумруды высоко ценились, но бриллианты использовались мало, потому что еще не было найдено способа их резки и огранки. XX век немногому научил бы римских женщин в умении себя красиво подать, начиная от бикини и кончая применением косметики, но римляне, несомненно, позавидовали бы гораздо более высокому уровню современного производства качественных косметических средств, многие из которых доступны по цене для всех слоев общества. Среди множества современных усовершенствований было бы зеркало. Римляне не знали, что можно получить точное отражение от пленки ртути за гладким стеклом, и им приходилось пользоваться хорошо отполированным металлом. Они в большинстве случаев пользовались маленькими ручными зеркальцами, но зеркала большего размера также были известны.

БРАДОБРЕИ

Мужчины навлекли бы на себя насмешки и неодобрение в период ранней республики, если бы тратили много времени и усилий на свою внешность. В III веке до н. э. некоторые римляне начали сбрасывать свои бороды, но подобная практика не стала повсеместной до тех пор, пока великий Сципион Африканский не подал моду в начале II века до н. э. Представители беднейших слоев населения тогда, как и в наши дни, не всегда следовали моде. Марциал, неоднократно выражая свое презрение к привычке римлян (мужчин) целовать друг друга при любых возможных случаях, говорит о «колючем деревенщине с поцелуями, как у козла». У бедняков была веская причина не бриться, потому что в Риме считалось слишком трудным, если не невозможным, бриться самому. Те, у кого не было специального раба для этой цели, ходили к какому-нибудь брадобрею, заведения которых можно было найти повсеместно в городе. Они были средоточием всех сплетен, а действие обычно простиралось через переулок или на улице снаружи их маленьких будочек до тех

пор, пока Домициан не расчистил улицы от лавок. Марциал, который призывает прохожих опасаться парящих в воздухе бритв, также бранит неловкого цирюльника, предупреждая своих читателей, что тот, кто не желает отправляться в мир иной, должен избегать цирюльника Антиоха; ведь эти бесчисленные рубцы на его подбородке похожи на шрамы бойца, но они другого происхождения; это не следы длинных ногтей ревнивой жены: виной всему - проклятая сталь и неверная рука Антиоха. Козел - единственное разумное животное, потому что он не бреет бороды и, следовательно, не прибегает к услугам цирюльника.

Марциал также упоминает о женщине-цирюльнике в бедном квартале Рима Субуре, но он был о ней очень невысокого мнения. Римские бритвы не имели острых краев, таких, как на «опасной» бритве, которой пользовались мужчины до изобретения безопасной, поскольку искусство закалки и заточки стали не было освоено римлянами, которые не могли эффективно закалить сталь из-за нехватки угля и вынужденных сквозняков. Поэтому тиран Сиракуз, который пользовался куском блестящего древесного угля, чтобы опаливать себе бороду, возможно, имел несколько иные мотивы, чем страх быть зарезанным бритвой, который, как говорили, вынуждал его к этому. Молодые люди не начинали бриться до тех пор, пока не надевали мужскую тогу. Первую сбритую с их юных лиц бороду часто хранили в маленькой шкатулочке и жертвовали одному из римских богов.

Римляне стали более «модными» в I веке до н. э., и большинство из них оставались такими на протяжении всей истории империи; они начали считать, что стремление наслаждаться приятными ощущениями было не просто осуществимо, а является основной целью жизни. Старомодный образ жизни грубых земледельцев - солдат с его спартанской дисциплиной самоотречения и жертвенностью личным ради общества и республики - начал казаться все более деревенским и отсталым. Подстриженные и вычурные бороды появились на лицах франтоватых молодых людей и стали вызывать насмешки старшего поколения, к примеру Цицерона, который придумал для них специальное название «*barbatuli*».

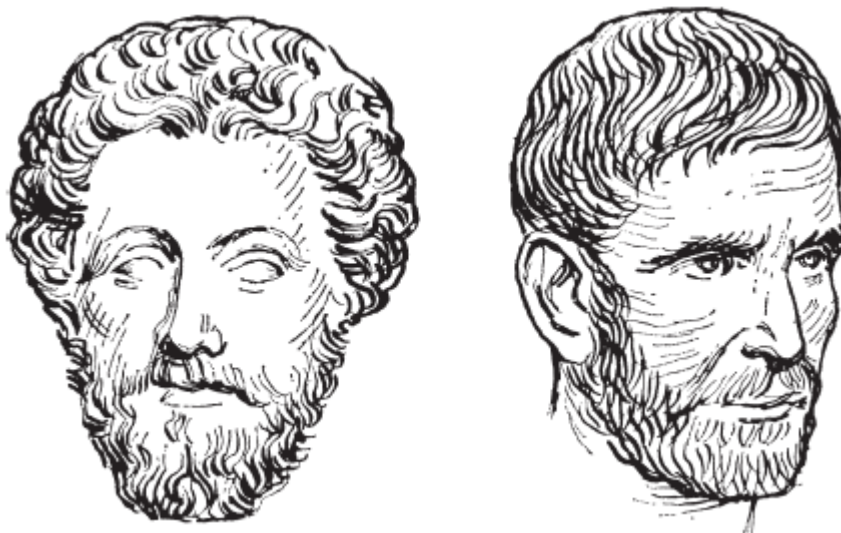

Рис. 16. Бороды во II веке н. э. (слева) и во времена поздней республики

Мода на бороды вернулась во II веке н. э., потому что император Адриан (117 - 138 гг. н. э.) отрастил бороду, чтобы скрыть некоторые изъяны на своем лице. Бороды никогда полностью не выходили из моды, потому что были визитной карточкой философов; обычно их отращивали в знак траура. Однако возрождение моды на бороды не стало всеобщим или продолжительным, потому что статуи после Адриана изображают римлян без бороды.

ОДЕЖДА

Забота о доме в большинстве случаев сводилась к обеспечению домохозяев достаточным количеством одежды и еды. В дни ранней республики вся одежда изготавливалась домашним способом. Поразительно, как проста была римская одежда! И это вполне естественно, поскольку римляне были ограничены не только сырьем, которым сначала были шерсть и лен, но также и средствами, позволяющими переработать их в полотно.

Результатом многочасового прядения нити из комка шерсти и ткачества ее на ручном ткацком станке было полотно из шерстяных нитей. Оно могло быть любой формы - квадратной или прямоугольной, в форме круга или полукруга. Такое вот «одеяло» служило основой всей римской одежды, как для мужчин, так и для женщин и детей, для императоров, консулов и рабов.

Прежде чем полотно превращалось в очень простое одеяние, которое римляне укладывали на себе складками или оборачивали вокруг тел, его нужно было отмыть, отбелить, оттрепать и расчесать, если только оно не шло на одежду для рабочего или раба, когда такие тонкости обработки, кроме промывки, опускались. Простая домотканая одежда более бедных людей исчезла только очень недавно, поскольку вплоть до конца XIX века она еще очень широко использовалась в Великобритании и Соединенных Штатах. Если римляне изготавливали ее из шерсти, взятой прямо со спины овцы, на ней сохранился бы естественный жир и сало, что сделало бы ее почти водонепроницаемой; но шерсть обычно моют, прежде чем прясть или ткать, а сама сотканная одежда отдавалась для удаления сала и жира. Эту работу выполняли сукновалы, которые использовали соду - углекислый натрий (селитру), поташ или специальную разновидность щелочной глины, известную по ее применению как сукновальная глина. Мыло для отмытки не использовалось.

Стирку одежды нелегко было осуществить в домашних условиях. Не то чтобы это было слишком трудно, скорее не очень приятно и требовало больше свободного места, больше воды, а зачастую гораздо большего оснащения, чем мог позволить средний римский дом. Стеновая роспись из Помпеи изображает сукновалов за работой в больших чанах, топчущих намоченную ткань ногами. Стирка и такое «топтанье» ткани, а также битье помогало снять с нее блеск, «свалиться» и таким образом уплотнить ткань. Обыкновенное домотканое полотно после такой чистки возвращалось, чтобы из него изготовили одежду или одеяла. Высококачественная шерсть, сотканная более тщательно из тонко спряденных ниток для более состоятельных людей, отбеливалась. Процесс отбеливания был также очень простым. Полотнища ткани натягивались на большие круглые плетеные рамы и размещались над небольшим горшком с курящейся серой. Профессия сукновала была опасна для здоровья. Дышать парами серы вредно для легких, а на ногах, мнувших ткань в чанах, заполненных химикалиями день за днем, появлялись кожные заболевания, особенно когда из-за отсутствия химических знаний использовалась моча из общественных туалетов на римских улицах. После отбеливания ткань снова промывалась и чесалась скребками из ворсянки или шкуры ежей для того, чтобы получить ворс, который потом состригался огромными ножницами, оставляя ровную поверхность. Мягкий срезанный ворс старательно собирали и использовали для набивки подушек.

Завершающей операцией было сбрызгивание обработанной ткани водой. Обычно сукновалы набирали в рот воды и брызгали ей ткань. Белая трубчатая глина также использовалась, чтобы усилить белизну одеяний. Затем, после последнего этапа обработки - разглаживания, кусок ткани был готов для заказчика.

Таким вот образом изготавливалось сырье почти для всех римских одежд. Льняные ткани также ткались из кудели, но редко в домашних условиях. Гильдия ткачей, изготавливающих льняные ткани - *lintonis*, существовала в ранние дни республики. По мере расширения державы, которая становилась богатой империей мирового масштаба, по-видимому, использовалось все больше и больше льна, и внутренний запас, который не всегда был очень высокого качества, пополнялся, как свидетельствует Цицерон, льняным полотном, импортируемым из Египта. Хлопок также был известен с очень давних времен. Он упоминается уже приблизительно в 200 году до н. э.; хотя хлопок и вошел в общее употребле-

ние, но использовался преимущественно для изготовления парусины, использующейся для навесов и корабельных парусов. Длинноволокнистый египетский хлопок был известен еще в ранней Римской империи, поскольку Плиний в своей «Естественной истории», написанной в I веке н. э., говорил, что он был мягче, белее и более «курчавый», чем какой-либо другой. Шелк мало использовался в дни республики, а во времена империи его использование вызывало неодобрение, ведь он был очень дорог, потому что его везли с Дальнего Востока и оплачивали золотом. В III веке н. э. за один фунт шелка-сырца, окрашенного в алый цвет, платили три фунта золота. Римская скромность не одобряла никаких тонких прозрачных одежд, как из шелка, который к тому же считался унижающе женственным для мужчин и, хуже того, ассоциировался с беспутными женщинами.

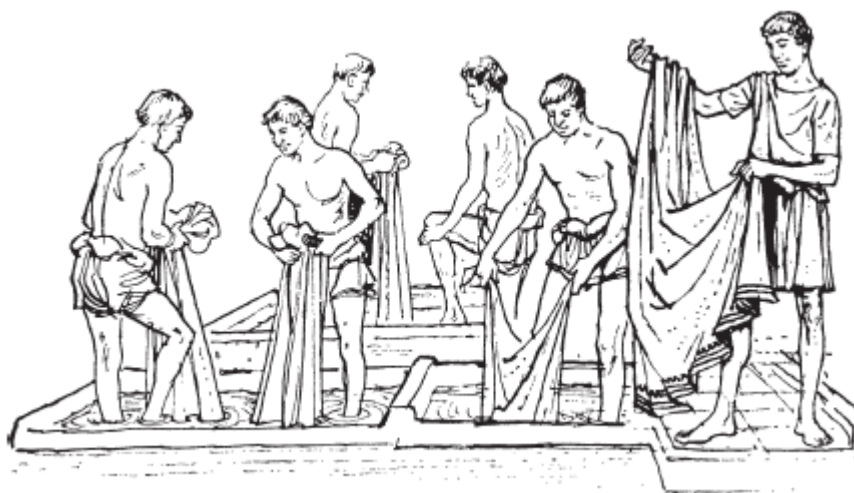

Рис. 17. Сукновалы за работой

Цвет материи, из которой изготавливались одежды для мужчин, был почти всегда белым, как и в большинстве случаев для женщин, хотя те с большей свободой пользовались цветными тканями, при условии что цвета не были слишком кричащими. Римляне располагали большим диапазоном красок из растений и минералов. Их знаменитая пурпурная краска изготавливалась из пурпуровой улитки [17]. Там, где допускался цвет для мужчин, он преимущественно был пурпурный, как полосы, отличающие сенаторов, консулов и императоров. Такие же полосы, но более узкие, также появляются на туниках мальчиков, которые они носили до достижения совершеннолетия. Они шли с каждого плеча до низа туники. У женщин было больше возможностей. Огненный цвет фаты невесты был традиционным и очень древним, но с очень ранних дней республики женщины уже появлялись в цветных одеждах. Шерстяное полотно само не красилась, зато окрашивалась шерсть в руне, а лен, хлопок и шелк - в нитках.

Изготовление римской одежды было сложной операцией. Основная нижняя одежда для всех возрастов и полов представляла собой простую рубашку, сорочку или тунику, с рукавами или без них. По-видимому, она также служила ночной рубашкой или сорочкой. Туники для мужчин и мальчиков спускались чуть ниже колен. Женские и девичьи туники, столы, закрывали ноги целиком и, видимо, часто были украшены элегантными складками. Шитье и вышивка у римлян были не очень изысканными. Их иглы были изготовлены не из высококачественной стали, как наши сегодня, а из кости или бронзы. Из-за грубых игл и толстых ниток стежки были крупные. Хорошенько прометать петли было, наверное, сложно, поэтому неудивительно, что римляне гораздо чаще, чем мы, пользовались большими «английскими» булавками, или *fibulae*, в качестве застежек. Были у них пуговицы, а также кнопки, но использовались они реже. Для туник требовался лишь пояс, а тоги вообще не скреплялись.

Основной уличный наряд - прославленная римская тога мужчин и женская палла или накидка - фактически представляли собой не что иное, как большие белые одеяла, оберну-

тые вокруг тела, очень похожие на пледы шотландцев. В этой примитивной форме они появились в первые дни республики и оставались практически неизменными почти всю тысячу лет римской истории.

Рис. 18. Римская парадная одежда

Тога была символом римского гражданства. Никаких заметных изменений в моде не происходило до тех пор, пока империя не стала клониться к закату в III и IV веках н. э. Тогда мужская тога стала шире, длиннее и более замысловатой, в то время как женская длинная стола и накидка или палла, которую носили поверх в виде большой шали, становились короче и уже. Изменения в стиле мужской одежды были более заметны, чем в женской. Тога имела тенденцию считаться все больше и больше чем-то вроде официального наряда, но она так и не вышла из моды, как сегодня мужской сюртук для повседневной носки. Римские скульптуры, особенно живописные барельефы на триумфальных арках, на могильных камнях и памятниках, вместе с разрозненными следами римской живописи являются почти единственными источниками достоверной информации по этому вопросу. Эти источники не всегда ясны и убедительны. Нам известно, например, из некоторых литературных данных, что женщины могли иметь подол платья в виде цветной полосы или, возможно, пришитую оборку длиной около двух дюймов по подолу столы, но нет никаких живописных свидетельств, как это выглядело. Разнообразие, которого могли добиться женщины в своей внешности, нужно искать не в форме, а в текстуре, цвете и украшениях их нарядов. Несмотря на ограничения, богатые женщины тратили на свои наряды огромные суммы. Те, кто хотел произвести впечатление на играх или в театре, мог по такому случаю взять одежду напрокат. Следует отметить, что сатирик Ювенал в одной из наиболее едких нападок на женщин, когда-либо написанных, не мог почти ничего сказать об их экстравагантности в одежде, хотя ссылаясь на ювелирные украшения, духи и многие другие их излишества. Не существовало сезонной моды, никаких особых покровов для весны, лета, осени и зимы, и, следовательно, не было никаких огромных капиталовложений в женскую одежду и ее рекламу, которые характерны для нашего времени. Считалось, что в древние времена женщины тоже носили тоги, поэтому, если не считать их длинные туники или столы, женское платье было тогда в основном таким же, как у мужчин, что мы можем видеть у шотландских горцев в древние времена. С появлением хронологии, однако, никто, кроме разведенных и безнравственных женщин, не носил тоги.

Солдаты конечно же носили шлемы, но ни мужчины, ни женщины не носили шляп, кроме как в сельской местности рабочие и рабы. Однако на улице женщинам полагалось прикрывать голову накидкой; существует рассказ о том, как в республиканские времена некий озлобленный и придерживающийся старых взглядов римлянин развелся со своей женой за то, что ее видели на людях с непокрытой головой. Он сказал, что ее красота предназначается для того, чтобы любовался ею только он один, а не весь свет.

В границах, которые наверняка покажутся нам очень узкими, римляне имели острый глаз на любые отклонения от установленного стиля одежды. Мужчина, туника которого была чуть длиннее положенного, женщина, чья стола была чуть короче, чем нужно, могли оказаться объектами жестокой критики. Нескладная тога стала утомительной. В представлении Марциала счастьем было сбросить ее и отдохнуть, одетым в тунику. Каким блаженством было сбежать из Рима в деревню! Но в Риме носить что-то, кроме традиционной одежды, было серьезным проступком. Уже в 397 году н. э. император Гонорий установил суровые штрафы любому, кто осмелится появиться «в священном городе Риме» в штанах. Штаны являлись признаком варварства, хотя штаны до колен были предписаны для носки старшим офицерам в действующей армии и всадникам в военном походе, видимо, потому, что штаны более практичны для верховой езды. Сохранилось очень мало сведений о нижней одежде римлян; они носили набедренную повязку или что-то напоминающее современные трусы; в противном случае мужчины, работающие без туники, как это делали сукновалы, могли оскорбить римские представления о скромности. Носить лишь набедренную повязку под просторной туникой, завернувшись сверху в громадное шерстяное одеяло, значило свести одежду до минимума. В мягком итальянском климате такого скудного оснащения могло бы хватить, если не считать холодную зиму. Тогда единственным средством от холода было надеть побольше туник и плотный плащ поверх тоги. Говорят, что первый император Август так страдал от холода, что надевал четыре туники одновременно, а еще пару плащей поверх своей тоги.

Рис. 19. Военная одежда

В плохую погоду на улице римляне надевали разнообразные плащи, подобно тому как викторианцы носили всяческие накидки, длинные свободные пальто, плащи с пелериной, бушлаты и так далее. Некоторые предметы верхней одежды, особенно широко распространенная пенула, могли быть очень плотными и крепкими, изготавливаемыми из чистой шерсти, по-видимому походившими на более грубый вариант современной водонепроницаемой одежды австрийских горняков. Мужчины, вынужденные долгое время находиться под воздействием стихий, к примеру рабочие и охотники, могли носить плащи-пенулы, сделанные из кожи. Такие тяжелые верхние одежды были слишком громоздкими для того, чтобы их скреплять булавками, поэтому их приходилось подвязывать крепкой бечевкой или ремнями, совсем как современное туристское снаряжение. Некоторые могли быть выкроены из единого куска с дыркой для головы. Среди многочисленных вариантов обыкновенного плаща была представлена короткая накидка с приделанным к ней капюшоном, куколь - *cucullus*. Поскольку эта облегающая накидка не имела рукавов, носить ее не могли солдаты, у которых был короткий военный и дорожный плащ - *сагум*, а если они были центурионами, то пенула, служившая им одеялом по ночам. Более элегантным и богато украшенным вариантом такого плаща был полудаментум, носить который позволялось только военачальникам. Толстое двойное круглое шерстяное одеяло, исстари носимое как накидка, называемая «лена» - *laena*, видимо, вышло из общего употребления к началу эпохи империи. Молодое поколение предпочитало более легкий плащ с капюшоном, или лацерну. Она также была продолговатой формы со спрямленным подолом. Обе половины ее скреплялись булавкой на правом плече. Сначала к ней относились с неодобрением и считали недостойным носить ее в городе.

В конце эпохи республики Цицерон презирал Марка Антония за то, что тот носил лацерну вместо тоги поверх своей туники. С ходом времени она стала пользоваться все большей популярностью; кроме того, лацерну стали красить в яркие цвета.

Одежда ценилась, потому что на ее изготовление уходило много времени. Подарок в виде шерстяной туники, тоги или плаща считался щедрым, особенно для обедневших прихлебателей или клиентов состоятельных людей.

Вот она, тога, в моих частенько воспетая книжках;
К ней мой читатель привык, и полюбил он ее.
Встарь от Парфения я получил эту тогу (поэта
Памятен дар мне) и в ней всадником видным ходил
В дни, когда новой была и лоснилась шерстью блестящей,
В прежние дни, когда шло имя дарителя к ней.
Нынче старуха она: погнушается ею озябший
В стужу бедняк, и назвать можно ее «ледяной».
Долгие дни и года, вы губите все без разбора!
Уж не Парфения, нет: сделалась тога моей, -
говорил Марциал.

В подобных обстоятельствах никто, кроме богачей, не имел обширного гардероба, а обедневшие римляне, такие как поэт Марциал, были счастливы, обладая одной приличной тогой и крепким плащом. Возвращаясь домой, римлянин снимал свою тогу и носил только подпоясанную тунику, если день был не праздничным. По праздникам же он мог надеть более утонченное одеяние светлой расцветки, надеваемое на изысканные пиры, - *синфесис*. Подобно современному вечернему платью, он входил в гардероб далеко не каждого римлянина. У Марциала имелся всего один *синфесис*, поэтому он был довольно язвительен по отношению к своему богатому знакомцу Золию, который с извинениями сменял свой *синфесис* одиннадцать раз во время пира, чтобы продемонстрировать богатые возможности своего гардероба. Считалось невежливым появиться на улице в тоге в ежегодно отме-

чаемый великий праздник сатурналий, поэтому те, кто имел синфесис, обычно надевал его на этот праздник.

Дети носили такую же одежду, которую носили их отцы и матери, но в миниатюре. Большинство маленьких мальчиков, по-видимому, не носили ничего, кроме туник с плащами на плохую погоду. Некоторые дети из состоятельных семей носили маленькие тоги с узкой алой полосой по шву - «*toga praetexta*» - тогу прэтексту. Сыновья более скромных граждан могли носить белые тоги, но позже, во времена империи, когда древние обычаи стали не так строго соблюдаться, видимо, они также стали носить тогу прэтексту. Когда в возрасте 16 лет заканчивалось детство, эту детскую тогу снимали, и с ней буллу или амулет на счастье, который все мальчики носили на шее. Тогда надевалась мужская тога, и это событие отмечалось в лучших семьях особой церемонией.

Возможно, в древности некоторые маленькие девочки также носили тоги, поскольку считается, что раньше ее носили и мужчины и женщины. Однако, судя по разрозненным источникам, вряд ли девочек заставляли придерживаться обычая, который их матери давно перестали соблюдать, поэтому их обычная одежда представляла собой длинную столу или тунику до щиколоток, совсем как у их матерей, подвязанную на талии или чуть выше. Поверх столы они носили похожую на фартук накидку или блузу, свободно спадающую и не подвязанную поясом. Однако обычай носить тогу был не совсем забыт, поскольку, когда девочка из обеспеченного семейства становилась девушкой, она, как и ее брат, проходила церемонию отказа от своих кукол и детской одежды, а с ними, возможно, и от тоги.

Относительно незначительные изменения, которые мы можем заметить в римской одежде за тысячу лет истории царства, республики и империи, - еще одна иллюстрация крепости традиций и отсутствия развития техники, что сказалось и во многих других аспектах повседневной жизни Древнего Рима.

ПИЩА И НАПИТКИ, ПИРЫ

Рассказы об изобильных римских пирах с экзотическими яствами, такими как павлины, страусы, мыши, сваренные в меду, или сотни язычков жаворонков, имеют тенденцию застревать в памяти, давая превратное представление о привычках в еде семей среднего класса и более бедных римлян.

В древние времена римляне всех классов жили просто и экономно. Скупой римлянин, такой как Катон Старший, который старался экономить на пище своих рабов, сам был очень умерен в еде. Он ел мало мяса и много сырой пищи для того, чтобы восполнить жизненную энергию. Рацион более бедных свободных римлян, по-видимому, был более разнообразен, чем у рабов сравнительно состоятельных людей, таких как Катон, но их пища редко была изысканной. Религиозные празднества, на которых приносили в жертвы животных, были единственной возможностью, когда некоторые из них могли поесть мяса вдоволь. Особые случаи, такие как дни рождения, свадьбы, присуждение гражданской награды или приезд друзей или родственников, также по возможности отмечались более щедрым столом.

Но, несмотря на то что рацион многих римлян всегда был достаточно скуден, они признавали, что далеко продвинулись с тех пор, как богиня Церера пришла им на помощь, поскольку, как гласит легенда, прежде людям приходилось питаться желудями и дикими ягодами. Эта легенда не была простой игрой воображения; ведь известно, что человеческая раса в целом съела больше желудей, чем пшеницы. Как и следовало ожидать, римляне, благодарные Церере за то, что она научила их пахать землю (как свидетельствует Вергилий), когда желудей стало не хватать, рассчитывали на нее и далее, надеясь на более обильный рацион.

Пшеница служила основной пищей подавляющему большинству римлян, главной заботой которых было раздобыть ее в достаточном количестве. Следуя примеру греков, они в

основном ели ее вареной в виде своего рода каши. Однообразие столь простого рациона нарушалось добавлением множества приправ или гарнира при любой возможности. Разнообразие достигалось с помощью овощей, трав, оливок, грибов, рыбы, диких птиц и, при возможности, небольшого количества мяса. Несомненно, тогда умелый повар мог приготовить вкусное блюдо из пшеничной каши, но поварами в большинстве были рабы, а их способности - довольно посредственными, поэтому обеды римлян очень часто бывали бедными и скучными. Марциал говорит о поваре:

...предпочту, чтоб за нашим обедом

Блюда скорее гостям нравились, чем поварам.

Те, у кого не было штата рабов, но кто мог позволить себе нанять повара, могли достаточно легко это сделать или же получить готовый обед у поставщика провизии.

...Жду я чего? Раз нога вылезает из обуви рваной,

И неожиданно дождь мочит меня проливной,

И не приходит на зов ко мне раб, мое платье унесший,

И, наклоняясь, слуга на ухо мерзлое мне

Шепчет: «Сегодня тебя на обед приглашает Леторий!»

В двадцать сестерциев? Нет, лучше, по мне, голодать,

Если мне плата - обед, тебе же - провинция плата... -
говорит Марциал.

Не все римляне начинали свой день с завтрака, но те, кто завтракал, съедали легкий завтрак - *jentaculum* на восходе солнца или в первом часу.

Школьники ели на завтрак полбяные лепешки, как и старшие члены семьи, вместе с солью, медом, финиками или оливками. Некоторые макали их в вино; возможно, поэтому и сегодня во Франции или в Италии некоторые люди до сих пор макают свои утренние булочки в кофе. Более плотный завтрак с сыром или мясом встречался редко. Главный прием пищи, сена, или обед, происходил в девятом или десятом часу (приблизительно с 2 часов 30 минут до 3 часов 30 минут пополудни летом и где-то с 1 часа 30 минут до 2 часов 30 минут пополудни зимой), когда дневная работа была закончена. Тогда миска с остро приправленной полбяной кашей могла быть главным блюдом для большинства римлян, если только не было запланировано более церемониальное пиршество или если обедающие были состоятельными людьми и им не нужно экономить на еде. Тогда картина менялась. Пир начинался большим разнообразием того, что мы называем закусками, - это салаты, редис, грибы, яйца, устрицы, сардины. Римляне называли их *gustatio* (лат. «закуска») или *promulsis* (лат. «первое блюдо»), поскольку за ними следовал напиток мультс - *mulsum*, или вино, подслащенное медом. Затем шли основные блюда обеда - что-то около шести или семи перемен. В их распоряжении имелось богатое разнообразие рыбы, птицы и мяса. Были всякие виды средиземноморской рыбы, макрель, тунец, кефаль, угорь, а также пильчатые креветки, устрицы и другие моллюски. Пресноводная рыба была менее популярна среди богачей, но ее нужно было ловить в реках и озерах, в то время как более состоятельные имели собственные пруды, где разводили рыбу, которые зачастую служили лишь украшением. Цицерон горько сетует, что во времена, когда были поставлены на карту основополагающие свободы римского народа, аристократы правящего класса Рима не имели ни желания, ни энергии противостоять Юлию Цезарю, потому что, по его словам, «они настолько глупы, что, видимо, надеются, будто их рыбные садки уцелеют, несмотря на гибель государства». Его насмешки над «рыбоводами» были основательными и заслуженными. Мясные блюда включали в себя кабанину, оленину, мясо дикого козла, баранину, мясо молодого барашка, мясо козленка, молочных поросят, зайчатину и мясо грызунов (сонь). Блюда из птицы изготавливались почти из всех известных видов птиц: кур, гусей, страусов, журавлей, уток, куропаток, фазанов, диких голубей, горлиц, дроздов, дятлов, а для богачей - павлинов. После обеда, по старой римской традиции, следовало короткое молчание, пока пшеница, соль и вино подносились домашним богам на семейном алтаре. Затем шел десерт, называемый «вторым столом», когда подавались разнообразные под-

лащенные медом пироги и фрукты. Тем временем послушные молчаливые рабы обносили гостей вином. Такое щедрое личное обслуживание небольшой армией сурово обученных рабов удивило бы нас и, возможно, привело бы в смущение, если бы мы могли испытать это на собственном опыте сегодня. Обращалось немедленное внимание на каждую мыслимую потребность или прихоть любого гостя за столом. Мух отгоняли от еды веером, иногда сделанным из павлиньих перьев. Марциал описывал такие веера, называя их «тем, что не дает навозным мухам попробовать твоей еды», «тем, что когда-то было гордым хвостом несравненной птицы». Римляне часто подогревали свои вина и всегда смешивали их с водой. Летом очень богатые часто охлаждали свои вина с помощью старательно сохраненного снега и льда. Собрание пирующих всегда продолжалось после того, как обед заканчивался, продолжительными обильными возлияниями вина. За вином и разговорами проводили часы. Вино, разбавленное водой, приносили рабы в большой чаше (crater); из нее оно подавалось каждому гостю, который должен был его пить по приказу избранного «царя пира». Длинные вечера зачастую разнообразились музыкой, песнями, танцующими девушками, фокусниками, карликами и акробатами в соответствии со вкусом или отсутствием такового у хозяина. Такие долгие приемы пищи и потоки вина, выпиваемые после трудового дня почти без всякой еды, возлежащими, приподнявшись на одном локте, на длинных ложах в душном помещении рядом с каким-нибудь соседом в точно такой же позе, возможно, противоположного пола, зачастую были слишком большим напряжением для многих из гостей.

Большинство римлян обедали просто и без гостей, а в старые времена они обедали так рано, что иногда требовался легкий ужин - *vesperna*, прежде чем удалиться на свои ложа на ночь; это они по большей части и делали вскоре после захода солнца, поскольку, как мы видели, тусклый свет от одной или пары небольших масляных светильников не способствовал попыткам большинства из них продлить день, отобрав его у ночи. Уже ко II веку до н. э. час основного приема пищи сместился на более позднее время, к десятому часу - между 3 и 4 часами пополудни летом; тогда обед (*cena*) сделал ужин (*vesperna*) излишним. Когда обычай ходить в публичные термы каждый день стал привычкой в конце республики и на восходе империи, обедали после посещения терм, что обычно происходило в восьмом часу. Тогда привычка иметь обеденный перерыв (что-то вроде второго завтрака) в шестом часу (около 11 утра по нашему времени) стала правилом. Мы знаем, что это было на удивление рано, поскольку Цицерон шутил, что никто не обедал во время консульства Канния Ребила [18], одного из ставленников Цезаря, который был назначен на почетную должность консула в полдень, или в седьмом часу, 31 декабря 45 года до н. э. и который, следовательно, пробыл у власти лишь двенадцать часов, поскольку следующий консул, назначенный на новый год, сменил его на посту 1 января.

Во времена империи второй завтрак, или *grandium*, был более легким приемом пищи, чем обед. Он мог состоять лишь из хлеба и сыра с небольшим количеством мяса в виде закуски, как наш сегодняшний «перекус» бутербродами, вплоть до более официального приема пищи с горячей или холодной рыбой, птицей и мясом, запиваемыми подогретым вином с водой и мультсом.

Рис. 20. Стеклянная посуда

Начиная с I века до н. э. и далее многие состоятельные римляне, казалось, становились рабами своих желудков. Сенека в середине I века н. э. зашел столь далеко, что обвинял их в том, что они наедаются до рвоты и извергают съеденное из желудков, чтобы съесть еще. Такова была привычка богатых, но, естественно, она заразилась и остальное римское общество, все члены которого тоже хотели быть богатыми. Так необузданная роскошь немногих стала источником недовольства и разочарования для многих, которые, несмотря на все свое презрение к богатству и пороку, как некоторые критики богачей в другие века, казалось, только горели нетерпением последовать их примеру и злились и обижались, когда их аппетиты не удовлетворялись. Но в то время как наименее сдержанные и культурные среди очень богатых «рыли себе могилу зубами», подавляющее большинство как по необходимости, так и по собственному выбору, видимо, вело удивительно здоровую жизнь на более полезном и простом рационе. Тот факт, что они питались в основном цельнозерновой пшеницей и овощами, имел большое значение, обеспечивая, таким образом, то самое сбалансированное питание, которое, как недавно открыла наука, является здоровым питанием.

КУХНИ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ

Если бы римлянин сказал: «Пройди на кухню», что бы мы там смогли увидеть? Приблизительное представление о римской кухне можно получить из того, что удалось раскопать в Помпеях, когда дождь лавы и пепла обрушился на очаги, горшки и кастрюли, а также на самих поваров в 79 году н. э. Большинство кухонь были небольшими и простыми. Огонь, обычно от древесного угля, поскольку у римлян каменного угля не было, горел в расположенных на возвышении каменных очагах, а горшки и кастрюли, очень похожие на их современные эквиваленты, стояли на треножниках и железных решетках над горящими углями. Тем, кто не мог позволить себе покупать древесный уголь, приходилось довольствоваться деревом, хотя дым, определенно, был неприятно сильным.

В жилищах и квартирах не было надлежащих дымоходов, в лучшем случае имелись отверстия в стенах. В больших домах делали нечто похожее на дымоход в виде отверстия в крыше помещения, которое называлось атрием, то есть «помещением, почерневшим от копоти». В древние времена через это отверстие дым выходил наружу, а дождь собирался в бассейн под ним. Но в последние годы республики и в дни империи атрий превратился в главную гостиную, а очаг перенесли в кухню.

Простая утварь, найденная у очагов в Помпеях, могла служить только для жарки или варки. Для того чтобы печь или запекать что-то, была необходима печь; небольшие квадратные или круглые каменные печи строились над очагами. Когда горячий костер, разож-

женный внутри них, достигал нужной температуры, угли либо выгребались, либо оставались угасать, и пища, которую нужно было запечь или изжарить, клалась внутрь, а печная дверца закрывалась. Небольшая портативная версия такой печи могла использоваться для сохранения пищи в горячем состоянии в столовой. Изысканные бронзовые сосуды, наполненные кипящей водой, служили той же цели. Металлические кухонные горшки и кастрюли были довольно дороги, и пища в основном готовилась в глиняных горшках. Они наверняка становились жирными, сальными и легко бились, но их можно было дешево купить.

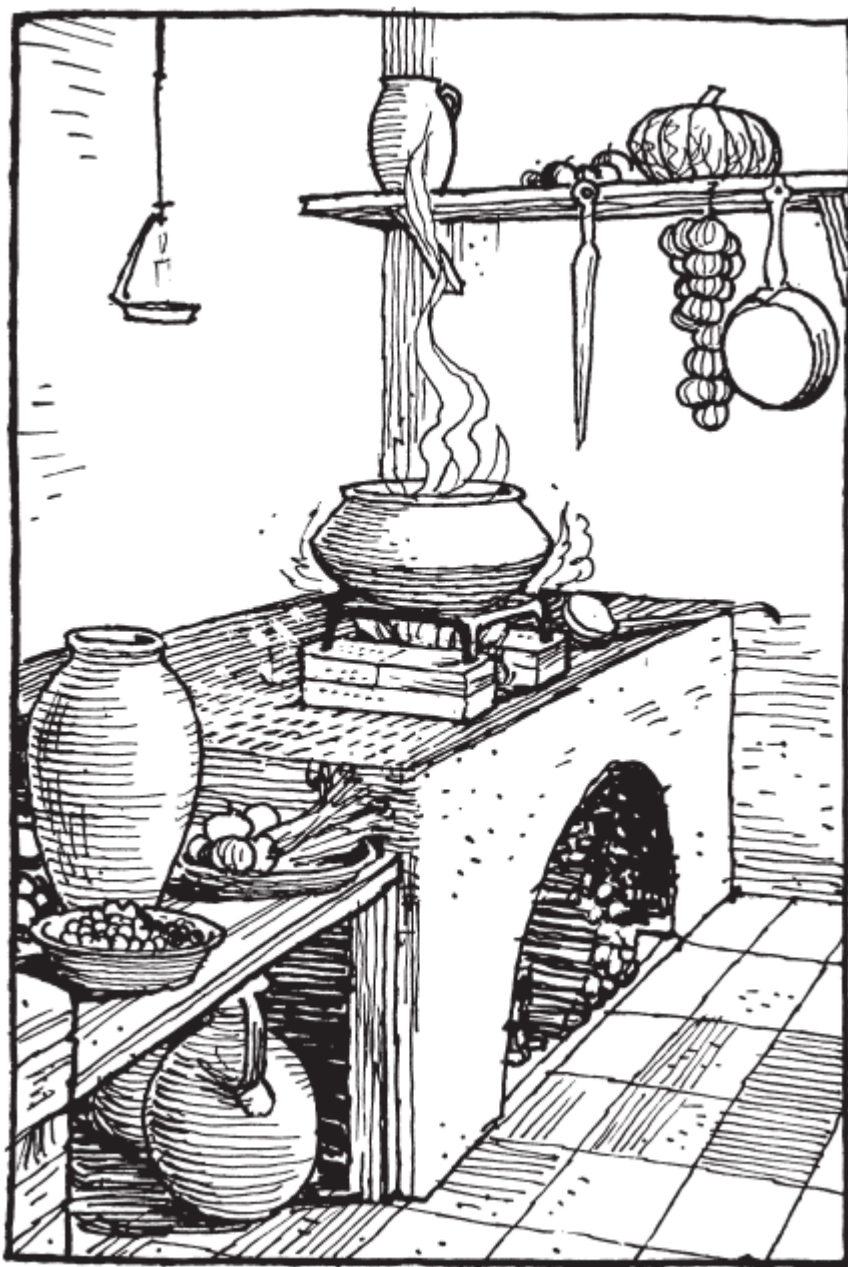

Рис. 21. Римская кухня

Сохранилось не слишком много сведений, которые могли бы пролить свет на очень важное повседневное дело приготовления пищи для семьи и друзей. Немногие римские писатели оставили меню или ссылки на обеды, но кое-что можно у них почерпнуть о том, что готовилось и подавалось на римских пирах хозяином и прислуживающими рабами.

К счастью, до наших дней сохранились кулинарные рецепты, собранные ближе к закату Римской империи в книге под названием «О поварском деле», приписываемой составителем выдающемуся гурману, которого сатирик Ювенал называл «бедным, скаредным Апицием», что было вызывающей удивление попыткой иронизировать, если рассказ Сенеки о

нем, сохранившийся до наших дней, верен. Обнаружив, что потратил колоссальное состояние в 100 миллионов сестерциев в основном на еду и питье и что у него осталось всего 10 миллионов, Апиций совершил самоубийство. Ювенал или Марциал сочли бы только годовой процент от полумиллиона огромным богатством. Рецепты, собранные под именем Апиция, имели весьма приблизительное отношение к его собственной кухне, поскольку, видимо, были составлены в основном в качестве руководства для хозяек из среднего и низшего классов, хотя имелось несколько более амбициозных рецептов для людей состоятельных. Отличное английское издание этой книги появилось в 1958 году - труд Барбары Флауэр и Элизабет Розенбаум, которые не только перевели ее на английский язык, но и сами испробовали многие рецепты.

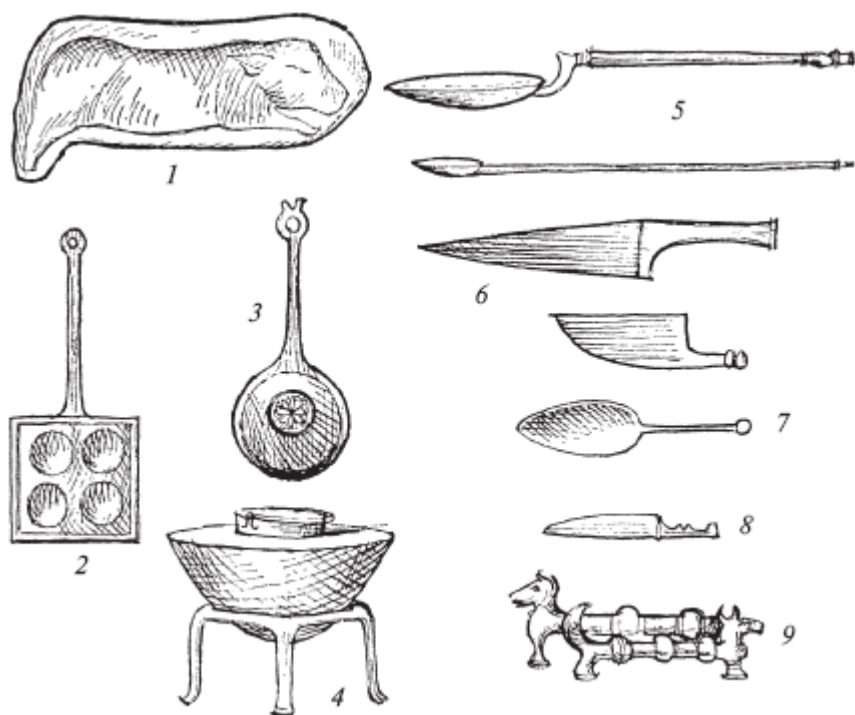

Рис. 22. Кухонная утварь: 1 - форма для выпечки; 2 - сковорода для выпечки лепешек; 3 - сковорода; 4 - сосуд для нагревания воды; 5, 7 - ложки; 6, 8 - ножи; 9 - огниво

Существует также хороший французский перевод. Поэтому любой может почерпнуть неплохие знания из первых рук об азах римской кухни из этих изданий. Таких поваренных книг у римлян было множество, их часто переписывали, а иногда даже иллюстрировали. Та, что сохранилась от Апиция, - неполная. В ней, к примеру, не говорится, как печь хлеб или как варить кашу из зерен пшеницы; не сильна она и в сладких блюдах.

Несколько рецептов традиционной каши из зерен пшеницы давались гораздо раньше Катонем Цензором в середине I века до н. э.: «Возьмите полфунта пшеницы, хорошо ее промойте, тщательно счистите шелуху и снова промойте. Затем положите ее в горшок и хорошенько проварите. Когда она будет готова, добавляйте постепенно молоко, пока не получите густую кашу».

Для улучшения вкуса блюда он советовал добавить к фунту вареных пшеничных зерен «три фунта молодого сыра, полфунта меда и одно яйцо». Этого должно было хватить на несколько человек.

Поваренная книга Апиция повествует о популярных соусах и приправах; о способах сохранения мяса, фруктов и оливок; о колбасах и рубленом мясе; об овощах; о смешанных блюдах из овощей, рыбы, птицы и мяса; о супах и о бобовых (горох, бобы, чечевица); о птице; о мясе и о рыбе. Целый раздел посвящен особым блюдам, любимым более разборчивыми в еде и состоятельными римлянами. Одним из любимых блюд Цицерона было филе любой большой морской рыбы, приготовленное на масле и смешанное с мозгами, пе-

ченью домашней птицы, крутыми яйцами и сыром, - все варилось на медленном огне после того, как было сбрызнуто соусом из толченого перца с добавлением любистока, майорана, ягод руты душистой, меда и жира. «Залейте ее сырыми яйцами и приправьте тонко молотым тмином», - советовал Апиций.

Как следует из пьесы Плавта «Раб-обманщик», у римлян был большой запас соусов и приправ. Повар, нанятый на базаре, чтобы приготовить обед, хвастается, что он не такой, как другие повара:

Да так ли я готовлю, как другие те?

Луга тебе на блюдах поднесут они

С приправою: не людям, а быкам тот пир!

Плиний, который писал две сотни лет спустя после Плавта, перечисляет множество трав и приправ. Самые умелые повара, вероятно, избегали чрезмерного использования сильных приправ, но не вызывает сомнений и то, что общая практика состояла в «отбивании» естественного вкуса и аромата с помощью богатого ассортимента трав, специй, орехов, меда и вина. Для загустевания соусов использовалась мелкая мука из очень тонко молотой пшеницы. Некоторыми обычными соусами или приправами пользовались постоянно, не меньше чем рыбным соусом (*garum*) или *liquamen* (отвар) - пикантной соленой жидкостью, приготовленной из рыбы или рыбных отходов и морской воды. Один из способов приготовления отвара состоял в том, что потрошили тунца и складывали внутренности и другие рыбные отходы в сосуд, наполненный рассолом, и оставляли его на шесть недель или около того. Также использовались хамса (анчоусы), килька, скумбрия и другая рыба. Еще одна ценимая высоко приправа изготавливалась из растения, называвшегося *silphium*, или лазерпиций (смолистое растение из семейства зонтичных), которое так и не было идентифицировано. Предполагается, что это была асафетида.

Концентрированное вино было еще одним резервом в римской кухне. Его приготавливали, выпаривая вино до одной трети его объема; затем концентрированная жидкость, известная как *defrutum* - отваренный морс, сусло, - хранилась на будущее (не без оснований, поскольку использовалась регулярно). Более сладкую, сиропообразную смесь меда и прокипяченного вина представлял собой мультс - *mulsum*, о котором уже говорилось. Он использовался как напиток, а не для приготовления пищи.

В приготовлении разнообразных блюд широко использовались не только такие сильно приправленные и пикантные соусы; во многие блюда, такие как жареное мясо, добавлялся мед - прием, которому английская издательница труда Апиция придает особое внимание. Даже вареные яйца нужно было есть с соусом, состоящим из замоченных сосновых ядрышек, перца, любистока, меда и уксуса с некоторым количеством неизменного *liquamen*, или рыбного соуса. Нам кажется странным и еще один рецепт, когда айву и лук-порей следовало тушить в меду, рыбном соусе и концентрированном вине; тем не менее это блюдо также было приготовлено, попробовано и сочтено превосходным на вкус английской издательницей. В рецептах не упоминается сахар, хотя тростниковый сахар был известен в Риме до того, как была составлена эта поваренная книга. Плиний называл его своего рода медом, который собирают в тростнике, белым как резина, добавляя, что он используется лишь в медицине. Он говорил, что сахар поступал из Аравии, но лучший был из Индии. Для подслащивания римляне использовали мед. Также использовались сушеные сливы и концентрированное вино и муст - виноградное сусло, из которого отжат почти весь виноградный сок.

Рис. 23. Бронзовая урна

Многие рецепты представляют собой ночной кошмар реформатора приготовления пищи и дань тому, что может выдержать хорошая пищеварительная система человека. Римляне, которые не имели понятия о научной ценности пищевых продуктов, руководствовались лишь своими природными инстинктами или изобретательностью, что, видимо, завело их слишком далеко. Вероятно, многие римляне обходились без претенциозных соусов и концентрировали свои усилия на более простых способах приготовления не столь изысканной пищи - мяса козленка, молодого барашка, телятины, говядины.

ХЛЕБОПЕЧЕНИЕ

В древние времена, если хотели испечь хлеб, сначала необходимо было перемолоть зерна пшеницы в муку. Это была трудоемкая рутинная работа, какой она до сих пор и остается во многих частях света. С незапамятных времен вплоть до начала хронологии Римской республики обязанность молоть муку возлагалась на женщин. Они делали это очень просто: раскладывая зерна пшеницы на большом плоском или слегка вогнутом камне и перетирая их меньшим камнем, который был либо круглым, либо длинным и узким, как скалка. Такая ручная «давальня», как ее называли римляне, сохранилась практически до христианской эры вместе с пестиком и ступкой, которыми, однако, римляне, видимо, не слишком широко пользовались до середины II века до н. э. Но ко II веку н. э. эти примитивные способы перемалывания зерна были по большей мере заменены вращающейся мельницей - *mola versatilis*, или ручной мельницей. Небольшие ручные мельницы работали по тому же самому принципу, что и ручная кофемолка Викторианской эпохи: камень в форме полого конуса, подогнанного в качестве насадки сверху другого прочного конусообразного камня. Зерно насыпалось через отверстие на верхний каменный жернов, который вращался, перемалывая, таким образом, зерно по бокам нижнего камня, откуда мука и шелуха падали на стол или на доску.

В поздней республике и во времена империи большинство римлян среднего и низшего класса полагались на торгующие пекарни, где покупали себе хлеб. Это следует из результатов раскопок в провинциальном городке Помпеи, где уже к 79 году н. э. не обнаружено следов домашнего хлебопечения. Более бедные граждане, которым приходилось молоть собственное зерно, предпочитали хлебу полбяную кашу или крупу: для каши молоть зерно не требовалось, да и на приготовление уходило не слишком много времени. К пшенице римляне подходили по-разному, поскольку обнаружили, что некоторые сорта пшеницы лучше всего подходят для муки, хлеба и выпечки, а другие - для каши. Из лущеной или

остистой пшеницы получалась самая лучшая каша, поскольку зерно было тверже, но кожица самого зерна была тоньше, чем у более мягкой неостистой пшеницы.

ВИНО

Римляне утонченного вкуса создавали большие запасы виноградных вин. Поэт Гораций, *bon-viveur*[19] с разборчивым вкусом, любовно описывает выбор бутылки, в которой находил утешение из-за того, что старел, и из-за отсутствия веселых девиц, которые разнообразили его молодые годы. Он превозносил силу вина, способствующую тому, чтобы убежать от уныния и печали, воодушевиться спокойной храбростью, насладиться радостями дружбы, отпраздновать римские триумфы и собственное избавление от опасности. Трудно представить римлянина старой школы с его степенью учтивости, *savoir-faire*[20], однако отстраненностью и почти безразличием в отношении к великим свершениям государства. Гораций был государственным чиновником, но, подобно Чарльзу Лэму[21] значительно позднее, он жил по-настоящему только тогда, когда сбегал от своих бухгалтерских книг[22] в более просторный мир литературы и близких по духу друзей.

Винопитие не было регулярной привычкой римлян в дни ранней республики, но стало ею во время империи. В давние времена римляне довольствовались водой и напитками домашнего приготовления из всяческих фруктов, цветов и овощей: инжира, мушмулы, роз, петрушки, шафрана и других сильных приправ, смешанных иногда с виноградным соком. Италия была известна грекам как винодельческий край. Однако местные вина вначале не слишком высоко ценились. Когда Юлий Цезарь давал большой пир в свое третье консульство (46 г. до н. э.) с четырьмя сортами вин, два были привезены из Греции. Римляне вскоре отказались от своих старых представлений, что вино - это роскошь, которую следует употреблять нечасто, и что не стоит пить никакого другого вина, кроме греческого. По крайней мере, было известно одно римское виноградное вино урожая того года, когда Луций Опимий был консулом (в 121 году до н. э.), того самого года, когда был убит Гай Гракх. Беспрецедентно хорошая погода способствовала получению вина исключительного качества, которое складировалось и хранилось со столь скупой тщательностью, что некоторое его количество еще сохранилось ко времени Плиния, хотя тогда пить его уже было нельзя.

Рис. 24. Глиняные кувшины для хранения вина и масла

Винопитие как искусство жизни начало обретать более общераспространенную форму приблизительно с середины I века до н. э. Как напиток вино было уже вполне привычным, поскольку Катон в своей книге по сельскому хозяйству и управлению имением позволял своим рабам выпивать пинту разбавленного водой вина в день. Конечно же это было вино

наихудшего качества. Относительная новизна винопития в Риме лучше всего удостоверяется той строгостью, с которой женщинам долго запрещалось даже прикасаться к вину, если только оно не было очень сильно разбавлено.

Подобно многим другим строгим правилам великих дней Римской республики, это запрещение недолго продержалось во времена империи. Упорство такого древнего ограничения не более удивительно, чем похожие обычаи в Англии и Америке, которые не допускали женщин в пабы или салуны и считали немислимым, чтобы они курили, - два правила морали, которых еще строго придерживались до начала Первой мировой войны 1914 года. Итак, в Риме женщины начали пользоваться теми же свободами, что и мужчины, с наступлением империи.

Ко времени Плиния постепенно накапливались глубокие познания о винах, поскольку он говорил, что существовало почти 200 сортов, около восьмидесяти из которых были высокого качества, а две трети из этих «благородных» вин производилось в Италии. Высоко ценились вина с греческих островов, особенно с острова Хиос. В Риме высоко славилось вино из Сетии из винограда с холмов над форумом Аппия. Оно было любимым вином Августа, что и подтверждает Гораций, несмотря на общее мнение, что цекубское вино считалось тогда лучшим. Но его качество не сохранилось, потому что ограниченная площадь, на которой возделывался для него виноград, была перерыта, когда Нерон расширил канал от Бай до Остии. Фалернское было еще одним сортом вина из винограда, также возвращенного на благодатной почве Кампании. Существовало несколько вариантов этого вина - слабое, сладкое и терпкое, в большой зависимости от погоды в период роста винограда. Оно достигало своего лучшего качества, когда его возраст составлял 10 - 20 лет. Возникло много ученых мнений о влиянии различных вин на здоровье и пищеварение, и большие споры шли о достоинствах других вин, таких как альбанское и мамертинское. Плиний по праву мог глубокомысленно заметить после долгого изучения этого предмета, что виноградники, как и государства, «имеют свою судьбу»[23].

Число римлян, которые смаковали и наслаждались винами в чистом виде, как это делают знатоки вин сегодня, по-видимому, было относительно небольшим.

Всеобщей практикой было смешивать вино с водой. О том, что разводить вино считалось почти обязательным, мы можем судить из описания Горацием своего путешествия в Брундизий из Рима, когда на форуме Аппия он предпочел лучше не пить ничего, чем пить превосходное сетийское вино разбавленным, рискуя разводить его легендарно плохой местной водой. Римляне пользовались другими способами улучшения вкусовых качеств вин. Смешивать вино с медом было обычной практикой. Получаемый в результате напиток мульт - *mulsum* - подавали с первым блюдом на римском обеде или пиру. Чтобы приготовить самый лучший мульт, судя по Колумелле, нужно смешать приблизительно десять фунтов меда с тремя галлонами виноградного сусла, которое оставалось после того, как виноградные ягоды давили ногами, чтобы получить вино; но его нужно было брать до того, как из него будет выдавлен весь сок целиком. Плиний рекомендует использовать сухое вино вместо сусла. Мульт был таким же напитком, как шерри, которое мы обычно пьем перед обедом или ужином, хотя римляне пили его с первым блюдом. Считалось, что он способствует долголетию, возбуждению аппетита, помогает пищеварению.

Рис. 25. Небольшой столик для вина

ЗДОРОВЬЕ И ГИГИЕНА

Многие римляне преуспели в том, чтобы стать очень состоятельными, но не всегда здоровыми и мудрыми. Большинство из них в вопросах сохранения здоровья не нашли ничего лучшего, как придерживаться старой поговорки, что «к сорока годам человек либо глупец, либо сам себе лекарь», то есть каждый должен уже почувствовать собственные хвори и знать, как их лечить. Несмотря на высокую численность, римляне, возможно, в подавляющем большинстве так и не доживали до сорокалетнего возраста из-за эпидемий и болезней в сочетании с грязью, мухами и нездоровой пищей и питьем, уносивших их в молодом возрасте. Определенно существуют сведения о римлянах, доживших до преклонного возраста, но, как свидетельствуют надписи на могильных камнях, очень многие умирали молодыми. В отсутствие статистики невозможно угадать среднюю продолжительность жизни римлянина. Сегодня она составляет около 20 лет для среднестатистического жителя Индии, но почти 70 лет - для новорожденного в Новой Зеландии. У нас нет причин полагать, что среднестатистический римлянин мог бы прожить гораздо дольше, чем среднестатистический ребенок в Индии сегодня.

Физические условия жизни во времена Римской империи, сколь плохими они кажутся нам по нашим стандартам, были тем не менее лучше, чем условия жизни в ранней республике или любых других больших государствах в Древнем мире. Щедрая подача чистой воды, приходящейся на каждого жителя, была гораздо большей, чем могут похвастать многие наши современные города; система канализации в некоторых районах, по крайней мере в самом Риме, была вполне приемлемой, хотя многочисленные потоки нечистот и отходов, которые сливались в Тибр, определенно делали жизнь барочников и речных рабочих, а также прибрежных жителей, особенно в летние месяцы, не слишком приятной. Каждый, кто имел возможность, уезжал из Рима в такое время и ранней осенью, в сезон лихорадок.

Большинство римлян имело достаточно одежды и крышу над головой, и многие могли позволить себе довольствоваться теплом в короткие, но холодные зимние месяцы. Как мы увидим, очень бедные могли присоединиться к другим сословиям в великих термах, которые были столь изумительной чертой императорского города. Чистота тела, следовательно, была доступна беднейшим римлянам. Некоторые не могли ходить в термы из-за слабого здоровья, а некоторые - потому, что были рабами и трудились закованными в цепи. Мыло было неизвестно во времена республики и, по-видимому, не использовалось столь широко, как теперь. И Марциал и Плиний говорят о нем как об изобретении галлов для придания волосам рыжеватого оттенка. Плиний рекомендует его в качестве средства против золотушных болячек. Он говорит, что оно изготавливалось из сала (козлиного жира) и пепла и было либо твердым, либо жидким. Видимо, мыло было недешевым. В 300 году н.

э. фунт мыла стоил столько, сколько квалифицированный ремесленник мог заработать за два дня. Другие моющие материалы, такие как карбонат натрия (сода), стоили в два раза больше.

Пища среднего римлянина была, видимо, как здоровой, так и простой. Богатые были столь же склонны подрывать свое здоровье чрезмерным перееданием, сколь бедные были склонны наносить ущерб своему здоровью недоеданием или скудной едой плохого качества. Риск заболеть от зараженной пищи или воды, от мух и москитов, а также от животных и людей, зараженных болезнями, были подвержены и богатые и бедные. Богатые тогда, как и сейчас, находились во власти своих поваров и мойщиков посуды, чистоплотность которых не всегда была гарантирована.

Кроме инфекций случались и обыкновенные случайности и жизненные невзгоды, несчастные случаи, врожденные уродства, несварение желудка, ревматизм, подагра и всяческие другие болезни, которым подвержена человеческая плоть. Из опасностей, созданных руками человека, невероятное физическое напряжение рабочего класса было, возможно, самым распространенным.

Тяжелый труд на мукомольнях и отсутствие механических вспомогательных средств для подъема и переноски тяжестей вызывали растяжение мышц, преждевременный износ сердца и организма грузчиков, носильщиков, гуртовщиков, портовых грузчиков и особенно плотников.

В самом городе многочисленные мелкие сукновальни с их непродуманными методами и еще более едкими химикалиями, определенно, были столь же опасны для здоровья, сколь и неприятны. Многие мельницы и пекарни не были бы в столь плачевном состоянии, если бы не излишняя грязь и запущенность, в которой пребывали работающие там люди и животные. Под золотом и позолотой дворцов, храмов и величественных общественных зданий гноились язвы, дискредитирующие хваленую цивилизацию и урбанизацию императорского Рима, - пороки, которые были хуже всего, поскольку почти от всех них вполне можно было бы избавиться, но никому до этого не было дела.

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

Когда наступает неизбежное и семейный круг разрывается смертью, религиозное соблюдение древних традиций требовало, чтобы умирающего клали на землю умирать в контакте с землей, куда он вскоре попадет. Последний вздох умирающего ловил ближайший родственник, который закрывал глаза усопшему и, возможно, клал монету ему или ей в рот, чтобы заплатить Харону, этому мистическому перевозчику, который должен был перевезти душу через реку Стикс в подземный мир. Все члены семейства должны были стоять рядом, скорбя. Профессиональные гробовщики - полликторы - готовили тело к похоронам. Если умерший занимал высокую должность, его одевали в должностную одежду, а голову венчали венком из дубовых или лавровых листьев, которые иногда были из золота. Простых граждан одевали в тогу. Тело покоилось в домашнем атриуме и оплакивалось наемными плакальщицами - префиками. На улице перед домом ветви кипариса предупреждали прохожих, что в доме умерший.

Похоронная процессия могла быть очень торжественной, если покойный был выдающимся или очень богатым человеком. Носилки, на которых покоилось тело в позе живого, несли восемь мужчин с шедшими во главе флейтистами для тех, кто умер молодым, и трубачами для пожилых; затем шли члены семейства. Во времена республики несколько мужчин-родственников надевали посмертные маски своих выдающихся предков. Такая процессия производила внушительное впечатление на зрителей, которых обычно приглашал на похороны нанятый глашатай. Именно по таким случаям великие люди исторического прошлого Рима, казалось, опять оживали, выставляя напоказ могущественные достижения прошедших веков к бесконечному восхищению и благодарности живущих. Когда с

появлением единоличного правления и вымиранием старинных благородных семейств такие демонстрации становились малочисленнее и в конце концов прекратились, Рим потерял свою самую сильную связь с прошлым вместе с побуждающим стимулом к достижению равновеликих свершений в будущем.

Рис. 26. Похоронная процессия

Процессия останавливалась на Римском Форуме, где произносилась речь - панегирик, восхваляющая умершего мужчину или женщину, тело которого затем переносилось на подготовленный погребальный костер. После того как родственник поджигал костер, а тело сгорало в пламени, прах, охлажденный вином или водой, собирали в урну. Похоронной церемонии предшествовало застолье, и еще одна поминальная трапеза устраивалась в семейной усыпальнице, когда позднее урна с прахом переносилась туда. После девятидневного траура новый обряд жертвоприношений в виде пищи совершался на могиле.

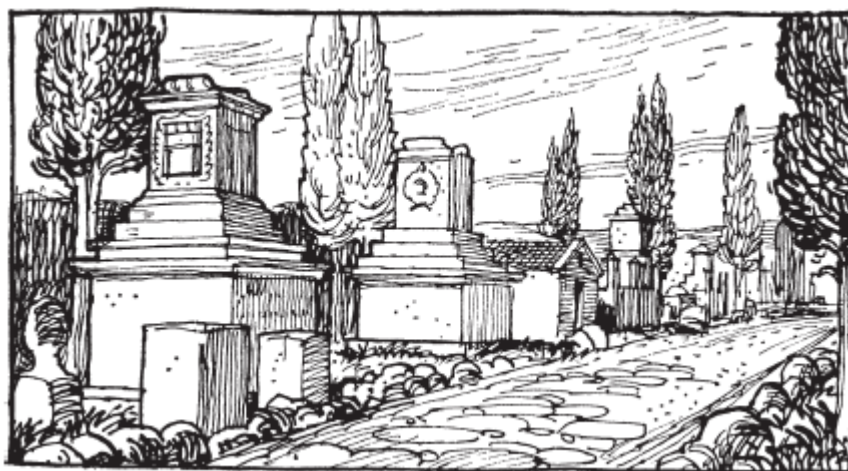

Рис. 27. Могилы выдающихся граждан

Иногда эти церемонии проводились с царственной роскошью, особенно если покойного страстно обожала толпа, как Юлия Цезаря, или он был провозглашен «спасителем Отечества», как Август. Это до некоторой степени можно считать справедливым. Но и не столь значительные, «маленькие» люди могли купить свой последний час славы; Изидор (Isidorus), вольноотпущенник, оставил миллион сестерциев для расходов на свои похороны в 8 году до н. э. Он мог это позволить себе, поскольку имел состояние в 60 миллионов, кроме 4116 рабов, 3600 пар волов и 257 000 голов другого скота. В то же время он жаловался в своем завещании, что «понес огромные потери в гражданской войне».

Большая часть такого наследства тратилась на гладиаторские бои и «похоронные» игры, а также на угощение.

Праха выдающихся римлян помещался в усыпальницы, зачастую очень искусно сделанные и расположенные вдоль главных дорог, ведущих из города. Трудно представить, как

должны были быть загромождены всеми этими памятными камнями эти дороги. Реконструкция знаменитым гравером XVIII века Пиранези могил вдоль Аппиевой дороги очень реальна и представляет интерес, поскольку наглядно демонстрирует, что могло бы произойти спустя века усилиями бесчисленных семейств, стремящихся увековечить свою индивидуальность и гордость своей генеалогией.

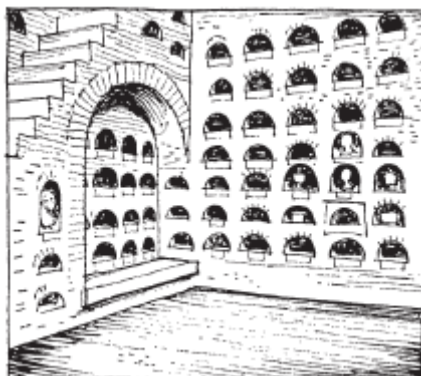

Рис. 28. Колумбарий

Излишне говорить, что бедняки были не в состоянии позволить себе ни одну из подобных церемоний и даже, видимо, не располагали четырьмя рабами, чтобы нести их гроб; у них зачастую не было могилы: их зарывали в общую яму на общественном кладбище на Эсквилинском холме. Для того чтобы избежать подобной участи, были образованы небольшие общества взаимопомощи, клубы или объединения - похоронные коллегии.

Трусливые правители, опасаящиеся заговоров и бунтов, кроме торговых гильдий позволяли лишь подобные безобидные союзы или коллегии; их единственной целью было обеспечить периодические собрания для пиров и сбора скромных средств на похороны для их членов. Их урны, как и урны рабов и вольноотпущенников из больших семейств, тогда могли найти место успокоения в нишах стены какой-нибудь большой усыпальницы или катакомбы. В таком месте могло быть установлено несколько тысяч урн. Они назывались колумбариями, и их насчитывалось сотни.

Глава 4

РАБСТВО

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАБСТВА

Весь образ и качество жизни в Древнем Риме были приведены в упадок его зависимостью от рабского труда. Не было ничего необычного в том, что во всех средиземноморских странах использовали людей, словно они были животные или орудия труда, но ни один народ за всю историю человечества не владел столь большим числом рабов или не полагался так сильно на рабский труд, как римляне.

До III века до н. э. только очень богатые имели большое количество рабов. Мелкий римский земледelec управлялся со своим участком земли от двух до пяти акров либо с помощью своего семейства, либо, в лучшем случае, одного-двух рабов. Они, по всей вероятности, также были уроженцами Италии, народа, очень похожего на тот, к которому принадлежали сам земледelec и его жена. Рабы помогали по хозяйству и по дому, живя одной семьей. Связи в Риме между рабами и членами семьи на самом деле могли быть даже ближе, поскольку многих допускали в жизнь семьи и к богослужению, а также участию в ре-

лигиозных празднествах, особенно сатурналиях, древнем празднике, который приходился на середину декабря. Ни один народ, у которого были подобные церемонии, не мог совсем забыть обычное человеколюбие, которое связывало его с рабами.

Пока Рим расширял свои территории и усиливал могущество за счет соседних с Италией народов, большинство рабов было италийцами. Но во II - I веках до н. э. произошла первая разительная перемена в традиционной практике, когда в результате многочисленных военных походов римской армии в Испанию, Грецию, Македонию, Малую Азию, а позднее, при Юлии Цезаре, в Галлию и Британию полчища иностранных рабов потекли в Рим. Остров Делос стал оптовым рынком рабов из Азии: там за один только день тысячи рабов могли переходить из рук в руки, чтобы переправить как скот в Рим, где их, мужчин, женщин и детей, выставляли обнаженными на рынках рабов и продавали один за другим тому, кто предложит самую высокую цену. Как только их привозили в Рим, им сразу же белили ступни мелом, а на шею вешали табличку, перечисляющую все их достоинства и недостатки, поскольку рыночные надзиратели, эдилы, возлагали на продавца ответственность за любое ложное заявление об их товарах, будь то люди или что-либо другое. Самые отборные рабы, по всей видимости частным образом, предназначались богатым покупателям.

Пленение во время войны было основным источником рабов во времена республики и в начале эпохи империи; зачастую это было одной из причин войны. В древние времена военачальники гордились тем, что приносили такие щедрые дивиденды в общественную казну. В последний век республики такие устаревшие понятия перестали быть предметом гордости; Сулла, Помпей и Цезарь безмерно разбогатели после своих удачных военных походов, считая большую часть того, что их войска захватили в качестве военных трофеев, особенно рабов, своей частной собственностью. К тому же многие становились рабами в результате пиратства, краж детей даже на улицах Рима, не говоря уже о разбоях на дорогах. Дети, чья мать была рабыней, в свою очередь тоже становились рабами, собственностью господина их матери. По мере того как на закате империи покорение чужих земель прекращалось, дети рабов становились живым источником появления новых рабов.

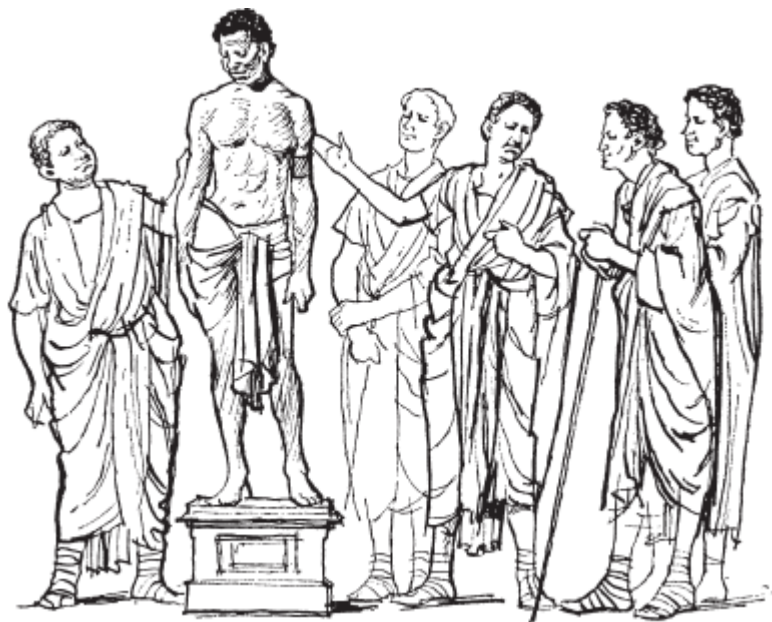

Рис. 29. Продажа чужестранного раба

Некоторых свободнорожденных детей, брошенных родителями, брали другие люди и растили как рабов, хотя считалось незаконным обращать в рабство детей свободнорожденных римлян. Однако выволить из рабства тех, кого превратили в рабов, было очень непросто. Определенно, после II века до н. э. число рабов в Риме сильно увеличилось, но

сколько их было, неизвестно. Огромное количество рабов отправлялось на работы в деревню, где с ними жестоко обращались. Вероятно, сами римляне не знали, сколько их было. Не исключено, что за последние пять столетий римской истории один раб приходился на каждых двух-трех римских граждан; рабы, по-видимому, составляли 400 000 на население в один миллион. Если всех рабов разделить поровну на количество семей, то на каждую пришлось бы по крайней мере по два раба: любой, даже другой раб, мог их купить.

ЦЕНЫ НА РАБОВ

Цена рабов сильно варьировалась. После удачного военного похода на рынке их было в избытке, и многих продавали очень дешево. Во времена Платона, когда деньги стали цениться больше, чем во времена империи, Катон, который всегда сильно торговался, был готов заплатить от 500 до 1500 денариев за одного раба. Он очень гневался, когда состоятельные римляне были готовы заплатить даже 2500 денариев за смазливого мальчика или рабыню, и как только обрел власть, став цензором республики, он ввел высокий налог на подобную роскошь. Судя по некоторым ценам, упомянутым Плавтом, двоих детей с их нянькой можно было купить за 1800 денариев, в то время как цена на красивых девушек колебалась от 1000 до 6000 денариев; девушка, умеющая играть на музыкальном инструменте, стоила 4000 денариев. Двести лет спустя цены станут гораздо ниже. Раб, умеющий ухаживать за виноградником, в правление Августа стоил 2000 денариев. Но фактически раб, как и картина, мраморная статуя или редкая книга, стоил столько, сколько любой богатый человек был готов за него заплатить. К концу республики и в начале истории империи были отмечены какие-то фантастические цены; Марциал жаловался, что за мальчиков платили от 25 000 до 50 000 денариев, но он также свидетельствует, что на девушку низкого происхождения, продававшуюся за 150 денариев, не нашлось покупателя. Светоний поколение спустя писал, что грамматик «Луций Дафнис... был куплен Квинтом Католом за семьсот тысяч сестерциев и вскоре отпущен на волю...».

Чтобы получить представление о том, что могли означать эти цифры, их необходимо сравнить с другими ценами. Цицерон тратил 25 000 денариев в год на достойное образование своего сына в Афинах. За свой превосходный городской дом, поскольку он был построен для владевшего миллионами Красса, Цицерон заплатил 875 000 денариев. Многие бедные римляне тратили на покупку своего небольшого скромного домика меньше, чем богатые готовы были заплатить за раба, в то время как богатые тратили на одну большую рыбину для пира больше, чем стоил бедный раб.

РАБСКИЙ ТРУД

Только богатые могли позволить себе иметь много рабов, и они конечно же имели только лучших. По мере того как во времена империи становилось все больше зажиточных римлян, возникала жестокая конкуренция за покупку обученного ремеслу или красивого раба. Ювенал говорил о любом человеке, что первый вопрос, который задают, будет о его состоянии, последний - о его характере. «Жатва у вас какова? И дает ли плоды эта почва? Сколько за дом?» Затем - сколько у него рабов, сколько у него земли, сколько перемен блюд бывает, когда он дает обед для своих гостей. Самые смысленные рабы были родом из Греции. Умных греков можно было найти во многих богатых римских домах в качестве лекарей, наставников, библиотекарей, музыкантов, ювелиров, художников. Римляне, имеющие собственное дело в городе, которые не могли позволить себе держать много умелых рабов для собственных личных нужд, использовали их в качестве лавочных торговцев или ремесленников, изготавливающих столовое серебро, ювелирные украшения, подделки под стиль античности, столы, треножки, скульптуры и книги. Кроме умелых, в домах состо-

ятельных людей было много хорошо образованных рабов; еще больше выполняли работу поваров, цирюльников, личной прислуги, дворецких, официантов, чистильщиков столового серебра, привратников, грузчиков, носильщиков летик, истопников, уборщиков и садовников. Хозяйка дома обычно была окружена свитой молодых рабынь, которые должны были подчиняться ее малейшему капризу. В дни роскоши на пике империи некоторые из них были высококвалифицированными и умелыми, как парикмахеры, парфюмеры, портнихи, горничные, массажистки, маникюрши и так далее. Когда состоятельный хозяин или хозяйка покидали дом, чтобы отправиться в путешествие, нанести визит или попить с друзьями, не важно, пешком или в носилках, их обычно сопровождали телохранители из рабов. По ночам разбойники из засады и грабители

...опасаются алой накидки,

Свиты богатых людей всегда сторонятся невольно,

Встретив факелов строй да бронзовую канделябру.

Мне же обычно луна освещает мой путь иль мерцанье

Жалкой светильни, которой фитиль я верчу, оправляю.

Я - для буяна - ничто.

Так, по словам Ювенала, бедный человек, сопровождаемый луной или слабым светом свечи с длинным фитилем, чтобы горела подольше, бывает легкой жертвой кулака или дубинки хулиганов.

...Встречаются люди,

Грабить готовые в час, когда заперты двери и тихо

В лавках, закрытых на цепь и замкнутых крепким засовом, -
говорит Ювенал.

Так как все пленники, захваченные на войне, становились собственностью республики, неудивительно, что по крайней мере часть рабочей силы, занятой в обслуживании Рима, должна была состоять из рабов. В городе с населением около миллиона человек ежедневно было очень много работы. Обслуживание и строительство дорог, мостов, акведуков и других публичных зданий требовало услуг многих человек. Многие строительные работы выполнялись частными подрядчиками с использованием рабского труда; работы же по обслуживанию со всеми сопутствующими ей канцелярскими и бухгалтерскими обязанностями были надлежащим образом поручены непосредственно городским чиновникам. Два консула имели в своем распоряжении общественных рабов, помогавших им с рутинной работой; другие магистраты, особенно эдилы, в чьи обязанности входило содержать город в чистоте и порядке и пресекать обман на рынках, и квесторы, которые собирали налоги и выступали в качестве казначеев, особенно нуждались в услугах рабочих и служащих. Одним преимуществом рабского труда было то, что при одном только подозрении в дурных побуждениях их могли заставить признаться в чем угодно под пыткой, и, поскольку они все и все то, чем они владели, принадлежало их хозяевам, риск, что они присвоят общественные деньги или собственность, был очень небольшим. Рабы, занятые на службе республике или в качестве храмовых служителей, довольствовались более высоким положением в обществе, нежели рабы, находящиеся в частном владении: так оно и было, ведь все чиновники, даже самые незначительные, такие как они, заимствуют чувство собственного достоинства у своей должности, подобно тому как зачастую сейчас мелкие чиновники пытаются поступать подобным образом. Некоторые женились на вольноотпущенницах и оставляли гордый отчет о своей персоне на своих могильных камнях.

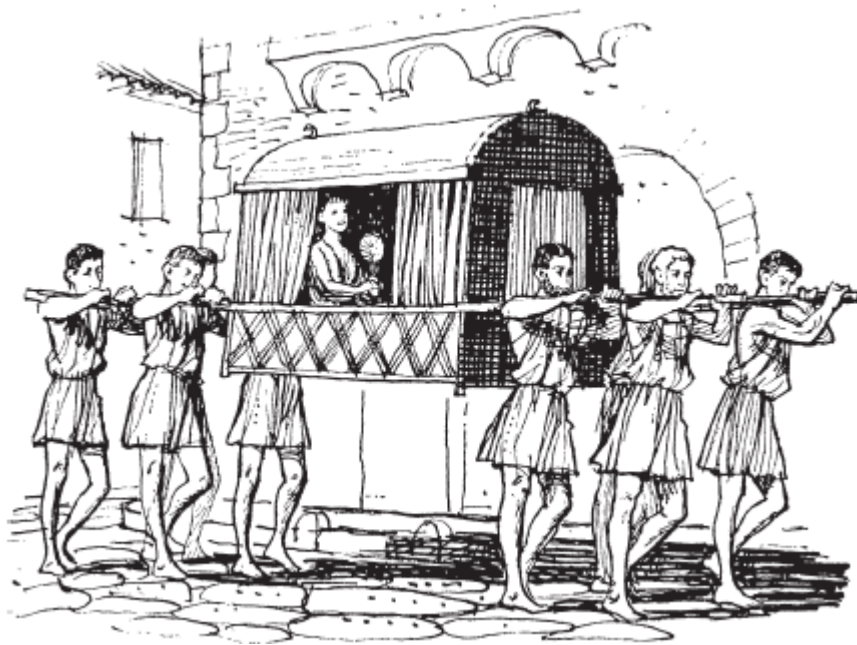

Рис. 30. Богатую матрону несут в носилках

Во времена империи ряды рабов, занятых на общественных работах, начали расти. Решительное единоначальное правление, что признавали почти все, хотя и не охотно, будет существенным (если такое правление и должно воплотиться в реальности), но не сможет быть эффективным, если у него отсутствует большой штат помощников. И не важно, желал ли император возложить на себя обязанность за общественное благосостояние римского народа или нет; он был вынужден сделать это по самой природе своего положения. Император унаследовал от республики задачу обеспечения достаточным запасом зерна; если запас начинал истощаться, виноват в этом был конечно же император. «А когда со снабжением начались трудности из-за непрерывных неурожаев и однажды его самого (императора Клавдия. - Примеч. пер.) среди Форума толпа осыпала бранью и объедками хлеба, - свидетельствует Светоний, - так, что ему едва удалось черным ходом спастись во дворец, - с тех пор он ни перед чем не останавливался, чтобы наладить подвоз продовольствия даже в зимнюю пору». Еще одной немаловажной службой была подача воды. Публично и ежегодно избираемые магистраты во времена республики построили и обслуживали четыре акведука, подающих свежую чистую воду из Аниена[24] и родников Фраскати в город, Август сделал своего доверенного друга Агриппу ответственным за надзор за всей системой водоснабжения, который тот и предпринял с помощью 240 своих собственных рабов, работающих на восстановительных работах. По завещанию он оставил их Августу, который передал их Сенату как общественных рабов, служащих новому чиновнику - смотрителю водопроводов. Четыре новых акведука были добавлены к построенным в эпоху республики. Император Клавдий внес свой вклад, проложив огромный новый канал длиной 120 миль - «Аква Клавдия». В целом водопровод был длиной почти 300 миль, но всего только около 50 миль проходило под землей или в крытых каналах, чтобы обеспечить приблизительно 40 галлонов в день на каждого жителя Рима.

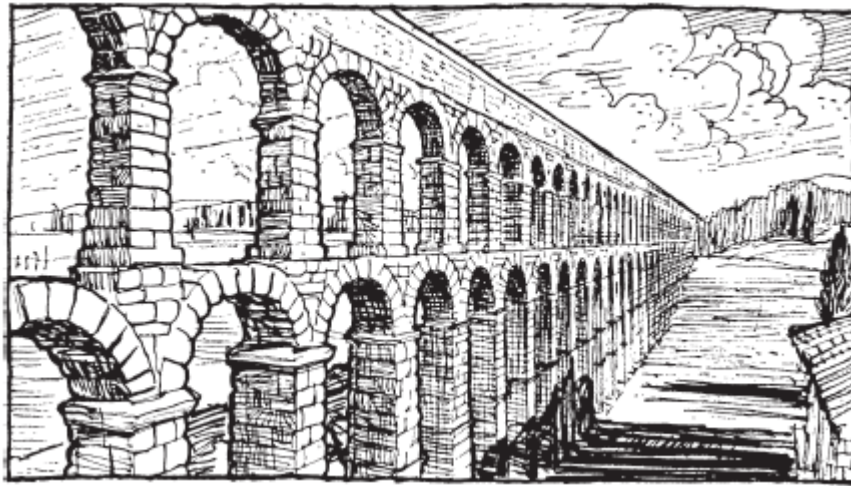

Рис. 31. Акведук

Штат рабочих возрос до 460 рабов, которых Клавдий взял на императорскую службу, поставив начальником над ними одного из своих освобожденных рабов, вольноотпущенника. Водоснабжение Рима, как и раздача хлеба, таким образом, стало признанной обязанностью императора.

В конце I века н. э. император Нерва назначил прирожденного администратора Секста Юлия Фронтину надзирателем за системой водоснабжения. Его отчет - единственный обстоятельный обзор, дошедший до нас, определенной части общественного управления в Древнем Риме. Это был, конечно, относительно небольшой элемент сложной системы делопроизводства огромнейшей империи, которую когда-либо знала Европа. Административная работа включала поддержание контактов с командирами римской армии на полях сражений, с губернаторами провинций и целой армией императорских чиновников, что определенно требовало огромных затрат времени и большой штат работников. Дороги, храмы, рудники, каменоломни, императорская почта, чеканка монет и раздача хлеба также требовали много вдумчивой административной работы, помимо управления императорскими доходами, от чего зависела работа всей государственной машины. Она приводилась в движение с помощью рабского труда.

Страх перед рабами, в котором жили римляне на протяжении первых столетий до Рождества Христова и нашей эры, имеет много примеров. Любой раб, сделавший попытку выдать себя за свободного гражданина, мог быть приговорен к смерти. По древней традиции никто, кроме свободных граждан, не мог служить в римской армии; любой раб, завербованный в армию, мог быть подвергнут быстрой казни немедленно по обнаружении. Тем не менее рабов заставляли служить в армии, несмотря на это ограничение; они обеспечивали перевозки и выполняли всевозможный тяжелый ручной труд, а также становились казначеями войсковой казны. Во флоте использовалось большое число рабов после того, как Август приковал цепями 20 000 рабов к тяжелым веслам, чтобы ускорить ход военных кораблей. Однако даже здесь некоторые рабы неплохо себя чувствовали как кормчие и даже офицеры. Некоторые были вооружены для боя, чтобы присоединиться к свободнорожденным гражданам - солдатам, которые являлись основной опорой флота в качестве боевой силы. Морские сражения решались числом и боеспособностью вооруженных людей, перевозимых на каждом судне, которые были скорее военно-транспортными, чем собственно боевыми кораблями; поэтому, когда сражение становилось очень жарким, весьма вероятно, рабов заставляли вступать в бой - ведь на кону были и их жизни тоже.

ОБРАЩЕНИЕ С РАБАМИ

Пьесы Плавта (ок. 254 - 184 гг. до н. э.) изобилуют упоминаниями о жестоком обращении с рабами, а это было еще до большого наплыва в Рим рабов с Востока и из других стран. В одной из его лучших пьес отвратительный персонаж под именем Баллион изображен орущим на своих рабов и охаживающим их тяжелым кнутом.

Баллион

(к рабам)

Выходите, лентяи! Не стоило вас

Содержать и не стоило вас покупать.

Ведь из вас никому, никогда и никак

Настоящее дело на ум не придет.

Если этим примером мне вас не учить,

(показывает плеть)

Не добиться мне пользы от вас никакой.

Я подобных ослов никогда не видал;

До того под бичом огрубели бока!

Колотить вас - себе больше вредить,

От природы с побоями запросто вы!

Знаете себе одно лишь! Случай есть - тащи, тяни,

Грабь да пей, беги. Вот это -

Ваше дело...

Пьесы изобиловали угрозами наказаний, брани, побоев, порки, переломов лодыжек, пыток, а также всегда присутствующим страхом смерти на кресте, к чему любой из рабов мог быть приговорен. В другой пьесе раб говорит, что могилой ему будет перекресток двух дорог; там лежит его отец, дед, прадед и прапрадед. Тем не менее большинству рабов удавалось избегать побоев, и многие из них делали свой вклад в счастливый конец пьесы, заслужив себе свободу.

Уже в эти давние времена многие римляне не оставались в неведении о жалком положении своих рабов. Когда раб в другой пьесе Плавта говорит своему хозяину, что по природе все люди свободны и естественно, что все хотят свободы, ведь рабство - хуже любого зла, хуже любого бедствия, и того, кого Юпитер ненавидит, он обращает в раба, его хозяин соглашается с тем, что в словах раба есть доля правды. Это созвучно Цицерону, который сотню лет спустя утверждал то же самое: «За всеми нами одинаковое число поколений. Происхождение всякого лежит за пределами памяти». Платон говорит: «Нет царя, что не произошел бы от раба, и нет раба не царского рода». Однако даже при жизни Цицерона один его друг, ученый Варрон, писал о трех главных инструментах, которыми владели земледельцы и которые должны были им помогать: бессловесные, такие как повозки; обладающие нечленораздельной речью - такие как волы, и те, что обладает даром речи - рабы. Если не считать жестокости некоторых немногочисленных хозяев и хозяек, ужасы римского рабства значительно умерялись гуманным отношением ко многим рабам их внимательными и заботливыми господами. Нам известно, что во времена преследований и опасности для жизни рабы преданно служили и защищали многих своих хозяев из благодарности и любви, и все это даже ценой собственной жизни. В общем, такое положение имело некоторое сходство с домашней прислугой в домах знати в Англии и Ирландии в XVIII и XIX веках. Хотя такой образ жизни навевает некоторые мрачные воспоминания о тяжком труде за низкую плату, о жилище безо всяких удобств на чердаках и в подвалах, огромное число «домашней челяди», несомненно, извлекало больше из своей тяжелой жизни, заполненной монотонностью службы, чем могло бы в случае любого другого доступного им занятия. Безопасность, защита, эlegantное окружение, общение со своими товарищами-слугами и более широкие интересы, зачастую жизнь в большом хозяйстве, что мог позволить себе пользующийся известностью владелец, были плюсами, которые нельзя не принять во внимание. Многие римские рабы имели похожие преимущества, все из которых, видимо, при состоятельном и добром хозяине придавали жизни больше значимости,

чем для свободнорожденного, старающегося изо всех сил добыть сомнительные средства к существованию на земле или на море. Некоторым рабам могло исключительно повезти, как тем, которых оставляли присматривать за одной из сельских или приморских вилл своего богатого хозяина. Рабство тогда ничуть не отличалось от жизни свободнорожденного зрителя. В больших хозяйствах непременно существовали градации полномочий и положений среди самих рабов, точно так же как дворецкий и домоправительница властвовали в помещениях, отведенных для слуг, в дни аристократических домов в Англии, и многие пороки рабства скорее происходили от тех, кто занимал такие посты, дававшие им хоть небольшую, но власть, чем от самого рабовладельца. Когда рабы могли ожидать повышения до таких «руководящих» должностей и они служили доверяющему им хозяину, они могли в достаточной степени избавиться от чувства превосходства и в то же время крайней беспомощности, которое, естественно, вызывало рабство.

Рис. 32. Раб, правящий экипажем своего хозяина

Совершенно ясно, например, что Цицерон расточал столько же заботы и любви на своего доверенного личного помощника и раба Тиррона[25], как на собственного сына или племянника. Столь же трудно поверить, что раб на императорской службе, владевший дюжиной или более собственных рабов, проводил свои дни в страхе за свою жизнь и жизнь своих детей, подобно рабам, описанным Плавтом.

Но основное различие между рабом и свободным человеком сохранялось. Когда Цицерон видел, как его слабо сопротивляющиеся соотечественники, убаюканные чарами гения Юлия Цезаря, уступают свои республиканские свободы в надежде на выгоды мудрого и благотворного правления одного человека, он представил им голую правду об опасности абсолютной автократии. Он говорил, что они должны во что бы то ни стало бороться против такого политического порабощения, поскольку это - одна из форм рабства. «...Отечество я уже оплакал сильнее и оплакивал дольше, чем любая мать - единственного сына... Мы уже четыре года живы по милости, если милость или жизнь - пережить государство... Произойдет все то, чего пожелают те, кто будет в силе, а сильным всегда будет оружие... Даже сам глава (Цезарь) не знает, что будет; ведь мы в рабстве у него, он - у обстоятельств». Человеческое общество продолжало сталкиваться с проблемой урегулирования своей потребности в политическом лидерстве, без которого ничего не делается, с равной потребностью свободы выбора и поступка, без которых энергия человека и созидательная сила воли атрофируются и умирают. Римляне так и не преуспели в создании государства и правительства, которые были бы сильны ради блага, но неспособны на зло. Кроме личной участи мужчин, женщин и детей, которые становились рабами, результаты рабства можно увидеть не только в образе жизни очень богатых римлян; они так же непосредственно воздействовали на жизнь обыкновенных людей. Тысячи римлян, которые могли бы зарабатывать на жизнь, изготавливая обувь, одежду, мебель, ювелирные украшения и все те вещи, которыми пользовались состоятельные римляне, имели меньше возможностей заниматься этим, потому что все это изготавливалось в хозяйствах богатых людей их же рабами. И

хуже того, честный труд свободного человека был презираем, потому что это означало, что он делает то, что следует делать рабу. Низкие потребности такого образа жизни удовлетворялись легко и дешево. Нетрудно видеть, как такое положение вещей разрушало деловую и промышленную жизнь Древнего Рима и тормозило его эволюцию и прогресс. Из-за рабства не было массового спроса на повседневные товары, что является характерной чертой нашего времени. Более того, когда рабский труд дешев и изобилует, не возникает особой потребности изобретать дорогие механизмы. Возможно, римляне и не были достаточно умны, чтобы изобрести какую-нибудь очень сложную машину, даже если бы они не владели многими тысячами рабов. Ведь им пришлось бы искать новые источники энергии, чтобы заменить рабов. У них было несколько водяных мельниц, и их военные орудия были мощными и оригинальными, но естественные ресурсы, такие как сила воды, ограничивали размещение производства в немногочисленных благоприятных для этого местах, а когда их исчерпывали, возникала острая проблема эффективной доставки сырья, такого как пшеница, и произведенных продуктов, таких как мука.

Следовательно, «капитализм» в Древнем Риме не выполнял своей современной функции освобождения человека от тяжелого физического труда за счет конструирования машин и механизмов, поэтому неспособность Древнего мира к прогрессу в промышленности и технологии может, по крайней мере частично, быть отнесена на зависимость от рабского труда.

ВОССТАНИЯ РАБОВ

Частые жестокие наказания и постоянный страх пыток, увечий и смерти толкал рабов на побег, мятежи и убийства своих угнетателей. Римские рабовладельцы были не только хорошо осведомлены о таких опасностях, но и принимали все предосторожности, какие только возможно, чтобы их не допустить. С точки зрения закона сбежавший раб был вором. Он украл собственность своего хозяина. Существовали строгие законы, карающие тех, кто оказывал ему хоть какую-то помощь. С ходом времени возникло своего рода частное детективное агентство, занимающееся выслеживанием и поимкой сбежавших рабов. Август в начале своей карьеры завоевал доверие тем, что вернул 30 000 сбежавших рабов их хозяевам «для наказания». Следовательно, вероятность поимки сбежавшего раба была велика, и тогда его наказание будет примером, приводящим в ужас любого из его собратьев-рабов. Если раб убьет своего хозяина, всех остальных рабов в доме приговаривали к смерти как сообщников. Неудивительно, что в такой атмосфере ненависти и страха один из приемов политических заговорщиков, чтобы собрать силы вокруг себя, обычно состоял в обещании свободы любому рабу, который будет сражаться на их стороне. Когда Цицерон занимал должность консула в 63 году до н. э., разочарованный амбициозный аристократ Луций Сергий Катилина освободил рабов, чтобы усилить разношерстную команду головорезов, которую он собрал. Всего десять лет назад 90 000 рабов под предводительством фракийского гладиатора Спартака подняли восстание, которое было подавлено лишь после того, как рабы подвергли страшным страданиям своих бывших хозяев, словно какая-то победившая варварская иноземная армия. Пока бедствия такого размаха были свежи в памяти римлян, неудивительно, что Катилину и его банду головорезов после того, как их объявили врагами республики, стала преследовать и победила римская армия в тщательно подготовленном сражении. Воспоминания об этих ужасах заставили многих римлян без колебаний ужесточить и так строгий надзор за рабами. Более сотни лет спустя, когда римский префект Педаний Секунд был убит рабом в 61 году н. э., вся его челядь из 400 рабов была приговорена в соответствии с древним обычаем к смерти. К тому времени общественное мнение восстало против такой жестокости, и дело передали в Сенат, где, по словам Тацита, «лишь немногие голоса сожалевших об участии такого множества обреченных, большинство которых, бесспорно, страдало безвинно, и среди них старики, дети,

женщины...». Несмотря на подобные протесты, приговор был одобрен. Возмущение масс было столь велико, что пришлось выстроить солдат вдоль дороги, по которой рабов вели на казнь.

Жестокие хозяева и хозяйки были все еще слишком многочисленны. Приблизительно в 60 году н. э. Сенека в своем широко известном письме цитировал высказывание Катона, сделанное за двести лет до этого, как будто оно было столь же верно для его времени: «Сколько рабов - столько врагов», а причина, по его словам, в нечеловеческом и жестоком обращении, словно они не люди, а животные: «...они нам не враги - мы сами делаем их врагами. Я не говорю о жестокости и бесчеловечности, - но мы и так обращаемся с ними не как с людьми, а как со скотами». То, что такой стоик, как Сенека, для которого безразличие к удовольствиям или боли было делом чести, выразил столь резкий протест, говорит о том, что к его времени некоторые рабовладельцы были добры и внимательны к своим рабам. Со времен Августа законы начали ограничивать плохое обращение с рабами. В I веке н. э., к примеру, было введено правило, что раба нельзя было посылать на смертный бой на арене, если он не был предварительно приговорен судом за какое-то преступление. При Клавдии убить или выгнать рабов, которые были больны и не могли работать, стало считаться преступлением. Последующие императоры пытались воспрепятствовать тому, чтобы рабы становились беспомощными жертвами освободительного движения.

ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ И ВОЛЬНООТПУЩЕННИЦЫ

Чем лучше с рабами обращались их хозяева, тем дороже их было содержать и, следовательно, тем ближе оказывался раб к условиям свободного человека. Когда стоимость содержания раба стала равняться или даже превышать затраты на то, чтобы нанять свободнорожденного человека выполнять такую же работу, стало невыгодным содержать огромные армии рабов, если только они были нужны, как это часто бывало, для иных, чем строго деловые, потребностей, таких как представления или работа по дому.

Рис. 33. Manumissio, или церемония освобождения раба

Они были бы расточительной роскошью во времена, когда государство раздавало свободным гражданам необходимые им хлеб и воду бесплатно. Преобладали лишь подобного рода экономические соображения, или виной тому было большее распространение сочувс-

тивия, ясно одно - уже в I веке н. э. практика освобождения рабов стала входить в обыкновение, несмотря на пугающий прирост численности рабов в то время. Следовательно, были основательные практические причины помочь моралистам, которые начали сомневаться, правы ли были Аристотель, Цицерон и Варрон в своем убеждении, что рабство является неизбежной частью природы вещей.

Все настойчивей слышались голоса стоиков, что все люди - братья, рожденные с равными правами, и свобода зависит от разума или силы духа и не может ограничиваться случайными различиями, возникшими по праву рождения или из социальных условий.

Щедрый хозяин, такой как Цицерон, обычно давал своим рабам карманные деньги, которые они при желании могли копить, потому что они жили «на всем готовом», и тратить деньги не было особой необходимостью. Многие рабы могли выкупить собственную свободу на свои сбережения, которые щедрый хозяин, по-видимому, позволял им хранить, чтобы помочь им положить хорошее начало своей новой независимой жизни. Другие получали свою свободу в качестве вознаграждения за преданную службу, даже если им, по-видимому, приходилось ждать до тех пор, пока их хозяин или хозяйка не умрут; тогда они получают свободу в качестве наследства. Некоторым немногочисленным счастливым их хозяева оставляли состояния. Таким образом, возник большой класс вольноотпущенников, которые были римлянами лишь номинально. Никакой решительной политики их «романизации» никогда не проводилось. Они выбирали традиционные древнеримские ценности случайно, вместо того чтобы учиться римскому образу жизни. Их зависимость от прежнего владельца сохранялась до такой степени, что они все еще обращались к нему за советом, защитой и юридической помощью, сталкиваясь с проблемами и затруднениями «большого мира». Эти зависимые люди объединялись в ряды свободных «клиентов» богатых. Зависимость бывшего раба обозначалась тем, что к его иноземному имени добавлялось имя рода его бывшего владельца. Вкусив жизненных тягот и будучи вынужденными усердно трудиться и жить своим умом, многие из этих бывших рабов извлекали выгоду из своей свободы.

Римлянам «старой школы» не нравилось быстрое продвижение по службе бывших рабов, и многие, должно быть, вторили высказыванию Плиния, напоминающему о том, как их предков видели стоящих в клетке с набеленными мелом ступнями, в оковах, несчетное число которых, освобожденное своими хозяевами, удивительно разбогатело за счет кровопролития и добра римских граждан в это «безнравственное время проскрипций» в последние дни республики. Он добавляет, что и в его дни известны те же лица, поднявшиеся до высочайших почестей и власти. Несмотря на обеспокоенность трезво мыслящих правителей, таких как Август, который хотел ограничить освобождение рабов, вина императоров в таком положении дел была не больше, чем всех остальных людей Рима. Императорские государственные чиновники в Риме были личными слугами императора в прямом смысле, в отличие от британских «слуг народа» на службе у монарха, правящего в качестве главы государства. Они были либо императорскими рабами, либо его личными слугами, которых он, по-видимому, освободил от оков рабства. Более способные и усердные рабы продвигались им по служебной лестнице, и им даровалась свобода, чтобы римлянами не управляли рабы. Но всегда считалось, что вольноотпущенник имеет более низкий социальный статус по сравнению со свободнорожденным гражданином. Неудивительно, что римляне «старой школы» приходили в негодование, когда такие вольноотпущенники, работая бок о бок со своими властью имущими хозяевами, делали большие состояния и заставляли видные римские семейства «есть у них с руки». Вольноотпущенников, которые возвысились на императорской службе, опьяняло их высокое положение. По словам Плиния, они «стали дерзки в своей удаче».

Римляне сами создали эти социальные и экономические проблемы, возникшие потому, что толпы вольноотпущенников и вольноотпущенниц, наводнявшие город, перехватывали почти всю повседневную работу. В конце концов вольноотпущенники уничтожили своих создателей. Установлено, что ко II веку н. э. у восьми из десяти мужчин, женщин и детей,

которые ходили по улицам Рима, в жилах текла кровь раба. Происхождение очень многих из них было чуждо старым римским традициям. Они не считали потерю политических свобод, которых они, как и их предки, никогда прежде не знали, ужасной катастрофой, какой это было для Цицерона и старых республиканцев. Из Азии, Африки, Египта и Галлии они привезли чужие загадочные религии и новые неримские привычки и поведение. Несмотря на то что традиции старого Рима, несомненно, были сильны, море новых верований, новых суеверий, новых сомнений плескалось вокруг моральных и религиозных основ Вечного города. В Риме и среди самих римлян возникали силы, изменяющие их взгляд на жизнь, и это под влиянием рабов и вольноотпущенников медленно подтачивало древние устои римского образа жизни. Ко II веку н. э. этот процесс уже зашел далеко, несмотря на непрерывный ряд добродетельных императоров. Когда им на смену приходили безнравственные императоры, автократия и абсолютизм оказывались губительными, подготавливая таким образом путь к слабости и смятению III века н. э. и крушению Римской империи в конце IV века н. э.

На закате империи, когда столица западного мира переместилась в Византию, император Юстиниан (527 - 565 гг. н. э.) заставил подготовить свод всех римских законов в «Великих дигестах» (530 - 534 гг. н. э.). В них были обозначены цены на рабов в золотых деньгах того времени. Теперь Юстиниан стал христианским императором, и христианство было предпочтительной религией Римской империи на протяжении почти 200 лет, когда были обнародованы его дигесты. Итак, христианство не преуспело в уничтожении рабства, хотя во многом умерило и смягчило характер многих рабовладельцев.

Глава 5

СПОСОБЫ ЗАРАБОТАТЬ НА ЖИЗНЬ

ТРАДИЦИОННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛЕ

При том, что римские школы не давали никаких навыков ручного труда или технических умений и имелись тысячи рабов для выполнения большей части ручного труда, а также большей доли высококвалифицированной работы, возможностей заработать себе на жизнь для свободных римских граждан было гораздо меньше. После своего незатейливого рудиментарного обучения, которое большинство завершило в ранней юности, чем же предполагали заниматься в жизни юноши и девушки Древнего Рима?

Для большинства девушек на всем протяжении римской истории ответ был прост: они выходили замуж. Для них не было работы в лавках, конторах или в домашнем сервисе. Во времена империи встречались упоминания о немногочисленных женщинах-учителях, лекарях и цирюльницах, но они были исключением из правил. На такой работе были заняты рабы или вольноотпущенники. Девушка еще в младенческом возрасте зачастую была обручена или обещана кому-нибудь в жены. По древнеримской традиции романтические привязанности постигала тяжелая участь, если родители имели другие планы на своих сыновей и дочерей. Для девочки остаться незамужней до двадцати лет было несвойственно. Молодая матрона или домохозяйка в дни расцвета Рима и очень долго после оно, если только не была богатой, должна была заботиться о своем доме и детях с теми умениями, которым она могла научиться у своей матери, а также уметь прясть и ткать. В любом домашнем хозяйстве, которое не находилось за чертой бедности, такой монотонный тяжелый труд, да и вся тяжелая работа по хозяйству обычно выполнялись рабами.

В дни ранней республики у мальчиков тоже не было проблем. Они шли по стопам своих отцов; для большинства из них это означало, что они должны были учиться обрабатывать

свой земельный надел, управлять семейным имением или небольшим участком арендованной земли и в то же время знать, что нужно, чтобы стать хорошим солдатом, готовыми воевать и часто защищать домашний очаг ценой своей жизни. Однако даже тогда не все римляне были земледельцами. Кому-то нужно было строить дома, возводить храмы, мосты и акведуки, доставляющие воду в город. Кто-то должен был забивать животных, продавать мясо, печь хлеб, изготавливать и продавать горшки, кухонную утварь, башмаки, сандалии, плуги, ручные мельницы, гвозди, молотки, повозки, седла, уздечки, косы, грабли, мотыги, мечи, щиты, пики, ножи, топоры, веревки, лестницы и тысячи вещей, которые земледельческое, но постоянно сражающееся сообщество могло бы купить на рынке или получить бесплатно при необходимости. Следовательно, с начала времен существовало определенное производство, которое можно было найти в любом небольшом провинциальном городке до изобретения машин и сложных механизмов. Такие на удивление незатейливые отрасли промышленности не изживали себя, а, наоборот, росли и расширялись по мере того, как развивался сам Рим. Для большей части римского народа такой преимущественно сельскохозяйственный образ жизни обеспечивал устой, в котором им приходилось жить на протяжении многих веков. Девочки выходили замуж и вели хозяйство, мальчики работали на земле, сражались в армии, а немногие становились ремесленниками, лавочниками или носильщиками. По мере того как Рим развивался в имперскую столицу мира, такой простой образ жизни уходил в прошлое, и римляне все больше и больше полагались на имперские провинции и ресурсы своей империи для предметов первой необходимости, а также на людские ресурсы, необходимые как для армии, так и для промышленности.

Поскольку тяжелая, грязная работа и почти весь ручной труд исполнялись рабами, а также мужчинами и женщинами, которые прежде были рабами, и поскольку рабы считались низшей формой жизни, весь ручной труд считался унижительным. И не только ручной труд. Цицерон в своем руководстве по жизни и об обязанностях перед обществом, которое он написал для своего сына на закате республики, подвел итог позиции римлян одним высказыванием: «Итак - дабы нам не обсуждать каждого случая в отдельности - мы должны почитать, охранять и оберегать весь человеческий род в его всеобщем объединении и союзе». Странно сказать, но он, видимо, не считал заработки на жизнь служением государству, поскольку сразу же углубляется в обсуждение «ремесел и заработков». Цицерон хотел, чтобы его сын интересовался только тем, что подходит для свободнорожденного человека. «Во-первых, порицаются доходы, навлекающие на себя ненависть людей, как доходы сборщиков пошлин и ростовщиков. Недостойны свободного человека и презренны заработки всех поденщиков, чей покупается труд, а не искусство; ведь в этих занятиях самая плата есть вознаграждение за рабское состояние».

«Все ремесленники занимаются презренным трудом, в мастерской не может быть ничего благородного...»

Цицерон придерживался такой же позиции в отношении торговли, как и в отношении производства: «Презренными людьми надо считать и тех, кто покупает товары у торговцев, чтобы их тотчас же перепродать, ибо они получают доход только в том случае, если сильно обманывают покупателя, а ведь нет ничего более постыдного, чем обман». Очевидно, в торговле существовала градация порочности, поскольку Цицерон говорил, что «наименьшего одобрения заслуживают ремесла, обслуживающие наслаждения. «Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снедью - колбасники, пирожники и рыбник... - говорит Теренций, - прибавь к ним, если хочешь, людей, изготавливающих благовония, плясунов и всю игру в кости». Цицерон имел много друзей в самых высших деловых кругах, от которых зачастую зависел, поэтому ограничил свое осуждение их словами: «Но торговлю, если она незначительна, надо считать грязным делом; если же она обширна и прибыльна, когда отовсюду привозится много товаров и многие люди снабжаются ими без обмана, то ее порицать нельзя». Однако порядочному человеку следует как можно скорее распрощаться с этим занятием, «...если она [торговля], насытись или, вернее, удовлетворившись

полученным доходом, перешла, как это часто бывает, из открытого моря в гавань, а из самой гавани в глубь страны и в земельные владения», ведь его сомнительное прошлое может выплыть наружу, потому что «из всех занятий, приносящих некоторый доход, сельское хозяйство - наилучшее, самое благодарное, самое приятное, наиболее достойное человека, и притом свободного».

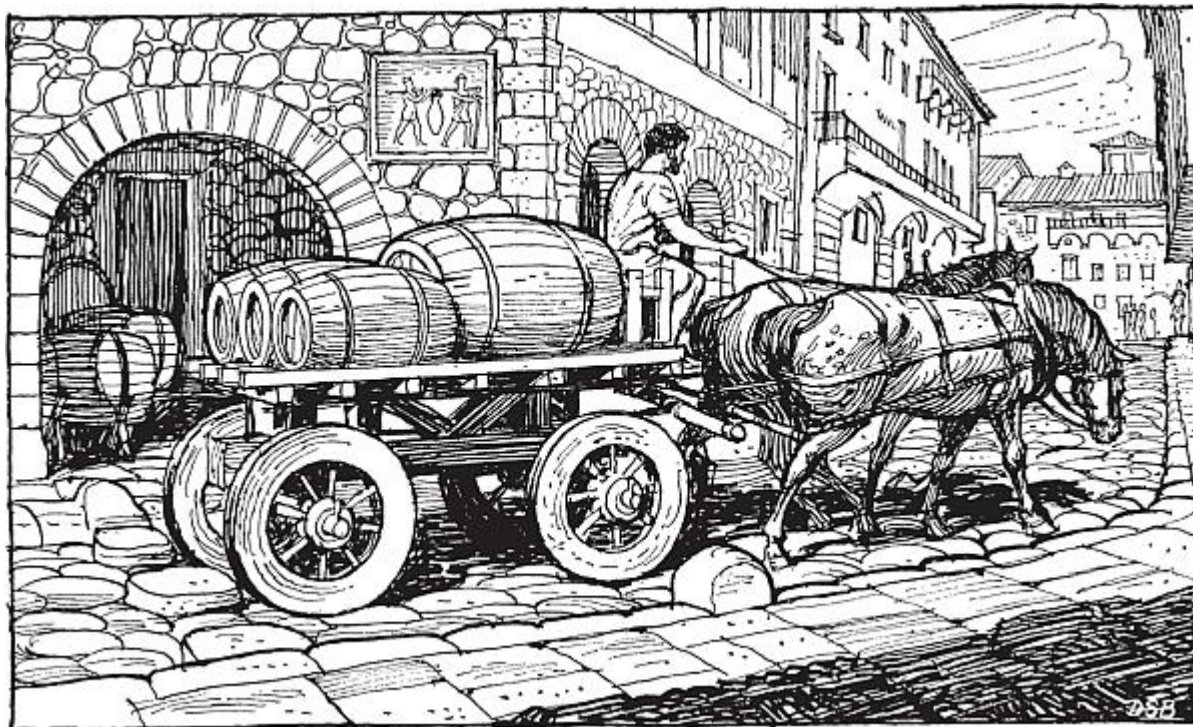

Рис. 34. Телега перевозчика, покидающая лавку торговца вином

ИМПОРТ И ЕГО ДОСТАВКА В РИМЕ

Повседневная работа определенно накладывала свой отпечаток на очень большую часть населения Рима, потому что город с почти миллионным населением не может существовать, если только большинство людей не вкладывает свою лепту в обеспечение общих нужд. Ко времени Цицерона и на протяжении четырех веков империи Рим больше не мог обеспечивать себя сам. Сельскохозяйственные земли рядом с городом, которые прежде использовались для обеспечения «отцов республики» простой пищей, к тому времени давно уже были заняты загородными виллами, элегантными усадьбами состоятельных людей, дорогами и придорожными могилами. Рим никогда не располагал многочисленными отраслями промышленности, производящими предметы для экспортного рынка, поэтому оплату стоимости большой массы ввозимого товара, необходимого для ежедневного пользования, нужно было находить из других источников. Оплата импорта производилась из доходов империи от дани, налогов, арендной платы и других поборов, извлекаемых из всех провинций, которые римляне обрели силой оружия.

Пшеница была предметом первой необходимости, и в период ранней империи она поступала в основном из Африки (10 000 000 бушелей), Египта (5 000 000) и Сицилии (2 000 000). Весь этот импорт, почти полмиллиона тонн, стекался по большей части в великий римский порт Остию, на расстоянии двух дней морского пути до Северной Африки. Затем его перегружали на баржи, и волы или рабы тянули его вверх по течению в Рим. Баржи с зерном старались обогнать другие баржи, везущие в город вверх по течению иного рода поставки. Ко II веку около половины винных запасов в Риме привозилось из Испании, но поставки с благодатной почвы Кампании к югу от Рима также доставлялись на кораблях в

Остию. Точно таким же был большой тоннаж оливкового масла, большую часть которого привозили из Африки и Испании.

В Остии бурлила торговля, а правительство располагало большим штатом, надзиравшим за поставками зерна, главная контора которого находилась в Риме. На протяжении I века н. э. на борту государственных кораблей, перевозящих зерно, присутствовали римские солдаты, чтобы не допускать кражи и фальсификации ценного товара, государственной собственности. Огромные товарные склады обрамляли новую гавань империи в portus - порт, гавань, в то время как конторы оставались в старом городе, который располагался на расстоянии двух миль, но соединялся каналом с портом. Portus Augusti - порт Августа, расширенный Траяном и переименованный в Portus Trajani (порт Траяна), стал медленно приходить в упадок вместе с городом Остия после крушения Рима в V веке н. э.

Рис. 35. Баржу, груженную вином, тянут против течения по Тибру из Остии в Рим

Для того чтобы покорить Рим, подчинив захватчикам-варварам, нужно было лишь захватить порт с зернохранилищами, от которых зависел город, что и сделал Аларих, король готов, в 410 году н. э. Гавань, больше не углубляемая и не расчищаемая, как это было в расцвете империи, заполнялась илом из Тибра, и море отступило. Руины опустевшего города засыпало песком. До недавнего времени не предпринималось никаких масштабных раскопок, но сейчас взору открыта большая часть плана города, когда-то более населенного, деятельного и гораздо более «современного», чем Помпеи или Геркуланум.

Суэта жизни, прибытия и отплытия судов, инспектирование поставок, проверка грузов на баржах, выплаты капитанам кораблей, гребцам, барочниками, матросам, наем новых людей взамен упавших за борт или сбежавших определенно заставляли армию чиновников и надсмотрщиков усердно трудиться. Капитаны торговых судов и их команды были по большей части иноземцами. Никакой страховки не было до тех пор, пока Клавдий, проявляя нетерпение по поводу поставок, чтобы как-то подвигнуть грузоперевозчиков рискнуть отправиться в плавание зимой, не гарантировал компенсацию любых потерь, вызванных штормами. Он также даровал политические привилегии, призывая людей вкладывать деньги в судостроение.

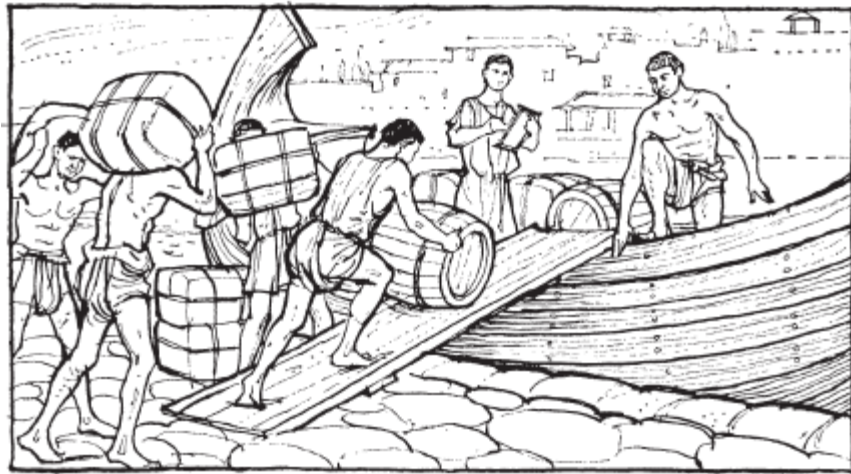

Рис. 36. Загрузка баржи в Остии

Матросы образовывали самую большую гильдию в Остии. Барочники с их воловьими упряжками, весовщики зерна, корабельные плотники, чеканщики, изготовители веревок и канатов, ныряльщики, рабочие доков, портовые грузчики, носильщики, кладовщики и охранники складов, плотники, торговцы деревом, маслом, вином, шкурами и кожей - все имели свои гильдии и общества в Остии.

Судя по их именам, дошедшим до нас, очевидно, что подавляющее большинство членов гильдий было либо рабами, либо вольноотпущенниками.

Организация торговли, хотя она и может показаться примитивной в наши дни быстроходных судов, самолетов, радио и телеграфа, тем не менее доставляла необходимые товары. «Со всей земли и со всех морей доставляется нам все, что дает каждое время года и всякая местность, что дают реки и озера, искусства и ремесла греков и варваров, - говорил Элий Аристид в своей «Похвале Риму» приблизительно в 150 году н. э. - Так что если кто-то хотел бы все это увидеть, он должен был бы или объехать весь мир, или побывать в вашем городе. В самом деле, все, что рождается и производится у других народов, все это непременно всегда имеется здесь в избытке. Сюда прибывает столько кораблей с грузами отовсюду во всякое время, с наступлением осени, что город представляется как бы всемирной мастерской.

Здесь можно увидеть столько товаров из Индии, а если пожелаешь, то и из счастливой Аравии, что кажется, будто там остались лишь голые деревья, а местным жителям, если им что понадобится, приходится ехать сюда, дабы воспользоваться своими же плодами. Тканей из Вавилона и украшений из более отдаленных варварских стран доставляют вам больше и легче, чем если бы нужно было привезти что-нибудь с Наксоса или Кифна в Афины... А если чего-либо здесь не видно, то того и не было или нет вовсе».

СТРОИТЕЛЬСТВО

Широкомасштабное строительство или перестройки происходили в Риме все время. Страбон говорил в I веке н. э., что, как только римлянин покупал дом, он тотчас же начинал либо перестраивать его, либо сносил и выстраивал на его месте новый. Архитекторы, землемеры, подрядчики, чернорабочие, каторжники и перевозчики, не все из которых были рабами, усиленно работали.

Баржи, идущие нескончаемым потоком, везли и камень, кирпич, мрамор, гранит и дерево вверх по Тибру и вниз по его притокам, особенно по Аниену. Более тяжелые блоки и колонны нужно было передвигать через город на катках, и эта работа должна была выполняться рабами и вьючными животными.

Во времена кризисов, таких как восстановление Рима после разрушительных пожаров или когда один из более щедрых императоров предпринимал строительство величественных новых зданий или восстанавливал и перестраивал старые, «транспортные пробки» и шум, поднимаемый гужевым транспортом, сводили с ума несчастных жителей города. По приказу Юлия Цезаря, как мы уже знаем, весь обычный транспорт должен был курсировать по ночам. Но доставка материала, необходимого для общественного строительства, позволялась также и в дневное время. «А в каких столичных квартирах можно заснуть?» - вопрошал Ювенал у своего друга.

...Повозки едут по узким

Улиц извивам, и брань слышна у стоящих обозов, -

Сон улетит, хоть бы спал ты, как Друз[26], как морская корова...

Неудивительно, что поэт говорил: «Ведь спится у нас лишь за крупные деньги» - у богачей тогда в их просторных виллах спальни были расположены вокруг тихого внутреннего двора или перистиля.

После страшного пожара, который сожрал большую часть города в правление Нерона, камни и обломки были отправлены в Остию на баржах вниз по течению, чтобы их использовали в строительстве гавани. Для того чтобы заменить сгоревшие дома, лавки, храмы и общественные здания, требовалось внушительное количество кирпича, камня, мрамора, бревен, песка и известняка. Цена была ужасающей, и на всю империю была наложена контрибуция. Рим прежде не видел ничего подобного, и достижения Августа, которыми он похвалялся, говоря, что нашел город из кирпича, а оставил из мрамора, померкли в сравнении. В следующем поколении Тит закончил строительство огромного амфитеатра Колизея. На его строительство ушло около 200 000 тонн известкового туфа и еще 200 000 тонн простого туфа, кирпича и известкового раствора.

Сколько платили вольноотпущенникам, занятым в полезном строительстве, мы можем посчитать лишь очень приблизительно. Плиний говорит, что акведуки Клавдия стоили более 350 миллионов сестерциев (или 25 миллионов в год); это относительно скромная сумма для столь широкомасштабного предприятия. Более 600 000 тонн квадратных камней туфа ушло на его строительство. Из этого видно, что стоимость труда была низкой, что действительно так и было еще в 300 г. н. э.

Землемерам, по-видимому, платили лучше, чем остальным, поскольку их работа требовала исключительного умения и точности. Изготовление кирпича из-за высокой стоимости транспортировки было сконцентрировано как можно ближе к самому городу. Особой потребности в кирпиче не возникало до начала эпохи империи, когда кирпичная кладка, скрепленная крепким известковым раствором, в значительной степени заменила известковый туф, который, будучи отложением извести, как оказалось, сильно крошится в огне. Существовало множество небольших кирпичных мастерских, где работало до 50 рабов, каждый из которых мог изготовить около 200 кирпичей в день. В сезон работы кирпичников с апреля по сентябрь печи для обжига всех таких мастерских могли выдать миллион кирпичей. Это была единственная отрасль промышленности, доступная аристократам или патрициям, потому что считалась формой архитектуры. Во всей римской истории известно лишь одно семейство, которое достигло политической известности, разбогатев таким образом на производстве: кирпичи с клеймом оратора Домиция Афера сохранились как доказательство благосостояния, которого он достиг и которое помогло династии Антонинов подняться до императорского величия. Его праправнучка стала матерью императора Марка Аврелия.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОДЕЖДЫ

Катон в своем трактате «О земледелии» говорил, что туники, тоги, одеяла, детскую одежду и обувь привозили в Рим; следовательно, наряду с преимущественно домашним

производством, уже описанным, существовала хорошо развитая розничная торговля одеждой с незапамятных времен. Большая часть шерстяных, полотняных тканей, а также шелк и меха, обычно используемые, нужно было импортировать. Изящная одежда продавалась на улице Этрусков - Vicus Tuscus[27]. Марциал разрешал своей подруге просить его купить для нее изумрудов или фунт редких благовоний, но запрещал ей заглядываться на товары, продающиеся на улице Этрусков, поскольку там мог купить лишь тонкий шелк, так как любил, чтобы подруга была одета со вкусом. Любая купленная материя превращалась в одежду либо дома, либо с помощью немногочисленных портных в городе. Более дешевую одежду можно было купить в нескольких районах, и нам известно из некоторых надписей, что существовало ремесло переделки старой поношенной одежды в попоны для лошадей, стеганые одеяла и накидки - явное свидетельство относительно высокой стоимости тканей.

Обувь изготавливалась в небольших обувных мастерских, похожих на те, «множество которых преграждало путь по улице Аргилет», как говорил Марциал. Ремесло было специализировано до такой степени, что одни специализировались на изготовлении тяжелых подбитых гвоздями сапог, другие - на женской обуви, а третьи - на сандалиях. Было обнаружено упоминание о гильдии из 300 башмачников; это говорило о том, что существовало немало независимых ремесленников. Более легкая обувь изготавливалась из древесного волокна. Искусственных материалов и конечно же резины тогда еще не знали.

МУКОМОЛЬНОЕ ДЕЛО И ХЛЕБОПЕЧЕНИЕ

Трудно проследить возникновение и развитие коммерческой мукомольной промышленности в Риме; несомненно, что она становилась все важнее и важнее в годы поздней республики. К началу эпохи империи жители Рима, видимо, уже в значительной степени зависели от торгующих пекарен, где покупали свой хлеб, поскольку в хрониках отмечается, что однажды Калигула приказал забрать повозки и многочисленных животных с пекарен (для строительства), поэтому в императорском Риме часто было трудно купить хлеба.

Коммерческие мельницы представляли собой увеличенные копии ручных мельниц. Единственный сохранившийся в целостности и сохранности образчик подобной мельницы был обнаружен под пеплом в Помпеях, где были найдены сразу четыре большие мельницы. Определенно, их приводили в действие рабы, поскольку места для осла или лошади было недостаточно, чтобы вращать жернова, - эти животные обычно использовались в Риме для разнообразной работы. Но для вращения тяжелых жерновов использовались по большей части ослы. Эти мельницы были гораздо более неуклюжими, чем нужно, потому что тяжелая загрузочная воронка, куда подавалось зерно над жерновами, также была сделана из камня; хотя более легкий материал, такой как дерево или ивовые прутья, был бы в равной степени эффективен, но в рабах, как и в ослах, недостатка не испытывалось. «Золотой осел» Апулея, необычная история о человеке, который превратился в осла, содержит отвратительные описания беспощадно тяжелого труда рабов и ослов на мукомольне. Но возможно, тот факт, что Апулей смог заставить римлян вообразить страдания осла и рабов в таком месте, служит доказательством того, что воображаемое сочувствие было возможно даже в Риме. Мы не можем знать, были ли ужасные условия, которые он описывает, повсеместными. Одно ясно - промышленность, в которой сначала всегда работали женщины, а затем с появлением спроса на их услуги - рабы и животные, имела невысокую репутацию. Ничто, кроме презренной бедности, не могло подвигнуть свободного гражданина трудиться на мельнице. Римский драматург Плавт приблизительно в 200 году до н. э. одно время из-за бедности, чтобы как-то прокормиться, был вынужден молоть зерно в муку.

Рис. 37. Осел и рабы за работой на мукомольне

В Риме некоторые мельники начали использовать в качестве энергии воды Тибра, видимо, в начале II века н. э., но водяные мельницы никогда не конкурировали с мельницами, приводимыми в действие животными или людьми. Когда долгое доминирование Рима приближалось к концу, на закате IV века н. э. Секстий Фест (Sextus Festus) писал отчет о 14 районах города, из которого можно почерпнуть очень приблизительное представление об общем количестве мельниц всех сортов - тех, что примыкали к пекарням, тех, что находились в больших частных домах, и тех, в которых мололи зерно представители государственной власти. Общее число колебалось где-то между 230 и 317 мельницами. Почти все водяные мельницы располагались на противоположном берегу Тибра под Яникульским холмом в районе ? 14, где можно было насчитать от 20 до 30 всякого рода мельниц. Итак, ясно, что столь жизненно необходимая отрасль промышленности, как мукомольная, главная движущая сила, доступная человечеству даже в городе, способном похвастать длинной летописью человеческих достижений, использовала в основном мускульную энергию людей и животных.

Этот пример отрасли промышленности, на которую полагались более миллиона римлян и от которой зависел их ежедневный прием пищи, может служить иллюстрацией причины отсутствия технического прогресса в Риме. Это проясняет контраст между фактически полной зависимостью римлян от мускульной энергии и нашей опорой на машины и механизмы, которые коренным образом изменили условия человеческого существования. Следующий сравнительный анализ, произведенный в Соединенных Штатах до того, как атомная энергия начала эффективно использоваться для промышленных предприятий, показывает, как быстро все меняется за одну сотню лет.

Энергия, производимая в Соединенных Штатах:

Год	Людьми	Животными	Машинами
1850	13%	52,4%	34,6%
1950	0,9%	0,6%	98,5%

В некоторых отраслях промышленности автоматизация уже привела к упразднению ручного труда в большей степени, чем предполагают эти убедительные цифры. В Риме процент энергии, производимой машинами, был бы таким же незначительным, сколь энергия, сегодня производимая в США людьми и животными, взятыми вместе.

САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО В РИМЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Сельская местность в окрестностях Рима с ходом времени стала все чаще служить в качестве городского сада и огорода, где выращивались для рынка цветы, зелень и овощи, такие как капуста, салат, цикорий-эндивий, спаржа, круглые артишоки, петрушка, мята и множество других, которые теперь больше не используются в пищу или используются только как приправа, например настурция. Среди многочисленных корнеплодов произрастали редис, репа, пастернак, лук-порей, чеснок, свекла, поручейник сахарный и репчатый лук, а также ряд луковичных и корнеплодов, таких как девясил, которые сейчас не употребляются в пищу, хотя римляне полагали, что он хорош как приправа. Выращивались также и огурцы с тыквой.

Среди культур, таких как капуста, салат и редиска, различалось множество сортов, и из них всех, а также и из других растений изготавливался целый ряд лекарственных средств и снадобий. Плиний посвятил много свитков своей «Естественной истории» перечислению их достоинств при болезнях. Считалось, что из салата можно приготовить лекарства от 42 болезней, из петрушки - от 17, из ржи - от 84, из аниса - от 61 и так далее. Кажется, так и не было проведено никаких расширенных практических исследований, чтобы определить, каковы, если они есть, достоинства всех этих древних сведений о лечебных свойствах растений, не все из которых, по-видимому, так уж и плохи и не столь фантастические, как это обычно кажется.

Глубоко укоренившаяся любовь к цветам, которые до сих пор являются восхитительным аспектом жизни в Риме, послужила стимулом для создания большого рынка для них. Из садов и теплиц соседних Пестума[28], Тибура[29], Тускула[30] и Пренесты[31] цветы доставлялись в Рим в такой изобилии, что Марциал говорил: улицы были столь красны от цветов, что моряк из Египта, знаменитого своими цветами, начал сомневаться в том, так ли уж хороши сады его родины. Но тогда не было ничего похожего на то разнообразие цветочных сортов, которое мы имеем сегодня, и многие из растений, продаваемых в Риме в то время, по-видимому, сегодня показались бы нам чуть лучше дикорастущих цветов. Тем не менее они, вероятно, пользовались большим спросом тогда, чем в наши дни, поскольку каждый религиозный праздник требовал венков из цветов и подношений. И не только в дни празднеств, но и на календы, ноны и иды, разделяющие каждый месяц на три части, в любом доме алтарь с его ларами был увенчан цветами. Беднякам приходилось довольствоваться лавровыми листьями или самыми дешевыми цветами, но более состоятельные люди покупали фиалки, лилии, розы и сладко пахнущие травы.

Каждый особый семейный праздник, будь то празднование дня рождения или свадьбы, заканчивался пиром, а пир не пир без цветов. Тогда, как и сегодня, размах и роскошь зависели в основном от достатка домовладельцев. Очень богатые впадали в экстравагантность, заставляя красивых рабов щедро разбрасывать цветы из корзин и украшая своих гостей изящными венками и гирляндами из цветов. Обеденное время называлось «часом розы». Даже те, чьи средства были гораздо скромнее, такие как Гораций, считали делом чести украсить цветами комнату и своих гостей, хотя его экстравагантность по особым случаям, таким как день рождения Августа, не была признаком того, что он называл «азиатским красноречием» и к чему питал большую антипатию. Когда приглашалась подруга Филлида, ей обещались «плющ и петрушка из его сада для венка, украшающего ее волосы». Гораций старел. В дни своей юности он знал более безумные моменты. В одной очень известной и переведенной на многие языки оде он спрашивает одну красивую чаровницу

о том, какой стройный юноша, увенчанный многочисленными розами, теперь преследует ее. Тогда, как и в более поздние времена, влюбленные были щедры на цветы, насколько они могли себе позволить, и страдающие от безнадежной любви обожатели украшали дверь и порог своих возлюбленных гирляндами из цветов или листьев.

ЛАВКИ И РЫНКИ

В дни становления Рима относительно немногие его жители были по большей части зажиточны, остальные пили скорее воду, чем вино, и выращивали для себя все необходимое, чтобы прокормиться. Вскоре после того, как все семь римских холмов были застроены домами, возникла определенного рода купля-продажа. Тогда римляне стали все дальше и дальше спускаться в небольшую узкую долину между холмами; там они встречались для дел как личных - купля-продажа, - так и общественных - чтобы обсудить дела, представляющие общий интерес, проводить военные советы, разрешать споры и прислушиваться к голосу властей. Итак, это место встреч, где рано или поздно можно было найти большинство людей, вскоре стало центром города, и здесь были установлены открытые прилавки или лавки. Здесь также располагались менялы и ростовщики, поскольку из соседних городов и деревень уже стали приезжать в Рим со своими монетами, чтобы купить соль. Соль добывалась только испарением морской воды, что было легко сделать на плоском побережье приблизительно в пятнадцати милях от Рима. Для того чтобы добраться до соляных котлов, нужно было проехать через Рим и земли, контролируемые римлянами, что сильно способствовало римской торговле.

Римляне говорили о «старых лавках» на южной стороне и «новых лавках» на северной стороне Форума, которые были перестроены в 210 году до н. э. после разрушительного пожара. Но вскоре и этих лавок стало не хватать. В 184 году до н. э., когда в Риме было уже четверть миллиона свободных граждан мужского пола, Катон построил место для встреч деловых людей, или базилику; еще одна была добавлена в 179 году до н. э. Теперь они были нужны, как никогда, ведь Римский Форум стал ядром и центром римской общественной жизни. Если вы хотите узнать цены на рынке, политические сплетни и взгляды, то идти всегда нужно именно на Форум. Если вами движет лишь праздное любопытство, тогда Форум - именно то место, где в Древнем Риме вы можете получить те самые новости и мнения, которые мы сейчас читаем в газетных колонках. Как нам известно сегодня, у римлян не было газет, но после 59 года до н. э. «Acta Diurna» - «Ежедневные известия»[32] - публиковали важные политические и общественные новости ежедневно. Они писались от руки.

ТИПИЧНЫЕ МЕЛКИЕ ЛАВКИ

Когда в последние два века республики Форум стал все больше использоваться для общественных дел, он был сильно переполнен, в лавках толпился народ, и люди были вынуждены искать себе место поблизости. В дни Цицерона число свободных граждан мужского пола увеличилось почти до миллиона, но они не все жили в городе, хотя большинство из них, по-видимому, время от времени навещало туда. Юлий Цезарь подошел к решению этой проблемы творчески: купил землю на северной стороне Форума, снес все дома и начал строить впечатляющую новую площадь и рынок, форум Юлия (Forum Julii), который закончил строить Август, расширив его собственным форумом Августа (Forum Augusti). Именно с этого времени, можно сказать, и началось величие императорского Рима. Вскоре после этого Нерон тоже заложил огромный рынок. Более величественным и больше размером, чем эти императорские площади, был рынок, построенный императором Траяном (114 г. н. э.), примыкающий к рынкам Юлия Цезаря и Августа. Одна сторона

его была встроена в Квиринал, который был частично срыт, чтобы дать место приблизительно 150 лавкам, которые вмещал рынок. Большие специализированные и оптовые рынки располагались по большей части рядом с рекой, поблизости от барж, которые привозили многие из многочисленных товаров первой необходимости. Рынок скота (бычий форум) находился на юго-западе от Форума в низине между столицей и рекой Тибр. Главный овощной и фруктовый рынок, Forum holitorium, располагался рядом, так же вдоль реки, как и торговцы маслом. Рыбный рынок в старые времена находился в неприятной близости от Форума. В одной из пьес Плавта говорится, что смердящий рыбный запах гнал всех бездельников из базилики на Форум.

Кроме того, существовало множество больших складов и магазинов; некоторые из них специализировались на товарах одного вида, таких как бумага, свечи, восточные специи и так далее. Определенные улицы славились своими лавками. Улица Этрусков во времена империи считалась одной из самых больших торговых улиц Рима. Там можно было найти всевозможные лавки - рыбные, фруктовые, торгующие благовониями и духами, а также лучшими шелками. Элегантные римляне, которые всегда презирали торговлю и лавочников, не слишком лестно отзывались об этой улице. Еще во времена Плавта о торговцах на этой «Этрусской» улице говорили, что они столь корыстолюбивы, что готовы продать самих себя.

Рис. 38. Безмен

По мере того как процветал и расширялся Рим, став столицей всего тогдашнего мира на протяжении первых четырех столетий нашей эры, специализация его лавочников становилась более выраженной, точно так же, как это происходило в Лондоне, Нью-Йорке, Париже и других больших городах. На пике римского величия в более поздние времена книготорговцев и торговцев кожами, которые извлекали выгоду из одного и того же сырья, вне всякого сомнения, именно по этой причине можно было найти вместе на улице Аргилет, которая проходила к северу от Форума в направлении района рабочего класса Субуры. Этого места следовало избегать. В Субуре, кишашей людьми, шумной, грязной, вонючей, было полно маленьких лавочек, куда бедные жители Рима отправлялись за яйцами, капустой, хлебом и теми немногочисленными предметами первой жизненной необходимости, которые они могли себе позволить. Там также можно было найти множество цирюльников, сапожников, торговцев скобяными изделиями и лавок, торгующих дешевыми тканями, где всегда толкалась пестрая толпа, среди которой было много рабов, отправленных

хозяевами с различными поручениями. Хотя, видимо, большинству римлян, как современным парижанам, либо самим, либо через своих рабов, приходилось искать и приносить большую часть того, в чем у них возникала необходимость, с рынка. Разница состояла в том, что женщины предоставляли хождение по лавкам и покупки мужчинам, за исключением покупок ювелирных украшений, одежды и предметов роскоши для себя. Ежедневной доставки к дверям молока и хлеба или регулярных поставок бакалеи, как в англосаксонском мире, тогда не было.

Рис. 39. Сапожник

В то время как многие из этих оживленных рыночных сценок не покажутся странными сегодня, особенно тем, кто видел итальянские города с их небольшими магазинчиками, прилавками и палатками, выходящими прямо на улицу, некоторые сценки и запахи показались бы очень странными. Свинья в лавке булочника удивила бы лондонца или парижанина, но в Риме, особенно в ранний период республики, когда пекарям сперва приходилось молоть пшеницу, чтобы получить муку для своего хлеба, не было ничего необычного в том, чтобы увидеть свинью, поедающую на улицах отруби этого мельника-пекаря в одном лице. Персонаж одной из пьес Плавта говорил, что невозможно пройти мимо пекарни из-за невероятной вони. Однако эти живописные связи между городом и деревней вскоре канули в прошлое.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Ни один из способов заработать себе на жизнь, кратко описанных выше, не считался подходящим для римского юноши из хорошей семьи. Среди ученых профессий ни одна не вызывала у римлян уважения, за исключением адвокатов, потому что именно среди них они находили себе политиков, или, как они их называли, магистратов. То, что великий писатель, такой как Вергилий, удостоился почестей при жизни только как литератор, было исключением из правил, ведь другие, даже Цицерон, обязаны славой среди современников своему ораторскому искусству, а не книгам. Литератор, такой как Овидий или Марциал, видимо, был не в состоянии сильно повысить общественное положение своими произведе-

ниями, сколь ни популярны они могли быть при его жизни. Большинство архитекторов, врачей, хирургов и зубных врачей так и не могло полностью избавиться от клейма бывших рабов или вольноотпущенников.

Адвокаты

«Оратор - это хороший человек, умеющий говорить» - таково было определение адвоката, данное Катонем в середине II века до н. э. Обычай римлян обращаться к судебной системе был тогда уже хорошо развит, и большинству римских мальчиков из хороших семей полагалось знать, как защитить друга или клиента или как обвинить соперника или врага. Это был также лучший, если не единственный, путь на политическую арену, поскольку судебные разбирательства всегда проводились принародно на Форуме. Удачливые адвокаты вскоре становились известными и поэтому могли собрать много голосов, если выставляли свою кандидатуру на выборы, чтобы занять ежегодно освобождавшиеся политические посты. Быть избранным на одну из этих должностей предоставляло возможность засесть в Сенате, а возможно, и открывало путь на более высокий пост либо в самом Риме, либо в одной из римских провинций.

Поэтому в возрасте 17 лет, после того как молодой человек распрощался со своей окаймленной алой полосой туникой, чтобы сменить ее на простую белую мужскую тогу, праздничная толпа друзей поведет его формально представлять публике в качестве оратора на суде. Его семья постарается заполучить какого-нибудь знаменитого государственного чиновника, если возможно, консула или бывшего консула, чтобы тот оказал ему поддержку. Перед этой торжественной церемонией, а на самом деле и долго после этого, юноше полагалось впитать как можно больше сведений о судебной процедуре и римских законах. На протяжении эпохи республики был только один способ получить такое обучение; и он состоял в усердном присутствии на судах под руководством какого-нибудь более зрелого человека, который уже завоевал себе успех в роли обвинителя или защитника. Например, отец Цицерона имел в друзьях верховного понтифика того времени - Публия Муция Сцевола и его двоюродного брата, авгура, у которых юный Марк смог научиться правилам и мастерству юридической профессии и тому, как следовало выступать перед присяжными и претором на Форуме.

К концу эпохи республики в судах усердно трудились многие выдающиеся римляне. Судебные разбирательства слушались перед судом, доходимым до 50 или 60 присяжных (*judices*), выбранных из списка приблизительно в 4000 представителей высшего класса, под председательством претора, одного из старших магистратов. Присяжные составляли суд присяжных, но они имели больше влияния, чем британские присяжные, которым лишь следовало прийти к беспристрастному решению по фактам иска, оставляя британскому судье излагать и толковать пункты закона. Римские присяжные не имели таких ограничений. Их более широкие полномочия оказывали очень сильное влияние на развитие системы римского права, потому что вердикты зависели от их решения. Холодной логики и авторитета от знания законов, которые, несомненно, были столь же ценными тогда, как сейчас, было недостаточно. Обвинитель или защитник стремился с помощью зачаровывающего ораторского таланта привлечь к себе симпатии и интерес присяжных. Театральный элемент, столь неуместный в британском суде, был характерной чертой римских судебных разбирательств.

Для того чтобы в совершенстве овладеть юридической наукой, юному римлянину приходилось знакомиться с римскими законами, законодательными формами и процедурами, приговорами и юридическими решениями преторских судов год за годом, наряду с учебниками и учеными трактатами специалистов по особым пунктам закона. Он также должен был считаться с древним римским обычаем, по которому римляне всегда были готовы на отсрочку[33]. Решения преторов были особенно важны, потому что они не только толко-

вали, иллюстрировали и применяли существующее законодательство, как это делают судьи англосаксонского права; преторы были способны вносить незначительные поправки в сам закон. Под спудом всех этих знаний с ходом времени профессия юриста становилась все более формальной и специализированной и разделилась на две основные специальности. Вырос орган юридических консультантов (советчиков), обладающих обширными познаниями закона, но не имеющих желания или возможности противостоять судебной неразберихе. Клиенты и их защитники обычно обращались к ним за разъяснениями по запутанным пунктам закона, и советчики обычно ожидали вознаграждения за свои советы. Адвокаты, которые брались представлять и защищать дело в суде, однако, не могли требовать платы, и им не полагалось ее ожидать. Вознаграждение они получали косвенное, в форме «подарков» или, возможно, наследства. Присяжные и претор также не получали платы, но, чтобы присоединиться к их рядам, возникала жестокая конкуренция из-за влияния и положения в обществе, каких можно было таким образом достичь. Очень влиятельное положение присяжных объясняет, почему поднялся такой шум, когда Гай Гракх посадил дельцов на места присяжных при разбирательстве случаев, препятствующих их деятельности в провинциях.

К закату империи юристы, подобно многим другим жителям Рима, видимо, снизили свои моральные стандарты. Действительно, подкуп судей был известен и раньше: Цицерон имел случай объявить его признаком основательного загнивания общества того времени.

Если мы поверим Аммиану Марцелину, который писал в конце IV века н. э., то он стал свидетелем глубокого кризиса и сетовал, что жадные и жестокие люди осаждают дома богатых с хитро составленными судебными исками. Действительно, что хорошего он мог сказать о подавляющем большинстве судей своего времени? Многие из них были настолько невежественны, что, если в компании ученых мужей упоминалось имя какого-нибудь древнего автора, они думали, что это название заморской рыбы или какого-нибудь блюда. Хуже того, ежедневно все больше и больше дверей открывалось на грабеж развращенным судьям и адвокатам, которые все одинаково продавали интересы бедных военачальников. Однако римское право к тому времени сформировалось и оказалось способным пережить такие большие пороки, как этот. Несмотря на разрушительное воздействие деспотизма императоров и периодические угрозы неминуемой гибели, римское право продолжало проявлять энергию и жизнеспособность, обеспечившие его выживание в большей части Европы в качестве основы того самого принципа господства закона, сохранившегося среди более прочных сводов законов республики и империи до далекого культурного обновления.

Лекари

Плиний в I веке н. э. говорил, что римляне жили без лекарей 600 лет. Если бы не греки, они вполне могли бы никогда их и не иметь. Римляне старой школы в дни дедов Катона и Цицерона не доверяли грекам и презирали их. Совсем не имея никаких лекарей, они, определенно, не были склонны доверять выходцам из Греции. «Греки, убирайтесь домой!» - вот призыв, который давно вызывал отклик согласия в некоторых кругах республиканского Рима. Только своими заслугами греки медленно завоевывали признание, по крайней мере у образованных римлян. Сципион Эмилиан (Scipio Aemilianus) и Гай Гракх были среди выдающихся римлян II века до н. э., которые выступали инициаторами привнесения греческой культуры в Рим. Они подготовили почву для Цицерона, который в следующем столетии часто выражал глубокое восхищение греками и говорил, что он в большом долгу перед этой расой, цивилизация которой не только существовала, но и распространилась на других. Гораций писал: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила...»; Лукреций, один из самых глубокомысленных и философски настроенных латинских поэтов, обращаясь к Эпикуру, писал: «Ты из потемок... дерзнувший впервые воздвигнуть / Столь ослепи-

тельный свет, озаряющий жизни богатства / Греции слава и честь!» Из всех средиземноморских народов только римляне, как оказалось, желали и были способны оценить и впитать то, чему их могли научить греки.

Покуда доверие к травам и солям могло дополнить помощь жрецов и священников, они применялись через главу каждого семейства. Отец семейства, *paterfamilias*, был высшим жрецом, который собирал такие средства и хранил их в кладовке под милостивым покровительством домашних богов пенатов (*penates*). Некоторые порошки и снадобья, столь высоко ценимые, были редкими, необычными и вызывающими отвращение: гладиаторская кровь, помет и моча животных, человеческий жир, мозг младенца, тюлений сычуг и бесчисленные другие средства. Чем экзотичнее и омерзительнее были они, тем больше доверия они вызывали; «*omne ignotum pro magnifico*»[34], как подвел итог Тацит этого всеобщего заблуждения, присущего людям. Следовательно, у страдальцев была, по крайней мере, какая-то надежда вдобавок к мистическому наложению рук, ритуальному связыванию и развязыванию, бормотанию имен и заклинаний, уважению мистических чисел, омовению в святых источниках, ключах, ваннах, окроплению святой водой, проведению ночи в храме, принесению жертв, ритуальным дарам и толкованию снов - все это воздействовало на реакцию человека на болезнь. Среди множества отвратительных и более чем бесполезных снадобий и колдовского варева можно обнаружить некоторые крупницы здравого смысла. Катон сильно верил в капусту, которая как источник витамина С несомненно обладала достоинствами, ведь питание римлян было очень ограниченным в том, что касается витаминов, особенно в зимние месяцы.

Когда греческий лекарь, либо в качестве раба в богатом доме, либо как вольноотпущенник или свободный человек, практикующий, чтобы заработать себе на жизнь, занял место отца семейства, начала некоторых специальных навыков и знаний наконец-то стали доступными для римлян. Юлий Цезарь в 46 году до н. э. даровал римское гражданство всем практикующим лекарям. К несчастью, это облегчило шарлатанам или мошенникам путь к положению пользующегося доверием лекаря, чтобы обманом, сочетая нахальство с псевдоученостью, укрепить свои позиции. Таким образом делались огромные состояния. Плиний Старший говорил, что лекарь - это единственный человек, который может убить лютого с высокомерной безнаказанностью, однако никто на это не обращает внимания - столь заманчива надежда на исцеление. Не сохранилось сведений об огромном числе несчастных мужчин, женщин и детей, которые приходили к безвременной кончине от рук таких негодяев.

В истории Рима никогда не существовало курсов обучения и присуждения дипломов после строгой экзаменовки, что стало неперемным условием для законной медицинской практики у нас сегодня. Лекари учились, наблюдая за теми, кто практиковал.

Недомогал я, но тут ко мне, нимало не медля,
Ты появился, Симмах, с сотней своих школяров.
Начали щупать меня сто рук, ледяных от мороза:
Без лихорадки, Симмах, был, а вот и она, -
писал Марциал.

Против твердо укоренившихся абсурдных методов лечения римлян лучшие из греков шли, вооружившись вдохновенным примером Гиппократов, который в V веке до н. э. принял широко известное мнение, что все болезни - от богов, но ни одна хворь не более божественна или человечна, чем другая, хотя добавил не менее важное предположение, что каждая имеет свою природу и не возникает без естественных причин. Постепенно заслуги и гений временно возобладали над невежеством, суевериями и алчностью. Первым из знаменитых греков, завоевавших славу и состояние в Риме, был Асклепиад[35], чья практика в Риме, куда он прибыл в 91 году до н. э., совпала с жизнью Цицерона. Не добившись успеха как ритор, судя по Плинию Старшему, он неожиданно переключился на медицину, о которой знал мало или вообще ничего не знал. Отказавшись от худших средств старой традиционной народной медицины Рима, он делал большой упор на более естественные

методы, обращая особое внимание на правильное питание, физические упражнения, свежий воздух, солнце, массаж, ванны и регулярный и разумный образ жизни. Асклепиад также сделал себе неплохую репутацию как хирург. Очевидно, он умел прекрасно обращаться с больными, а своим достигнутым успехом во многом был обязан скорее тому, что пренебрегал старыми лечебными средствами, нежели придумал новые. Принимая во внимание, что Асклепиад первым воспротивился и противопоставил себя всей укоренившейся силе современного догматизма и предрассудков, его достижения действительно были великими.

После великого труда Галена во времена Марка Аврелия прогресс медицины застыл. Предпочтение перед научным подходом отдавалось предрассудкам и старым проверенным «дедовским» средствам. Восточный демонизм и магия стали править миром. Какую бы выгоду ни предлагала медицина в Древнем Риме, она распределялась очень неравномерно, поскольку бедняки не могли или почти не могли воспользоваться услугами лучших докторов; кроме военных лагерей, нигде больше не существовало больниц или клиник, доступных для них, где можно было бы получить лечение, до тех пор, пока на закате империи не появилось несколько под давлением христиан.

Немногие лекари, видимо, принимали пациентов у себя на дому, но большинство римлян умирало дома, многие с минимальным уходом или вниманием. В I веке н. э. Сенека говорил, что умирающих оставляли в полном одиночестве, потому что никто не сидел с умирающим другом, никто не мог заставить себя присутствовать при смерти собственного отца, несмотря на его просьбы. Тем не менее необходимость защиты от болезней становилась все настоятельнее по мере того, как простой образ жизни земледельцев уступал лишенному естественности городскому образу жизни и по мере того, как новые болезни, такие как малярия, возникали из болот когда-то плодородных равнин Лациума и Кампании. Тиф, дизентерия, туберкулез, оспа, сибирская язва, бешенство, столбняк, чума - все эти болезни бушевали и брали обильную дань с беззащитных римлян. Но они не только не имели средств лечения таких заболеваний, но любое действительно научное любопытство отсутствовало до такой степени, что римляне не делали никаких попыток искать исцеления экспериментальным или научным путем. Необычайно энергичный римский естествоиспытатель Плиний Старший жаловался, что в том благословленном мире, в котором он жил при императоре, который получает такое удовольствие от мирового прогресса и развития искусств, ничего не было прибавлено к науке путем оригинальных исследований, даже открытия предков не подвергались детальному изучению. По его словам, награда не заставила бы себя ждать, но он пришел к выводу, что люди стали ленивыми и род людской вырождается.

Хирурги

Хирургия, посредством долгой практики путем проб и ошибок и некоторого опыта в анатомировании, достигла значительного прогресса. В Помпеях были найдены около 200 разнообразных хирургических инструментов. Переломы и вывихи лечились умело. Протезов конечностей тогда не знали. Для того чтобы вскрыть нарыв и выпустить гной из грудной клетки, ножом пользовались профессионально. Отсутствие анестетиков и антисептиков чрезвычайно способствовало шоку и повышению риска от подобного лечения от рук даже искусных хирургов. Есть все основания полагать, что число жизней, принесенных в жертву более неловкими их собратьями по профессии, а также теми, кто находился еще в стадии обучения, было довольно большим. Тогда не было и намека на чудеса современной хирургии, и даже операции, которые теперь считаются относительно несложными, такие как удаление аппендикса, были далеко за пределами возможностей римлян. Однако хирургическим манипуляциям уделялось по сравнению с сегодняшним днем гораздо больше внимания.

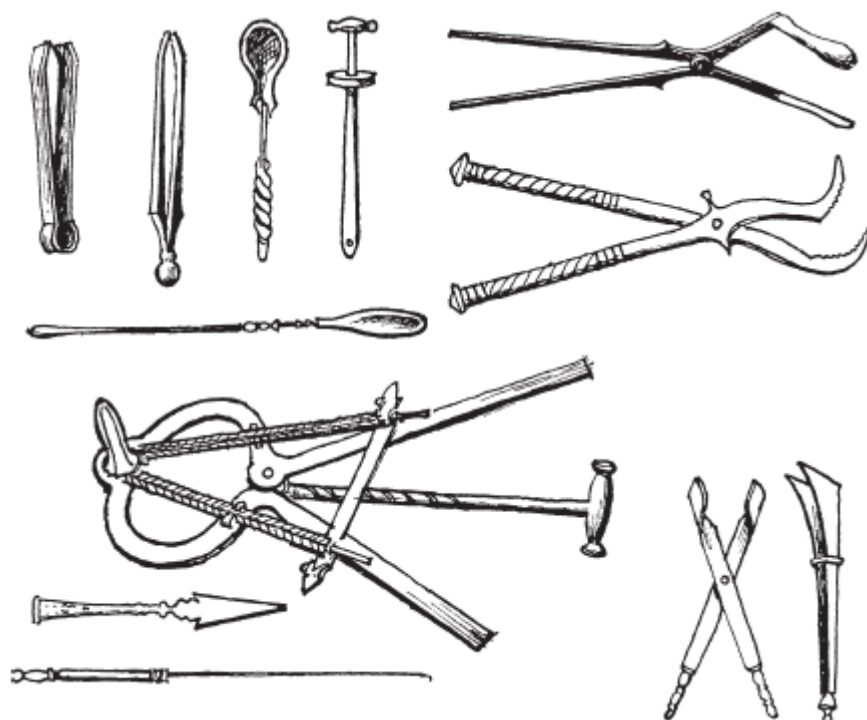

Рис. 40. Набор хирургических инструментов, включающий зажим с четырьмя зубцами

Римляне, которые могли себе это позволить, получали очень профессиональные сеансы массажа. Примерно от четырех до шести массажистов одновременно приступали к работе над телом, постепенно переходя от медленного и легкого начала к более быстрому и мощному завершению. Многие также стремились обрести и сохранить хороший мышечный тонус и физическую активность посредством лечебной гимнастики, которую греки давно довели до совершенства. Такой режим вкупе с частым использованием холодных и очень горячих ванн с минеральной водой и физическими упражнениями в виде игры в мяч или охоты в полях поддерживал многих римлян в гораздо лучшей физической форме, чем среднестатистического бизнесмена в большом городе в наши дни.

Очень мало сохранилось записей о том, как римляне лечили зубы. Хотя у этрусков были очень искусные дантисты, римский закон Двенадцати таблиц позволял любому, «чьи зубы соединены вместе с помощью золота», быть исключением из буквы закона, который запрещал хоронить золото вместе с телом. А ведь это самое раннее упоминание о квалифицированной ортопедической стоматологии (приблизительно в 450 году до н. э.). Цицерон ссылается на одного из богов, который, как полагают, научил греков удалять зубы. Плиний знал множество средств от зубной боли, по крайней мере одно из которых, *plantago*, до сих пор рекомендуют гомеопаты и сегодня. Те, кто мог себе это позволить, регулярно пользовались зубной пастой. *Nitrum*, по-видимому карбонат калия либо натрия, сжигался и втирался в зубы, чтобы восстановить белизну. Почерневшие зубы и зубы, покрытые налетом, были явлением обычным и часто с отвращением упоминались Марциалом, который, кроме этого, неоднократно касался как вставных зубов, так и зубных врачей.

Зубы Таиды черны, белоснежны Лекании зубы.

Что ж? Покупные одни, ну а другие - свои, - говорил он.

Писатели

Нет никаких свидетельств, показывающих, сколь большую выгоду авторы могли получить от выхода в свет своих произведений и получали ли они ее вообще, как большинство

авторов сегодня в виде незначительного процента, или роялти, от каждой проданной книги. Судя по его рекомендациям купить его поэмы у книготорговцев Атректа или Трифона, может показаться, что Марциал получал что-то от продажи своих произведений, хотя он говорил:

...не для праздных ушей я сочиняю стихи.

Нет, и в морозном краю у гетов, под знаменем Марса,

Книгу мусолит мою центурион боевой.

Наши стихи, говорят, напевают в Британии даже -

Что мне? Не знает о том вовсе мой тощий кошель.

Вне всяких сомнений, прибыль получали книготорговцы. Тогда, как и сейчас, авторы писали не для того, чтобы только зарабатывать деньги, но зачастую довольствовались тем, что их произведения увидели свет, надеясь, что их взгляды будут обсуждаться и им, возможно, удастся таким образом воздействовать на другие умы, чтобы те приняли мнение и веру, которые они сами считали правильными и важными. Писали многие, даже устраивали публичные прочтения в надежде на славу, как некоторые писатели теперь появляются в телевизионных программах. Цицерон, взгляд которого был устремлен в будущее поколения, говорил, что гораздо больше озабочен тем, какого мнения будут о нем сотни лет спустя после его смерти, чем тем, что болтают о нем его современники.

Более ощутимые награды могли изливаться на людей, которые достигли славы своими произведениями и ораторским искусством. Их выдающееся мастерство иногда признавалось таким образом, что многие более поздние писатели жаждали возрождения такого обычая; ведь благодарные поклонники когда-то оставляли писателям наследства. Цицерон извлек очень неплохую выгоду от такой посмертной щедрости и считал делом чести хвастаться такой своей удачей. Вергилию и Горацию в следующем поколении не пришлось ждать, пока их богатые друзья умрут; ведь они обрели живого покровителя в Мecenате, верном друге императора Августа, и могли вести праздную жизнь, пользуясь его добротой и щедротами императора.

Память о подобном покровительстве побуждала более поздних писателей надеяться на подобные привилегии и обмакивать перья в едкую кислоту, когда они не поступали, отсрочивались или были не столь велики. «Были бы Мecenаты, Флакк, в Маронах[36] недостатка не будет», - говорил Марциал, хотя понимал, что это было не совсем правдой. Однако он не делал секрета из своей надежды на покровительство. «Ну а какие бы мог писать я бессмертные свитки... - говорил он, - если бы нам божества вернули Августа с неба и Мecenата они, Рим, даровали тебе!» Позднее некоторые богатые люди включали писателей в круг своих клиентов, но никогда больше покровители не были столь щедры и проницательны, как Мecenат и Август. Поздние императоры иногда находили посты для людей с литературными способностями, но это было совсем иное, чем досужая праздность Вергилия или Горация.

Если общество и чувствовало какой-то долг по отношению к одаренным писателям и ораторам, вряд ли он оплачивался адекватно в практическом выражении при их жизни. Платон, Теренций, Катулл, Цицерон, Лукреций, Вергилий, Гораций, Ливий, Овидий, Тацит и другие римские писатели, чья известность и круг читателей с веками становились все шире, очевидно, не могли воспользоваться той огромной ценностью, которую, можно сказать, создали их произведения. Но это верно по отношению ко всем гениям, и глупо пытаться оценить их произведения в денежном выражении.

БЕСПЛАТНАЯ РАЗДАЧА ЗЕРНА

Тысячи, а может быть, и сотни тысяч римлян находились в столь опасной близости к черте бедности, что их главным стремлением в жизни было лишь раздобыть достаточно хлеба на каждый день. Несмотря на огромную власть и богатства Рима во время империи,

язва хронической бедности разъедала его правителей и умеряла блеск их имперского величия. Чтобы понять это, обратимся к истории, поскольку это было старой проблемой, которая постоянно становилась все острее и острее с тех пор, как возделывание сельскохозяйственных культур для собственного пропитания в непосредственной близости от Рима прекратило оправдывать себя экономически во II веке до н. э. Немногие римские правители осознавали рост безземельного плебса, чьи небольшие наделы были поглощены либо крупными скотоводами, которые вследствие масштабов своего предприятия могли получать с земли прибыль, либо пригородным строительством, которое, с точки зрения сельского хозяйства, обедняло и делало землю непригодной. Во второй половине II века до н. э. за решение этой проблемы энергично взялись инициативные аристократы, братья Тиберий и Гай Гракхи. Их судьба, как и многих других, которые пытались помочь беднякам за счет богатеев, уготовила им смерть от рук противников-аристократов, но до этого младший брат, Гай Гракх, успел заложить основу единственного средства, которое когда-либо могли найти римляне, от хронической бедности тысяч римских граждан. В 123 году до н. э. он сделал так, чтобы раз в месяц правительство республики продавало 5 модий, или около 72 фунтов, пшеницы каждому гражданину по фиксированной цене $6 \frac{1}{3}$ асса - цена, приблизительно равная затратам на ее выращивание на Сицилии и в Африке. Государство должно было оплачивать транспортировку зерна и конечно же любые сверхзатраты, если вследствие плохого урожая цена превышала эту гарантированную стоимость. Государство легко могло позволить себе подобную схему, которая финансировалась не за счет более состоятельных римлян, а за счет провинций, которые облагались налогами, поскольку на протяжении большей части II и всего I века до н. э. налоги с римлян больше не взимались. Признанным долгом Римской республики всегда было обеспечение ее граждан достаточным запасом зерна. Гай Гракх, чьи взгляды повергли во гнев придерживающихся традиций скупых римлян, которые ненавидели любое вмешательство в экономическую жизнь, имел другие, более радикальные планы «поделить богатства», ограничив размеры больших имений. Врагам, которых он приобрел из-за своих замыслов, удалось убить его, но его план продажи определенного количества пшеницы римским гражданам остался. Попытки консерваторов отменить его были не слишком решительными, за исключением реформы при диктаторе Сулле в 82 году до н. э. Но реформа Суллы недолго продержалась.

Начались беспорядки; тогда для того, чтобы заручиться политической поддержкой для Юлия Цезаря, его сторонник демагог Клодий провел закон, по которому зерно должно было раздаваться бесплатно. Гракх даже в самом благосклонном настроении никогда не предлагал ничего подобного. После этого очень скоро 320 000 римлян впервые получили свой основной продукт питания бесплатно и за счет других людей. Цезарь был ответственным за раздачу зерна, точно также как и за щедрые бесплатные развлечения для толпы. «Хлеба и зрелищ!» - таков был демагогический метод Цезаря для счастья римлян, пусть даже временно, пока он не сможет выработать долговременные планы. В результате этого бедные земледельцы в окрестностях Рима прекратили борьбу за выращивание собственного жалкого урожая и стали стекаться в город. Поскольку бесплатное зерно выдавалось только гражданам Рима, многие рабовладельцы стали освобождать своих рабов для того, чтобы им больше не приходилось их кормить. Таким образом, быстро рос праздный, полуголодный городской плебс. Если и есть доля истины в том, что все люди при определенных условиях склонны к паразитированию, то история Рима показывает, что как ни ужасно, но это относится к их подавляющему большинству.

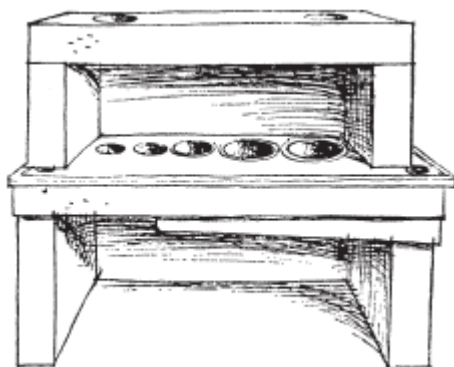

Рис. 41. Меры для зерна

После жесточайшей гражданской войны между Юлием Цезарем и Помпеем и его республиканскими сторонниками Цезарю пришлось столкнуться с огромной проблемой, которую он создал своими руками. На протяжении 12 лет большинство граждан Рима бесплатно получало зерно. По словам Цицерона, это была «мерзкая голодная толпа, пьющая кровь из казны». Цезарь сократил список до 150 000 имен. Он сумел это сделать, не спровоцировав волнений, отчасти потому, что был верховным диктатором, а отчасти потому, что у него появилась возможность вычеркнуть из списка тысячи умерших или убитых в гражданских войнах, наряду с 80 000 граждан, которых он отправил жить в римские колонии или провинции. В будущем он старался не превышать лимита расходов, добавляя новые имена к списку, только когда образовывались вакансии из-за смерти прежних получателей бесплатного хлеба. Таких новичков выбирали по жребию из длинных списков просящих. В результате появились два особых класса римских граждан: те, которые имели право на бесплатную пшеницу и те, которые не имели такого права, но план экономии Цезаря не пережил его самого, когда тот был убит. Зерно снова стало политическим оружием, и, несмотря на собственную антипатию к этому, преемник Цезаря Август, первый император, не только сохранил выдачу, но и увеличил число лиц, пользующихся такой привилегией, до прежней цифры 320 000 (5 г. до н. э.). Вскоре после этого он сократил список снова до 200 000, но все время наблюдалась тенденция к его увеличению. Август включил в список всех сыновей граждан в возрасте более десяти лет. К концу I века н. э. Траян даровал эту привилегию всем сыновьям независимо от возраста, надеясь стимулировать таким образом прирост населения. Тем не менее эта привилегия относилась только к гражданам, проживающим в Риме, - фактор, который отличал получателей бесплатного зерна от «низких плебеев». Именно поэтому иногда упоминалось с гордостью на могильных камнях, что усопший пользовался правом на бесплатную долю зерна. Многим из живущих в Риме все равно приходилось покупать зерно на открытом рынке. Но, как и следовало ожидать, существовал так называемый черный рынок, где можно было купить тессеры[37], поэтому, вне всяких сомнений, было очень нелегко осуществлять контроль за системой бесплатной раздачи зерна. На протяжении всего периода империи, несмотря на богатства и власть Рима, проблема бесплатной раздачи зерна так и не была разрешена: в качестве первых экспериментов в государственном социализме они определенно были далеки от блестящих результатов.

До времен смут и распада империи, начиная с III века н. э. и далее, образ жизни римлян подвергся большим изменениям, хотя эти перемены были не столь поразительны и зримы, как в образе жизни британцев или французов между XII и XIII веками. Ранний римский период несколько примитивной простоты и аскетизма мог бы продлиться гораздо дольше, если бы не тот факт, что римляне с успехом стали властителями всего мира. Но богатства, которые они обрели завоеваниями, были поделены неравномерно на родине и не могли гарантировать постоянное процветание. С ходом времени различия между уровнями жизни бедных и богатых увеличивались во всех отношениях. По мере того как заселялся Рим, жилье становилось все дороже, и бедным приходилось отправляться на более дешевые и

более убогие чердаки и в подвалы, где они скорее существовали, а не жили, все в одной комнате, в посредственных домах без воды, отопления или очага. Что же они делали со своими 72 фунтами бесплатной пшеницы, получаемой ежемесячно? Хранить ее было нелегко, и немногие могли позволить перемолоть ее в муку или готовить из нее еду. Они были вынуждены доверять ее какому-нибудь мукомолу, чтобы использовать в пищу. Хотя многие получали бесплатное зерно, они не могли позволить себе горячую пищу, если только их не приглашали на обед более состоятельные друзья или покровители или если у них имелись деньги, чтобы купить себе закуску вместе с чашей подогретого вина в какой-нибудь захудалой харчевне.

ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ, ТАВЕРНЫ И ЗАКУСОЧНЫЕ

Эти маленькие закусовые и питейные заведения имели множество названий. Римляне имели соответствовавшие нашим пабам, тавернам, харчевням, кафе и кабаре сауропае (кабаки), роріае (трактиры) и tabernae vinariae (винные харчевни). Их можно было найти повсюду в Риме; они зачастую были дешевыми местами отдыха, обслуживающими в основном бедняков и рабов: «грязные», «дымные» и «мрачные» - вот как называли их Цицерон, Вергилий и Гораций. Настенная роспись в Помпеях изображает завсегдатаев, сидящих вокруг стола на табуретах, но мы также узнаем о жестоких потасовках, которые там случались. Из-за подобных сцен и из смертельного страха, что любое сборище римлян приведет к заговору против правительства, императоры-реформаторы, такие как Тиберий, нанесли им удар, запретив продавать даже выпечку. Есть сведения, что Клавдий пытался полностью закрыть их, что не слишком согласуется с тем, что повествует Светоний: словоохотливый старик прервал дебаты в Сенате о мясниках и торговцах вином, спросив, кто может прожить без того, чтобы не перекусить, и пустился в пространные рассуждения о большом количестве таких кабаков в старые времена и о том, как он имел обыкновение заглядывать туда, чтобы выпить. Его приемный сын и преемник Нерон запретил съестным лавкам продавать любую горячую пищу, за исключением овощей и трав, «в то время как раньше, - повествует Светоний, - [там] можно было получить любую закуску».

Рис. 42. Сценка в харчевне

Подобные правила были непопулярны, и заставить им следовать было нелегко, о чем можно догадаться из того факта, что запреты были отменены императором Веспасианом.

Глава 6

ЧАСЫ ДОСУГА

РАБОТА И ОТДЫХ

Римская рабочая неделя состояла не из семи дней, а из восьми, считая восьмой включительно. При таком подсчете восьмой день считался девятым и назывался *nundinae*, вся неделя из восьми дней была *internundinum*. С давних времен после семидневной работы в полях земледельцы прекращали работу на восьмой день и отправлялись в свои маленькие рыночные города. Позднее каждая *nundinae* стала выходным для граждан Рима, за исключением рыночных лоточников, которые, как сегодня во французских городках по воскресеньям, трудились в поте лица.

Дни года тоже были поделены на благоприятные для работы и торговли, *dies fasti*, и неблагоприятные - *dies nefasti*. По последним, хотя обычные сделки купли-продажи, по видимому, не особенно подвергались их влиянию, общественные мероприятия откладывались, а суды закрывались. Еще хуже были так называемые «черные» дни, *dies atri*, годовщины римских поражений и катастроф, поскольку, в отличие от других народов, римляне помнили и скорбели о своих несчастьях. В эти дни, как и в народные празднества, считалось неблагоприятным предпринимать любые важные дела. Судя по великому немецкому ученому Моммзену, римский год состоял из 239 дней, определенных как подходящие для юридических и политических дел, 48 *dies nefasti* и 51 *dies atri*. Но календарь, найденный рядом с Антием, показывает, что в республиканский период всего 192 дня были подходящими для общественных дел, в то время как 109 дней считались днями *nefasti*. Очевидно, некоторое увеличение благоприятных дней определено стало необходимостью в более напряженные времена империи. Но несмотря на это, один день из трех был народным праздником.

Возможностей для досуга было гораздо больше, чем предполагало количество празднеств, потому что рабочий день длился всего шесть часов: те, кому приходилось трудиться, прекращали работу в полдень, седьмой час римского дня. Распорядок дня в Риме (его придерживались все более или менее состоятельные люди) в изложении Марциала:

«Первые два утренние часа - *salutatio* (прием клиентов, разбор их дел и просьб); от 3 до 5 (т. е. с 9 до 11 часов - труды (*labores*); от 6 до 7 (т. е. от 11 до 1 часа) - отдых; 8-й час (от 1 до 2 часов) - гимнастические упражнения; 9 - 10 (от 2 до 3 часов) - обед, обычно затягивающийся до темноты».

Принимая во внимание, что много работ, которые могли бы выполняться свободнорожденными рабочими, исполнялось рабами и что многое из того, что мы считаем существенным, оставалось несделанным, неудивительно, что в расцвете римского величия огромное число людей в Риме было на грани безработицы или не имело постоянной работы. Тысячам, видимо, приходилось выживать за счет благотворительности богатых, с добавлением бесплатного зерна и воды, которыми их обеспечивало государство. К этому числу нужно прибавить многих людей, которые имели какой-то доход от аренды, имущества или субсидий и которые приехали в Рим, веря, что будут жить гораздо более полной и более захватывающей жизнью в столичном городе, чем где-либо еще в мире.

СОБЛАЗНЫ РИМА

Жизнь в Риме предоставляла безграничную череду безумств по сравнению со скучной каждодневной рутинной провинциального городка или деревни. Хорошо было поэту Мар-

циалу в час уныния вопрошать о том, кто станет томиться в Риме, ища расположения богатей в их просторных прохладных мраморных залах, когда он мог довольствоваться добычей полей и лесов, ловить столько рыбы, сколько захочет, иметь глиняные горшки, полные меда, и жарить себе на углях яичницу из свежих яиц собственных кур, которые ему не нужно покупать у торговца. Марциал приехал в Рим в двадцать с небольшим лет, приблизительно в 63-м или 64 годах н. э., и провел там большую часть своей жизни. И только когда ему перевалило за шестьдесят, в 100 году н. э., он вернулся в свою родную Испанию, где и умер несколько лет спустя. В менее пресыщенном настроении он знал, как развлекаться в большом городе. Вместо того чтобы подольщаться к богатым или кричать до хрипоты во время судебных процессов на Форуме, он предпринимал поездку с другом в легком экипаже или прогуливался по садам и тенистым колоннадам вокруг книжных лавок и лавок древностей, по игровым площадкам на Марсовом поле. Марциал обычно искал отдохновения у свежей прохладной воды акведуков, а также общение, развлечение наряду с отдыхом в любой из четырех великих терм, или бань, - Агриппы, Нерона, Грилла[38] и Тита. Поздние императоры добавили еще одну терму, чтобы еще больше садов, храмов, аркад, рыночных площадей, библиотек добавились к удобствам и прелестям Рима. Для среднестатистического бедного римлянина термы давали возможность расслабиться, поскольку для них они были больше чем просто бани.

Термы

Начиная со II века до н. э., когда они представляли собой небольшие, строго практичные «помещения для мытья» и предназначались только для мужчин, публичные бани потрясающе выросли в размере, в величии и в удобствах в период империи. Один лишь намек на их великолепие не позволяет отдать справедливость впечатлению, которое они должны были производить на всех тех, кто их видел. Подавляющее большинство римлян стремились ускользнуть из своих тесных лачуг или скромных жилищ, чтобы провести пару часов или даже целый день в одной из терм; они не могли не поражаться величию и красоте этих просторных, богато украшенных мраморных с золотом дворцов, предназначенных для их удовольствий. Ведь термы были не просто постройками, где любой, заплатив один квадрант - quadrans (четверть асса, самая мелкая римская монета), мог принять ванну; скорее они были громадными центрами отдыха, оборудованными гимнастическими залами, садами, библиотеками и читальнями в дополнение к самим термам.

Энергия и ресурсы, потраченные на их возведение и украшение, не имеют себе равных среди современных общественных зданий, на тщательно контролируемом строительстве и усредненных конструкциях которых расходы основательно экономятся. Тогда стандартами были величие, красота и комфорт, а не бюджеты и калькуляции, как сегодня.

Нам нужно вернуться почти на триста лет назад, к возведению собора Святого Павла, чтобы найти какое-нибудь современное общественное здание в Лондоне, сравнимое с точки зрения архитектуры с римскими термами. Собор показался бы маленьким по сравнению с ними. Он занимает около 64 000 квадратных футов, а высота его нефа около 100 футов. Один только главный блок терм Каракаллы (211 - 217 гг. н. э.), высота которого была такой же, занимал 270 000 квадратных футов - больше, чем все здания Парламента или Британский музей. Термы Диоклетиана (284 - 305 гг. н. э.) были значительно больше. Они вмещали более 3000 купающихся за раз, приблизительно в два раза превышая число людей, на которое были рассчитаны термы Каракаллы. На их строительство ушло 10 лет, по сравнению с 5 годами, которые ушли на строительство терм Каракаллы. Это на 35 лет превышало продолжительность строительства собора Святого Павла. В Риме никоим образом не наблюдалась нехватка общественных бань, когда возводились эти два величественных сооружения. Агриппа построил первые в 20 году н. э.; из многих, построенных после, до нас дошли руины терм Нерона (54 - 68 гг. н. э.), Тита (79 - 81 гг. н. э.), Траяна

(98 - 117 гг. н. э.), Траяна Деция (249 - 251 гг. н. э.), и Константина (306 - 337 гг. н. э.), не считая терм Каракаллы и Диоклетиана.

Рис. 43. Фригидарий в термах Каракаллы

Во времена империи термы были открыты для мужчин, равно как и для женщин и детей, и даже очень скромная плата в один квадрант иногда покрывалась щедростью императора или какого-нибудь богача, который мог взять на себя целиком стоимость посещения бань на срок от одного дня до одного года. Одни помещения были предназначены для мужчин, а другие - для женщин, хотя во времена Нерона присутствовало совместное купание, что было весьма скандально для строгих римлян. Ряд указов против подобных отклонений от правил императоров Адриана, Марка Аврелия и Александра Севера - лучшее доказательство того, что ограничить это было трудно или невозможно. Римляне ходили в термы, чтобы встречаться с другими, погулять и поболтать, одни - чтобы поиграть в мяч и другие игры, другие - чтобы испытать более интенсивную физическую нагрузку, такую как борьба, или посмотреть, как это делают другие, и конечно же получить прохладу летом и тепло зимой. Холодные ванны находились во фригидарии - прохладной комнате в бане; имелись также теплое помещение, или тепидарий, а также отапливаемое помещение, калидарий, где были теплые ванны и горячий пар, чтобы вызвать потоотделение, как в наших современных турецких банях. Помещением еще горячее, лакоником, пользовались в основном больные. Тепло обеспечивалось яростным огнем под полом, разжигаемым рабами, с использованием большого количества дерева.

Купающиеся могли насладиться любым из них или всеми по очереди и в любом другом порядке.

Частью банной процедуры было удаление с тела грязи от пота, соскребая ее металлическими, костяными или деревянными скребницами - вместо мыла. Марциал советовал соскребать грязь изогнутым лезвием, тогда полотенца не будут изнашиваться от частых стирок у сукновала.

Купающиеся либо брали с собой рабов, чтобы те несли их полотенца, соскребали грязь и вытирали их, либо оплачивали эти услуги в термах, где были массажисты, умастители, депиляторы и парфюмеры. Бедняки, которые не могли позволить себе таких услуг, вытирались и соскребали с себя грязь сами рукой или о стену. Уже говорилось, что термы к тому же стали центрами общения. Они были известны шумом, исходящим из них, так как

римляне любили петь в ваннах, насвистывать, разговаривать и кричать своим друзьям и знакомым. Забрав свои туники и тоги у гардеробщика, если те не были украдены или заменены на дешевые изношенные одежды каким-нибудь сообразительным вором, как иногда бывало, они могли отдыхать, беседовать и прогуливаться, читать или есть, прежде чем все они отправятся восвояси: богатые - в закрытых носилках, а бедные - пешком под палящим солнцем, в дождь или снег.

Рис. 44. Купальщики, занимающиеся борьбой в палестре - гимнастической школе

Сначала термы закрывались с заходом солнца, но, судя по множеству ламп, найденных в термах в Помпеях, создается впечатление, что в I веке н. э. купание продолжалось и ночью, хотя не исключена возможность, что лампы были нужны только для того, чтобы освещать коридоры и замкнутые помещения, которые были темными даже в дневное время. Термы располагались в садах. Подобно большинству культурных интересов в жизни римлян, пример греков воодушевил их на любовь к садам. Грекам, в свою очередь, по-видимому, пришла на ум эта идея после того, как солдаты Александра Великого увидели царские великолепные сады Персии и Востока. Именно греки разбивали сады вокруг своих святилищ, храмов, портиков, мест для гуляния и театров, а римляне просто подражали им. Когда за первым постоянным театром в Риме, построенным Помпеем около 60 г. до н. э., была разбита рощица или добавлялась полоска деревьев, это считалось нововведением. В греческих больших городах также имелись общественные сады. Все эти приятные греческие привычки были скопированы римлянами, поэтому во времена империи был разбит ряд публичных парков; еще до того, как были задуманы великие термы, Юлий Цезарь завещал свои сады на противоположном берегу Тибра римскому народу. Когда его преемник Август умер, вокруг его величественного мавзолея был разбит парк. Август уже разбил парк вокруг созданного им же большого искусственного озера Навмахия (Naumachia), чтобы устраивать кровавые морские сражения, задуманные, чтобы разнообразить сцены кровопролития, веселящие его подданных. Таким образом, старинное чисто римское увлечение священными рощами из нескольких деревьев было широко распространено и увековечено. Мрачная темная тень и прохлада под густыми деревьями и кустарниками особенно ценилась за свой резкий контраст с ослепляющим светом и жарой солнечного итальянского дня.

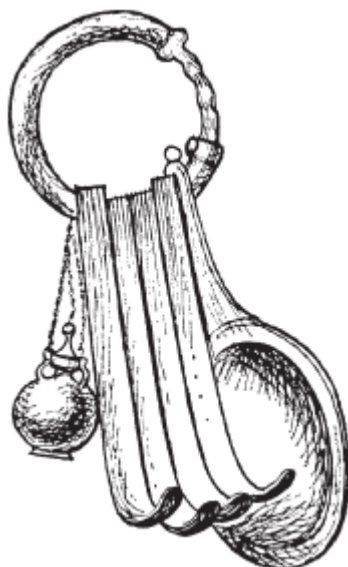

Рис. 45. Емкость с маслом, скребница и плошка для масла массажиста

Высшее общество

Представление Марциала о хорошей жизни соответствовало стандартам развитого образованного представителя среднего класса. Он разделял, насколько мог себе позволить, вкусы состоятельных аристократических семейств, которые жили своей жизнью, с ее светским кругом визитов и приемов, наполненными днями и столь же занятыми вечерами и ночами с чередой изысканных, роскошных пиров. Они могли разнообразить городскую жизнь частыми поездками в деревню и на морское побережье, гостить у друзей или останавливаться в собственных многочисленных загородных виллах по пути. Их дни текли беззаботно благодаря трудам армий рабов; делалось все возможное, чтобы удовлетворить любую их прихоть, и, поскольку их жизнь могла при желании целиком быть посвящена досугу, можно было ожидать, что культурная жизнь расцветет как никогда прежде. Тем не менее мало что свидетельствует о таком повороте событий. Известные римские аристократы Римской империи не создали никаких великих литературных произведений, пьес или музыки. Они не писали картин, ничего не понимали ни в науке, ни в глубоких философских размышлениях; не побуждали они и других людей к подобной деятельности. Их тонкий вкус поднял цены на антикварную мебель, серебро и картины до таких высот, что они изумляли своих современников, точно так же как сегодня тратятся целые состояния на изысканнейшие из таких раритетов. Их мораль и поведение, третий значительный фактор культурной жизни, иногда внушались устаревшими жестокими традициями республиканских времен, но по большей части были «не лучше, чем должны были быть», как говорится в поговорке, а зачастую гораздо хуже. Новообретенная свобода римских женщин помогла облагородить римскую светскую жизнь посредством роскошных пиров, которыми более состоятельные римляне пытались рассеять свою скуку. После того как термы закрывались в сумерки, куда еще они могли пойти? Бедняки шли домой ужинать и спать, если только глава дома не отправлялся на собрание своей торговой гильдии или погребальной коллегии, на которые многие римляне вынуждены были полагаться, чтобы обеспечить себе достойный уход из этого мира. Не было никаких вечерних концертов, танцев, театров, клубов, кафе, политических, профессиональных или других объединений, где теперь люди могут собраться вместе.

Состоятельные римляне, следовательно, посвящали большую часть своего времени шикарным обедам, выпивке и застольным беседам. В более избранных кругах римской аристократии такие грандиозные пиры могли быть вызывающим восхищением событием. Компания состояла из трех, шести или самое большее девяти человек, поскольку не более трех

человек могли удобно расположиться полулежа за одним столом, в то время как более трех столов имели тенденцию нарушать единство пира, превращая его в общественный банкет. Еда обычно была самой отборной, отлично приготовленной и со вкусом поданной командой тщательно обученных привлекательного вида рабов.

На протяжении довольно долгого времени главным и самым острым затруднением во время изысканных пиров аристократии было найти безопасные темы для бесед. Аристократия была приближена к императорскому двору и императору, которого частенько побаивались и который иногда был опасным маньяком. Таковы были опасности и неопределенность того времени, что беззаботная болтовня во время застольной беседы была риском, которого стоило опасаться. Одно небрежное слово, возможно даже пересказ сна, мог довести до сведения высших кругов какой-нибудь завистливый недоброжелатель, стремящийся заискивать при дворе, несмотря на то что он обрекал невинного сотрапезника на скоропостижную и мучительную смерть. За исключением большей части золотого или скорее «позолоченного» II века н. э., такая удручающая опасность была достаточно реальной, чтобы отравлять удовольствия, которые щедро предоставляла общественная жизнь. Бурная культурная жизнь, как мы только что видели, развиваться не могла - такова высокая цена человеческому счастью и прогрессу деспотического правления, который всегда сопровождается тиранией и жестокостью.

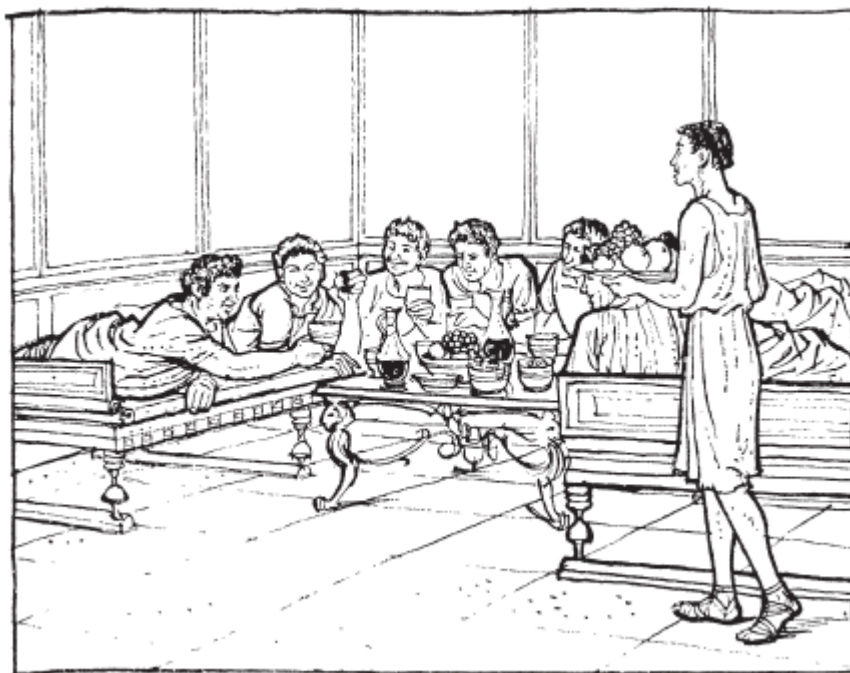

Рис. 46. Римский пир

Вести замкнутую жизнь дома также было опасно для видного римлянина, потому что тогда императорская клика тотчас же начинала подозревать его в недовольстве. Чем состоятельнее был человек, тем большему риску он подвергался, потому что в случае, если он будет осужден, император может конфисковать его имущество. Доносчик также ожидал от этого свою долю. Более предусмотрительные и серьезные состоятельные провинциальные семейства поэтому держались подальше от Рима ради собственной безопасности и спокойствия духа, а также ради морального блага своих детей. Плиний, после того как навестил одного своего талантливое соседа в сельской местности, сетовал о том, что много ученых мужей ведут затворническую жизнь и удалились от мира, ссылаясь на свою скромность и предпочтение тихой жизни.

Поэтому беседа вокруг изысканных обеденных столов вращалась вокруг любовных интрижек, разводов и домашних скандалов других членов общества - тем, разбавляемых анекдотами и шутками.

Степенное, здоровое и серьезное отношение многих римлян к жизни, особенно среди римлян старой школы, столь характерно, что мы склонны забывать их насмешки и юмор, как и нередкие проблески сарказма и мудрости, которыми они оживляли свои дни и пиры. Многие из них были очень прямыми и грубыми. Скорее в манере сегодняшних простых, некультурных людей они, казалось, считали любую личную чудаковатость чрезвычайно смешной. Следовательно, теперь большое число их колких, остроумных высказываний сочли бы шутками в довольно плохом вкусе. Такие характеристики пришли к нам через века в фамилиях, некоторые из которых означают определенную отличительную черту далекого предка. Агенобарб - «рыжебородый», прозвище, которое закрепилось за кланом Домициана; Бальб - «заика», Клавдий - «хромым», Плавт - «плоскостопый», Павел - «маленький», Красс - «жирный». В некоторых фамилиях фигурировали названия животных: Азиний - «осел», Порций - «свинья», Апер - «кабан», Вителлий - «теленочек»; названия растений - в других: Цицерон - «горох», Сципион - «лук», Туберон - «трюфель». Все это скоро перестало казаться смешным по мере того, как люди привыкали к этим прозвищам. За обеденным столом с удовольствием повторялись остроумные реплики городских и высокообразованных людей, таких как Цицерон, который также не смог устоять, чтобы не подшутить над внешностью других. Когда он увидел, как его зять Долабелла, который был очень невысок, идет, таща за собой большой меч, он осведомился: «Кто посмел привязать моего зятя к этому мечу?» Он даже не пощадил своего брата Квинта, который также был небольшого роста. Когда ему показали его бюст, больше натуральной величины, сделанный в то время, пока его брат занимал должность претора в Малой Азии, он сказал, что эта часть в два раза больше целого. Политические волнения, в которые он оказался погружен, когда республиканские свободы были уничтожены, не сломили его духа. Он направлял свою язвительность как на Помпея, которого поддерживал, так и на Юлия Цезаря, которому противостоял. Когда Помпей даровал римское гражданство галлу, Цицерон сказал о нем, что он смешной человек - дает иноземцам новую родину, а римлянам никак не может вернуть их собственную. Когда Помпей спросил его, где был Долабелла, его зять, в борьбе против Цезаря, дочь которого, Юлия, доводилась женой Помпею, быстрый ответ Цицерона был таков: «С твоим тестем». Помпей не оценил этих умных острот. В том же духе, при встрече с человеком из Лаодикеи[39], направленным послом к Цезарю, чтобы просить того вернуть свободу его стране, Цицерон попросил его, в случае если тот преуспеет, попытаться сделать то же самое и для римского народа. Цезарь не слишком негодовал по поводу его остроумных реплик и обычно любил их слушать; в многочисленных застольных беседах они пользовались большим успехом.

В дни ранней империи не все римляне научились быть униженными рабами. Пируя с торговцем Торонием Флакком, Август пришел в такой восторг от музыки, исполняемой его рабами, что велел раздать им по мере зерна вместо денег, которые обычно раздавал в подобных случаях. Когда вскоре после этого он попросил Торония одолжить ему этих рабов, то получил ответ: «Они на мельнице».

Легкомысленная дочь Августа Юлия была знаменита своим острым умом. Бранимая отцом за посещение гладиаторских боев в окружении веселых молодых щеголей, в то время как ее мачеха Ливия находилась в сопровождении серьезных людей своего возраста, она отвечала: «Они тоже состарятся, когда состарюсь и я». Однако судьбой ей не было уготовано дожить до глубокой старости. Многие из сохранившихся высказываний о ней и о других римлянах сейчас были бы рискованными даже по сравнению с анекдотами, рассказываемыми в курилке. Таковы были непристойные, откровенные высказывания простых людей. Солдаты, сопровождающие своего победоносного главнокомандующего на римском триумфе, гости на свадьбах и похоронах, казалось, считали, что случай требует некоторого чрезвычайно вульгарного, смачного сопровождения, причем чем непристойней, тем лучше. Легионеры Юлия Цезаря выкрикивали среди других унижительных реплик о своем триумфаторе-военачальнике[40]:

Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.

Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии!

Император Тиберий Клавдий Нерон был провозглашен «Биберием Калдием Мероном»[41] - «пьяницей, любителем подогретого неразбавленного вина». «Тиберия - в Тибр!» - еще одна форма приветствия. Невозможно в столь кратком изложении привести много примеров пронизательных острот римлян всех социальных слоев, направленных в адрес их правителей и друг друга. Как уже говорилось о некоторых подобных современных шутках, они похожи на хорошую горчицу, которую вы хвалите со слезами на глазах.

Когда застольная беседа вращалась вокруг общих тем, таких как средства от болезней, повадки животных, обычаи в других странах, чудеса природы и так далее, она зачастую могла показаться столь странной и причудливой, что если бы мы ее услышали, то подумали бы, что собравшаяся компания, определенно, является сборищем пациентов сумасшедшего дома. Ведь римляне обменивались идеями за много веков до становления науки. Вряд ли у кого-то было понятие о научных методах и точное понимание причинно-следственных отношений в мире природы, как мы их знаем сейчас, за исключением, возможно, проблесков интуиции некоторых знатоков греческой литературы или же очень немногочисленных исключительных людей. Немногие из присутствующих на пиру были начитанными или критически относились к прочитанному, и почти совсем никто не знал и не предпринимал какие-нибудь эксперименты или исследования, чтобы подтвердить или отвергнуть экстраординарные понятия, которые со всей серьезностью излагали несколько мудрецов, возлежавшие по трое вокруг столов.

На пике величия Римской империи, задолго до того как греки обнаружили, что Земля - круглая, это утверждение все еще оспаривалось в Риме. «Как могут два человека, - спрашивали обычно, - находящиеся один - вверху, а другой - внизу сферы, стоять головой вверх, если ноги у них расположены в противоположных направлениях?» Также могли задаваться такие вопросы: «Почему плоть разлагается быстрее при лунном свете, чем при дневном?» или «Вы слышали? Человек, часто проходящий под покрытыми росой деревьями, заразится проказой, если притронется к дереву».

Услышав это, другу одного из гостей, который страдал от разлития желчи, сказали, что он вылечится, если будет пристально смотреть на кроншнепа. Запас рассказов о магических свойствах камней, трав и животных был неистощим. Считалось, что есть камень, который издает трубные звуки при приближении воров; другой меняет цвет четыре раза на день, но видеть это могли лишь непорочные девы. Третий чернеет в руках лжеца.

Правду от лжи отличить нелегко. Считалось, что волшебная трава загорается ярким пламенем, как только мачеха задумает избавиться от пасынка, что звучит не более странно, чем сведения о волшебных белых покровах, которые в огне не горят. Но они были из асбеста, а он не воспламеняется.

«Мышь в доме? Посыпь пеплом ласки или свари черного хамелеона. Это поможет от зубной боли». «Болит желудок? Помой ноги и выпей эту воду или вытопи жир из лисиц и гиен, живых и убитых». Когда встревоженный родитель говорит, то у его ребенка режутся зубки и он не дает ему спать по ночам, лучший медицинский совет мог быть таким: «Потри десны ребенка собачьим молоком или, если ребенок мальчик, намажь ему десны заячьими мозгами». Другой гость мог внести свой вклад в этот кладезь мудрости, добавив, что, «говорят, корабль передвигается медленнее, если на борту находится правая лапа черепахи» или «волы охотятся на змей в их норах и высасывают их оттуда силой своего дыхания». Некоторые волшебные заговоры и всяческие подобного рода предрассудки заходили столь далеко, что более здравомыслящие римляне, даже после выпитого вина, обычно смеялись над ними; такими были рассказы о магических травах, которые при прикосновении ими отпирают запертые двери, могут повернуть реки вспять и осушать болота или обратить в бегство вражеские армии. Перечисление слышанных способов исцеления от болезней представляло собой неиссякаемую тему разговоров, так как не было пределов воображаемым средствам: «Чтобы вылечиться от чахотки, нужно принимать печень волка в

разбавленном вине... также, говорят, помогает дым от сухого коровьего навоза, вдыхаемый через тростинку». Так близки были римляне к курению.

Странные истории могли насчитывать многие страницы, не исчерпывая и половины записей сумасшедших идей, которые не только были широко распространены в лучшем римском обществе, но и торжественно запротоколированы некоторыми из самых интеллектуальных римских писателей, таких как Плиний Старший и Гален. Поэтому нам не стоит удивляться, что они проникли и в Средние века. Даже сегодня не так уж трудно найти нечто похожее на понятия, затаившиеся то здесь, то там, питающие всяческие приметы о счастливых и несчастных днях, числах, камнях, растениях и суевериях, связанные с лестницами, новолунием и другими предметами, не говоря уже обо всех астрологических учениях, которые Цицерон, Лукиан и другие без всяких научных знаний могли считать совершенной чепухой еще две тысячи лет назад.

Рис. 47. Богатые сосуды для вина: 1 - серебряная чаша; 2 - роги для вина

Игры, гонки на колесницах, театрализованные представления и пантомимы также обсуждались, а более состоятельным, видимо, удавалось заполучить на свой пир каких-нибудь знаменитых актеров. Другие могли развлекать своих гостей миниатюрными пантомимами, исполняемыми в виде некоего «шоу», прерываемого выступлениями обнаженных юных танцовщиц, и конечно же играла музыка.

Разговоры на некоторые темы, особенно о сексе, поразили бы нас своей откровенностью и прямотой, и современным психологам, которые обвиняют «зжатость», особенно в вопросах секса, в столь многих социальных грехах, нелегко пришлось бы, объясняя, почему «раскованные» римляне превращали свою жизнь в такую неразбериху. Задолго до окончания пира гости оставались на своих ложах, воздавая должное вину, поэтому и гости и хозяин обычно пребывали в сильно приподнятом настроении еще до окончания вечера. Большой проблемой в этих случаях было отсрочить опьянение. Весьма правдоподобно, что кажущаяся нам столь отвратительной привычка вызывать рвоту во время таких вечерних развлечений считалась самым лучшим способом продолжить пир и одновременно избежать опьянения.

Политическое и социальное напряжение вряд ли было столь очевидно среди богатеев, торговцев и дельцов. Их сумасбродствам, не контролируемым ни утонченным вкусом, ни умеренным воздержанием, какие хорошо воспитанный человек вряд ли мог себе позволить, была дана воля.

То, что могло произойти в таких случаях в I веке н. э., было описано во всех красках и непристойных выходках в фрагментах реалистического произведения Петрония, который был приятелем императора Нерона до тех пор, пока его не обвинили в заговоре, и ему пришлось прибегнуть к самоубийству, чтобы избежать гораздо худшей участи. Это рассказ о пышном пире, который задавал Трималхион, вульгарный, полагающийся только на самого себя человек, который при счастливом стечении обстоятельств поднялся из рабства до свободы и большого богатства. Вне всяких сомнений, эта гротескная карикатура до сих пор забавна, частично потому, что является единственным подробным описанием римского пира за тысячу лет римской истории, а частично из-за очень неординарного

изображения контраста между тем, что могло случиться в Риме, и тем, что происходит сегодня. Развязка фантастически роскошной жизни более состоятельных римлян полна смысла, но определенно неувидительна. Продолжительное потворство своим слабостям приносит скуку и отвращение, пока в конце концов не помогает направить людские умы на другое, что, вне всяких сомнений, способствовало интенсивному проявлению религиозного интереса и исступления, все более и более заметного со II века н. э. и далее, как это будет видно из следующей главы.

ЭЛЕГАНТНАЯ МОЛОДЕЖЬ

Контраст между богатством богатых и нищетой самых бедных был, по-видимому, сильнее в императорском Риме, чем сегодня в Лондоне, Нью-Йорке или даже в Париже. Тем не менее, видимо, многие считали это время не столь уж плохим, чтобы в нем жить.

Пусть другие поют старину, я счастлив родиться

Ныне, и мне по душе время, в котором живу! -

говорил Овидий.

Он несколько преувеличил, поскольку его очень вольные стихи об искусстве любви, где он высказывался подобным образом, огорчили Августа, который желал восстановить более чистые моральные принципы давно ушедших дней. Овидий был отправлен в ссылку в некий римский эквивалент Сибири. Но такой всемогущий человек, каким был Август, не мог противостоять потоку, давно сметающему все со своего пути, слишком сильному, чтобы его мог остановить или повернуть в другое русло одиночка. Что же делало августианский Рим столь привлекательным для Овидия и молодых мужчин и женщин, для которых он писал свои стихи? Являются ли огромный наплыв золота и жемчугов, мрамора и всяких других товаров, которые везли корабли, бороздящие моря, и внешность человека признаком богатства и величия? Нисколько! Овидий задавал себе именно этот вопрос только для того, чтобы ответить с точностью, что именно забота о своем теле и простое изящество жизни делают существование столь восхитительным.

Он пускается в советы, пригодные как городским юношам, так и молодым дамам, ухаживание за которыми, казалось, составляло главную цель в жизни городской молодежи. Овидий советовал мужчинам быть как можно естественнее, сиять здоровьем, укрепленным физическими упражнениями на Марсовом поле с мячом, метанием копья и диска, а также верховой ездой и ледяными ваннами в воде, принесенной из источника Aqua Virgo[42], или купанием в реке Тибр. Им следует быть просто, но элегантно завернутыми в хорошо сидящую тогу без пятен или изъязов, обутыми в хорошо подогнанную, аккуратно застегнутую кожаную обувь и без следов ржавчины на застежках. Волосы и бороды должны быть искусно подстриженными, а не искусственно завитыми. Девушкам следует опасаться молодых людей с кольцами на пальцах, волосы которых блестят от масла, чьи тоги сотканы из самой тончайшей шерсти. Конечно же ногти должны быть подстриженными и чистыми, нос без торчащих из него волос, а дыхание и тело без каких-либо неприятных запахов. Овидий не забывал призывать к упражнениям для ума посредством изучения гуманитарных наук, но лишь в строго практических целях - произвести впечатление на присяжных и судей, а также на юных дам. Мастерство без показной демонстрации было его идеалом; нет ничего глупее, чем обращаться к девушке, словно к общественному собранию. Овидий рекомендовал прекрасному полу поэзию исключительно лирических поэтов - Сафо[43], Анакреонта[44], Менандра[45], Проперция[46], Тибулла и конечно же «Энеиду» Вергилия:

Знай сочиненья Сафо (что может быть их сладострастней?),

И как хитрец продувной Гета дурачит отца;

С пользой можно читать и тебя, наш нежный Проперций,

Или же ваши стихи, Галл и любезный Тибулл,

Или Варронов рассказ о том, как руно золотое,
Фрикс, на горе твоей послано было сестре,
Или о том, как скитался Эней, зачиная высокий
Рим, - знаменитей поэм не было в Риме и нет.

Поскольку Овидий сам грешил сочинением стихов, он обращался к читателям со скромной просьбой не забывать и о нем, на что воспоследовал ответ, на который он надеялся. Девушки также должны учиться танцевать; танцовщицы очаровывали зрителей в театрах. Девушкам следует научиться играть во многие игры, конечно же не в те, что рекомендуются юношам, но нечто, требующее гораздо меньше физических усилий - кости, шашки или шахматы. Важнее, чем приобрести такие умения, было научиться искусству самоконтроля, чтобы достойно проигрывать. Овидий писал, что слезы, стенания, обвинения не по адресу, гнев, ненависть и негодование способны разрушить многие искусные игры. Для упражнений на открытом воздухе он рекомендовал девушкам прогуливаться в аркаде Помпея, взбираться к новым храмам и памятникам на Палатинском холме. Им следует почаще навещать алтари Исиды, а особенно театры и цирки, поскольку здесь больше шансов на то, что их заметят и будут ими восхищаться. Свобода девушек в то время в Древнем Риме, видимо, была довольно большой, хотя предположительно Овидий писал о вольноотпущенницах и о тех, чье воспитание было не столь строгим по сравнению с тем, что, несомненно, все еще практиковалось в лучших семействах, число которых шло на убыль.

Перед выходом в свет больше внимание следует уделять своему внешнему виду. Ведь не все женщины красивы, поэтому должны заботиться о своей привлекательности. Овидий большой упор делал на укладку их волос, которая не должна быть всегда в одном и том же стиле, а время от времени меняться и подходить определенной форме лица. Некоторые женщины отбеливали волосы с помощью германского «мыла»; другие, не скрывая намерений, отправлялись покупать парики рядом с храмом Геркулеса и муз на Марсовом поле. Парики в основном изготавливались из кос, отрезанных у рабынь, часто германских. Выбор правильного цвета одежды составлял еще одну проблему. Было ошибкой тратить целое состояние на лиловый пурпур или золотое шитье; ведь можно гораздо экономнее получить широкий спектр расцветок. Лицо белить следует меловым порошком, а глаза - оттенять мелко растертым углем или шафраном. Также использовался винный осадок. Все эти ухищрения нужно делать без посторонних глаз. Нет ничего хуже, чем застать девушку, когда она чистит зубы или за ее туалетом. Пока все это происходит, она должна делать вид, что все еще находится в постели, за одним исключением. Она может, если у нее красивые волосы, позволить, чтобы видели, как ее распущенные по плечам волосы причесывают, но только в случае, если это ее не раздражает, если она не заставляет бедную рабыню, которая делает ей прическу, переделывать ее несколько раз, расцарапывая ее лицо ногтями или втыкая шпильки в руки. Более сотни лет спустя Ювенал описывает похожие сцены, свидетельствующие об одиозной стороне некоторых римлянок, и приводит примеры ужасов рабства. Много намеков Овидия давались даже в извинительном тоне, с оговоркой, что конечно же нет необходимости говорить, что девушке следует умываться каждое утро или чистить зубы. Его совет, что ей не следует смеяться нескромно или громко и что она не должна широко открывать рот, а должна научиться привлекательно говорить и петь, по-видимому, был гораздо более необходим. Таков, видимо, был и совет для обоих полов, что им никогда не следует напиваться вином до потери контроля над собой.

Рис. 48. Женские прически

Все эти советы, кажущиеся нам само собой разумеющимися, по-видимому, считались полезными и необходимыми для подрастающего поколения. Книга Овидия быстро стала популярной, несмотря на его открытое непочтение к брачным клятвам и прямое подстрекательство к аморальности. Римлянам не нужна была его книга, чтобы помочь им посвящать свое время эгоистичному потаканию своим желаниям, о чем век спустя говорят пылкие обвинения римского общества Марциала и Ювенала.

Танцы

Древние римляне с большим неодобрением смотрели на танцы ради развлечения, но уже во II веке до н. э. после Второй Пунической войны и девочек и мальчиков учили танцевать. Приблизительно в 130 году до н. э. Сципион Эмилиан с негодованием сообщал, что его водили в эти «академии», где, он клянется, было более пятисот детей обоего пола, танцующих с цимбалами и с такими вызывающими позами, которые обесчестили бы и самого последнего раба[47].

Уже в римском обществе не считалось зазорным для дам танцевать при условии, то они не воспринимают это всерьез и танцуют настолько хорошо, что их можно было принять за профессионалов. Римские танцы, видимо, были скорее похожи на сольное выступление балерины или на танец двух-трех девушек под собственный аккомпанемент на тамбуринах, чем на наши переполненные танцевальные залы, где женщины танцуют с мужчинами в качестве партнеров. Но видимо, упорно поддерживалось более суровое отношение, во всяком случае в том, что касалось мужчин. Для того чтобы охарактеризовать нечто действительно смешное, римляне говорили, что это «все равно что танцевать в тоге». Цицерон, будучи консулом в 63 году до н. э., защищая избранного консула, Лицина Мурену, против уличения того во взяточничестве, столкнулся с обвинением своего клиента в том, что его к тому же видели танцующим. По словам Цицерона, это было очень серьезное обвинение, выдвинутое против консула римского народа, потому что если это правда, то это также подразумевало и множество других пороков, поскольку вряд ли кто-то в здравом уме станет танцевать, если только он не лишился рассудка, и не важно, делает он это в полном одиночестве или в каком-то уважаемом собрании.

В разнузданные времена ранней империи древние запреты, по-видимому, вышли из моды. Овидий, как мы уже видели, выступал в защиту танцев, особенно для девушек, грациозность движений которых усиливала их очарование. К его времени мужчины и женщины уже танцевали вместе: «Пальцами стана коснись, ногу ногою задень» - таков был его совет юному влюбленному; но похоже, римляне никогда не увлекались танцами так, как мы

сегодня. Старомодные римляне продолжали неодобрительно относиться к танцам, особенно когда полусумасшедшие императоры, такие как Калигула или Нерон, жаждущие поклонения толпы, сами пускались в пляс, чтобы развлечь зрителей. Однажды Калигула созвал трех важных сенаторов посреди ночи. Они все подумали, что пришел их последний час. Однако император хотел лишь, чтобы они посмотрели, как он танцует. К закату империи, однако, налицо были признаки совершенно другого отношения. Приблизительно в 400 году н. э. Макробий уже всерьез вопрошал: «Вы когда-нибудь видели танцора, мужчину или женщину, на каком-нибудь пиру?» Его картина возобновленной умеренности и сдержанности в общественной жизни среди более рафинированных членов общества резко контрастирует с ярким обличением святым Иеронимом мирской жизни как самой греховной для того времени.

КУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Музыка

Пиршества и танцевальные выступления в долгие вечера взывали к музыке, еще одной форме искусства, которую римляне не слишком культивировали.

Римляне времен республики были гораздо менее чувствительны, чем греки, и большинство из них с радостью сбросило бы музыку со счетов как напрасную трату времени. Для свободнорожденного римлянина играть на музыкальном инструменте или петь считалось недостойным, но они были готовы терпеть выступления рабов или профессионалов в небольших дозах. Неудивительно, что римляне «старой школы» были основательно шокированы императором Нероном, «упражнявшимся в непристойностях... вплоть до постыдных для мужчины телодвижений и таких же песен», как описывает его Тацит. Среди сатирических стихов, распространенных в Риме, был один, повествующий, как персы натягивали тетиву, в то время как император брэнчал на струнах своей цитры. Маршевая музыка медных труб была им больше по вкусу. Эти трубы были как прямые (туба), так и изогнутые (корнет). Не существует латинского слова, обозначающего барабан. Флейты и свирели, тамбурины и цимбалы использовались в основном на религиозных процессиях и церемониях, таких как церемония почитания Иисуса. В древнеримской религии ранней республики имелись свои гимны или псалмы, но их музыкальное сопровождение вовсе не было выдающимся. Стихи обычно читались нараспев под аккомпанемент на лире, и в поздней империи, как мы видели, хозяева, дающие пиры, имели обыкновение развлекать своих гостей приятной музыкой на всем протяжении празднества.

Рис. 49. Уличные музыканты и музыкальные инструменты: 1 - свирель; 2 - кимвал (тарелки); 3, 4 - флейта; 5 - труба

Кроме как от уличных музыкантов и на некоторых театрализованных представлениях, религиозных праздниках, процессиях на играх и по великим торжествам государственного масштаба, римляне редко имели возможность слышать хорошую музыку, поскольку не было организованных концертов или музыкальных фестивалей, которые столь известны сегодня в западной культуре. Комические песенки и мелодии, услышанные в театрах, однако, «подхватывались», и их мурлыкали или насвистывали точно так же, как в Англии мальчишки-посылные напевали водевильные номера на улицах задолго до изобретения граммофона, который распространил популярные песенки по всей стране. Среди очень немногочисленных механических устройств, которыми владели римляне, был, как ни странно, орган, приводимый в действие силой воды. Это изобретение датируется второй половиной III века до н. э., и родиной его, как многих научных открытий греков, является Александрия. Это единственный вид механической музыки в Древнем Риме, сведения о котором сохранились, но он был доступен, вне всяких сомнений, лишь немногим богатым римлянам.

Ораторское искусство

Марциал был того же мнения, что и доктор Джонсон. Несмотря на все свои сентиментальные восхваления сельских радостей, они вскоре ему надоели до тошноты. Проведя в родной Испании три года, несмотря на то что он там женился на богатой даме, Марциал признавался своему другу, что скучает по аудитории, к которой привык в Риме, и чувствует себя адвокатом в заморском суде. Он писал, что если и было что-то приятное в его маленьких книжках, то этим они обязаны его слушателям, и чувствовал себя выброшенным на незнакомый берег потерпевшим кораблекрушение, ему не хватало пронизательных суждений, изобилия изобретательности, библиотек, театров, публичных собраний - всех тех удовольствий, от которых он неосознанно так много получал и которые так разборчиво отвергал прежде.

Очевидно, Рим был неплохим местом для любого, кто ценил интеллектуальную жизнь. Популярным развлечением было послушать людей, чья способность говорить с силой и убеждением и чьи знания закона демонстрировались в спорах перед судьей и присяжными на Форуме. Тонкие ценители достоинств истинного красноречия появились, таким образом, во времена республики, превратив изучение ораторского искусства в практику, гораздо более распространенную и лучше понимаемую, чем в наши дни. Хороший оратор к тому же производил сильное впечатление на толпу. Катулл, вернувшись с Форума в 54 году до н. э., писал, что он очень смеялся: его приятель Кальв блестяще выступал обвинителем против Ватиния, когда кто-то из толпы воздел в восхищении руки и сказал: «Боги, что за красноречивое ничтожество!» Как пронизательно указывал Тацит позднее, подобные случаи сплачивали все общество *en masse*[48], так что почти любого холодного как рыба оратора мог разогреть интерес возбужденной публики. «Публичному оратору полагаются аплодисменты». Во времена империи, однако, тяжбы зачастую слушались в тесных помещениях, где ораторскому таланту не было возможности показать себя. Тогда к тому же исчез величайший стимул ораторского искусства времен республики - произнесение политических речей в Сенате, в результате чего ораторское искусство резко упало с того высокого уровня, на который было поднято Цицероном и его современниками.

Рис. 50. Оратор

Еще одна причина упадка состоит в том, что законы становились все сложнее и запутаннее до такой степени, что стало почти невозможно сочетать обширные юридические знания с блестящей защитой. Тем не менее всегда происходило что-то, что могло привлечь аудиторию, располагающую некоторым разумным любопытством и свободным временем. К закату республики и во времена империи появилась мода посещать публичные рецитации, где поэты читали свои стихи. Видимо, они не были слишком популярными. «И

бывало ли, чтобы молва о чтении какого-нибудь на редкость замечательного произведения захватывала весь Рим? Тем более чтобы она дошла до провинций?» - вопрошает Тацит где-то в 85 году до н. э. Ювенал говорит поколение спустя:

...И если ты,
сетуя на убожество покровителей, сладостью славы
Пылкий читаешь, - тебе приспособит он для выступленья
Дом заброшенный, что уж давно за железным засовом,
С дверью, подобной воротам, замкнувшимся перед осадой,
Даст и отпущенников рассадить на последних скамейках.
Громкие даст голоса из среды приближенных, клиентов...

Книги и чтение

Будет неверно считать любовь к литературе незначительной среди очень здравомыслящих римлян в дни ранней республики на том основании, что, насколько мы можем судить, литература волновала лишь меньшинство.

Использование папируса, от которого произошла наша бумага, было важнейшим изобретением; как указывал Плиний Старший, блага цивилизованной жизни в значительной степени зависят от использования бумаги.

На рынках Рима продавалось много сортов писчей бумаги. Лучшая делалась из сердцевины папируса и называлась «hieratica», потому что использовалась исключительно для священных книг. Судя по Плинию, одному бывшему школьному учителю и вольноотпущеннику удалось сделать первоклассную бумагу из третьесортной сердцевины. Его бумага широко продавалась и была известна под названием фанниева (fanniana) бумага. Как нам известно от Катуллы, тогда, как и сегодня, использованная бумага применялась, по его словам, в качестве «обертки для макрели», а также в гигиенических целях (в туалетах).

Черные чернила, надписи которыми остались разборчивыми до сего дня, изготавливались из сажи, смолы, дегтя и чернил осьминога. Плиний свидетельствует, что в I веке н. э. чернила ввозились из Индии, хотя говорит, что не знает, как они изготавливались. Похоже, он перепутал их с фиолетовой краской индиго. Ручки обычно были из тростника или перьев, остро заточенных, подобно гусиным и индюшачьим перьям наших не столь далеких предков. Писателям требовалось небольшой сундучок, полный этих обязательных инструментов их ремесла. Стил - *stilus*, заостренная тонкая палочка из дерева, слоновой кости, камыша или металла - использовался для выцарапывания посланий, или *memoranda*, на покрытых воском деревянных табличках, которые скреплялись друг с другом шнурами, позволяющими поворачивать их как на шарнирах. Сенека говорит, что собрание таких табличек в старину называлось «caudex». Отсюда происхождение слова «кодекс», используемого позднее для обозначения книги со страницами вместо свитка.

Обычно свиток писался только на одной стороне столбцами длиной от 2 до 3 дюймов; в столбце было от 25 до 45 строк. Нормальный размер почерка обычно позволял написать приблизительно от 18 до 25 знаков (букв) в строке. В более качественных манускриптах большое внимание уделялось правильному соотношению полей сверху и снизу, а также расстоянию между колонками. Использовать обратную сторону для письма было невыгодной экономией, поскольку свитки были полупрозрачными. Тем не менее школьные упражнения в письме и счете можно было найти на оборотной стороне некоторых свитков. Один свиток обычного размера содержал целую книгу Библии длиной с Евангелие от Матфея. На длинное произведение, такое как полная история Ливия, потребовалось бы 142 свитка, что было слишком для библиотеки бедняка, как сетовал Марциал. Обращаться с такими «книгами» было очень неудобно. Для того чтобы найти необходимый отрывок или ссылку, нужно было разворачивать весь свиток целиком. Папирусное полотно не так

легко рвалось, как наша бумага, но трудно поверить, что оно смогло бы выдержать такое же постоянное использование, какое выдерживает книга.

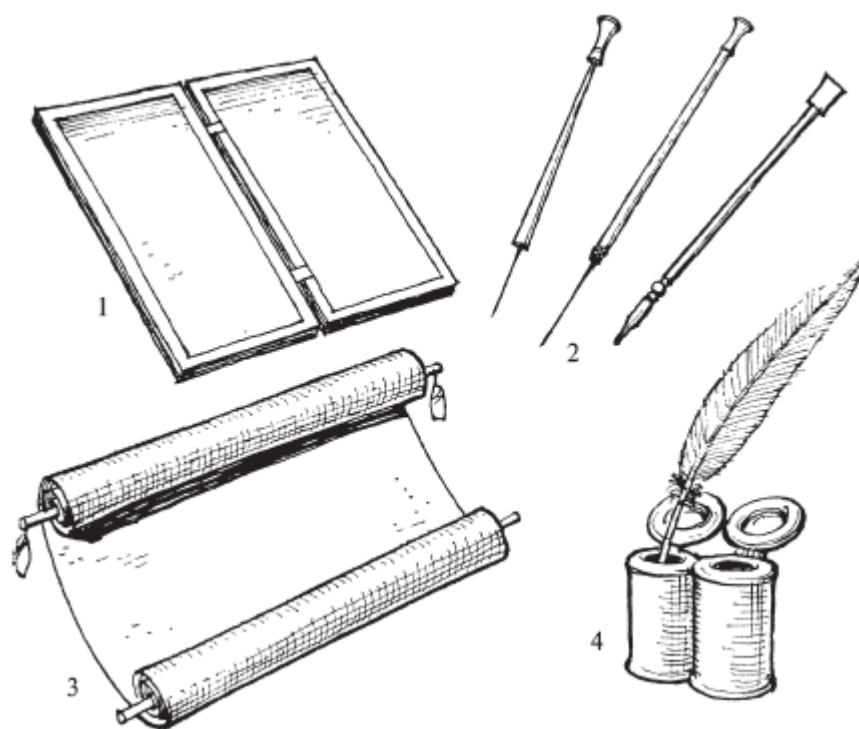

Рис. 51. Письменные принадлежности: 1 - восковые таблички; 2 - стиль; 3 - папирусный свиток; 4 - чернильницы и перьевая ручка

Вызывающей удивление стороной этих древних свитков, многие из которых (в большинстве написанные на греческом) сохранились в хорошем состоянии, извлеченные из египетских песков, была трудность их прочтения вследствие отсутствия знаков препинания и обычая переписчиков соединять все слова вместе без какого-либо пространства между ними. Они начинались без всякой титульной страницы, которая вставлялась в конец свитка, если вообще была включена, поэтому для получения такой нужной информации необходимо было развернуть весь свиток. Поскольку в Древнем Риме очки не были известны, стареющим ученым мужам приходилось отказываться от чтения по мере того, как они теряли способность фокусировать взгляд на мелком шрифте. Многие, кто мог бы стать ученым, не имели возможности это сделать, если у них было слабое зрение. Лишь в XIII веке в Европе появились очки.

Во времена империи для книг начали использоваться листы восковки или пергамента наряду с бумагой. Лучшие были сделаны из телячьей, овечьей кожи или из кожи козленка, очищенной, выскобленной, натертой до гладкости и отполированной мелом.

Тогда стали изготавливать книги новой формы из сложенных листов, сшитых вместе, codex, которая представляет собой ту книгу, которую мы знаем сейчас, из бумаги, как и из пергамента, и многие годы бумажный codex изготавливался наряду с пергаментным codex и конечно же свитками папируса. Пергамент был очень дорогим, поэтому книги, сделанные из него, были написаны маленькими буквами. Марциал удивлялся, как небольшой пергамент мог вместить великого Марона - копии произведений Вергилия в одном томе. Христианские авторы III века н. э. в основном использовали codex, который меньше изнашивался, особенно если был изготовлен из пергамента. Он мог содержать больше информации, и обращаться с ним было проще, чем со свитком. Четыре Евангелия и Деяния Апостолов легко можно было написать в одном codex, в то время как для них потребовалось бы пять отдельных свитков.

Безразличие древних римлян к книгам хорошо иллюстрирует тот факт, что только в I веке до н. э. частные библиотеки превратились в сильно желаемую военную добычу. Сул-

ла в 86 году до н. э. из Афин, а Лукулл в 67 году до н. э. с Ближнего Востока вернулись с ценным собранием книг. С этого времени это служило доказательством сильного и растущего интереса к книгам. Цицерон был неисправимым собирателем книг. К его времени книготорговцы начали открывать свои лавки в Риме, некоторые прямо на Аргилете[49], где Цицерон имел поместье. Его страсть к книгам разделяли немногочисленные друзья, среди которых был ученый Помпоний. Он заслужил имя Атик, под которым известен в истории, за свое увлечение всем греческим. Практичный и трудолюбивый, он обратил свою привязанность в денежную прибыль, покупая хорошо образованных греческих рабов и заставляя их работать переписчиками книг. Один из них диктовал текст копируемой книги, а вся команда рабов-переписчиков писала под его диктовку. Вот как близко подошли римляне к массовому производству книг и, кажется, преуспели в том, чтобы приумножить их число и сделать дешевле. Точно такой же способ производства книг сохранился во многих монастырях в Средние века.

Медленно, с течением лет, накапливалось огромное количество книг, и, поскольку многие были вначале ценной собственностью, образовался рынок не только в Риме, но и в провинциях Испании и Галлии. Выросло племя культурных и хорошо осведомленных книготорговцев, лавки которых привлекали литературно образованных людей почитать объявления о новых книгах, вывешенные снаружи лавок или на колоннах портика. С ростом количества книг стоимость многих текстов речей снижалась, и многие римляне наверняка познали радость от обнаружения редкого тома в лавке подержанных вещей.

Цицерон оставил множество свидетельств, особенно в письмах, своей всепоглощающей погони за книгами, которая прибавляла его жизни пикантности. Никогда прежде рассуждения на тему книг и литературы не были столь изящно выражены, чем в речи, которую он написал в поддержку просьбы своего друга Архия[50], поэта, в получении римского гражданства.

В отличие от других интересов и забав, которые подходят для определенного времени и места, а также для определенного возраста человека, культурные интересы и любовь к чтению всегда поощрительны: они придают силы молодым и очарование старикам, добавляют изящества благополучию и становятся верным убежищем и утешением во времена невзгод. Они доставляют нам наслаждение дома и никогда не обременяют нашу общественную жизнь, оказываются полезными во время бессонных ночей, в путешествиях и в деревне.

Осознавая, что его аудитория может счесть это странным, Цицерон добавляет: даже если мы сами не питаем таких интересов или находим их не по вкусу, в любом случае мы должны уважать их у других.

С тех пор ни одна усадьба не обходилась без библиотеки с полками или стенными шкафами для собраний разноцветных свитков. Тогда, как сейчас, богатые люди, явно без литературных интересов, покупали библиотеки напоказ, лишь для того, чтобы навлечь на себя презрение таких философов, как Сенека, который, сам будучи очень состоятельным человеком, проповедовал другим скромность и ограничения, осуждая тех, кто, не обладая элементарной культурой, владеет книгами не для учения, а для украшения своих столовых. По его словам, нет ни одного дома с претензиями, где не было бы собственной библиотеки с полками из редкого цитрусового дерева и слоновой кости от пола до потолка, а также ванн с горячей и холодной водой. Он исходил желчью, когда видел, что произведения божественных гениев покупаются лишь для того, чтобы украсить ими стену. Несмотря на такие обличения, нувориши упорствовали в этой привычке и, таким образом, поддерживали деятельность многих честных книготорговцев, усердие которых также шло на пользу истинным ценителям.

В Риме периода республики, как и в Англии почти до середины XVIII века, не существовало публичных библиотек, в которых можно было бы легко справиться с книгой. В первые годы новой империи Азиний Поллион, который помогал Августу на пути к власти, посвятил свои преклонные годы литературе. Перед своей смертью в возрасте 80 лет в 4 го-

ду н. э. он стал, цитируя Плиния, «первым, кто, создав публичную библиотеку, сделал гений образованных людей публичным достоянием». Очевидно, это было удачным и популярным шагом, поскольку Август присоединил библиотеку как с греческими, так и с латинскими произведениями к храму Аполлона, который построил на Палатине, а еще одну - к портику или аркаде, построенному им в память о своей сестре Октавии. Сменившие его императоры продолжили хороший пример, так что ко II веку н. э. только в одном Риме насчитывалось более 25 публичных библиотек. Можно было взять книги для прочтения дома и в более поздние века империи. В великих публичных термах также находились публичные библиотеки. Беспокойные дни поздней империи помешали дальнейшему увеличению числа или расширению библиотек, и людей с литературными наклонностями и интересами становилось все меньше и меньше до тех пор, пока к концу IV века н. э., как печально повествует Аммиан Марцеллин, из-за малочисленности читателей многие библиотеки были закрыты или тихи, как могила.

Когда мы спрашиваем, как далеко распространилась любовь к книгам и привычка к чтению среди простых людей, то ответ получить практически невозможно. Широкие массы не оставили писем или воспоминаний, и сохранилось очень немного сведений об их предпочтениях в чтении. Любопытно, что именно эти тайны дали нам ключ к разгадке. Как и многие другие, жители Помпеи имели привычку писать на стенах; кое-что сохранилось из того, что они писали, и было обнаружено после того, как разрушенный город был очищен от пепла и лавы. Школьники упражнялись, царапая на стенах слова из Вергилия; влюбленные по памяти цитировали то, что Овидий, Тибулл и Проперций писали в настроении «страсти нежной». Преобладают стихи, хотя римские поэты никогда не писали легко запоминающимися рифмами. Многие из таких надписей, возможно, выдержки по памяти из школьной программы, поскольку мальчиков и девочек заставляли читать известных римских авторов, таких как Плавт и Теренций, наряду с более многотомными произведениями драматургов, таких как Цецилий, Афраний, Пакувий, Аттий и другие, ни одно из произведений которых не дошло до нас. Может быть, они и не прочли целиком любовные стихи Катуллы, Проперция, Тибулла и Овидия в школе, но множество отрывков из их стихов появлялось на стенах.

Из того факта, что в Риме во времена империи было где-то от 20 до 30 публичных библиотек, а также существовала активная торговля книгами, мы можем сделать вывод, что, видимо, среднестатистический римлянин во времена империи в конечном итоге не так уж и сильно отставал от среднестатистического американца или британца в том, что касается его интереса к книгам и чтению. С самых ранних дней республики Цицерон дает понять, что римская толпа никоим образом не лишена была умения разбираться в литературе; она сразу же замечает фальшивую рифму и ценит складную фразу и возвышенные мысли. Когда впервые в 163 году до н. э. знаменитая строка из Теренция: «*homo sum: nihil humani a me alienum puto*»[51] - была произнесена в театре, зрители бешено аплодировали стоя. К тому же они были подготовлены, чтобы почитать истинный талант. Сохранились сведения, что, когда поэт Вергилий вошел, чтобы занять свое место в театре, все зрители как один поднялись со своих мест. Однако в целом им не дано было понимать тонкости, прекрасные чувства, более тщательно отобранные и выдержанные зрелые мысли и выражения, далеко идущие намеки. Литературные интересы так и не коснулись широких масс, особенно в сельской местности. Подарить книгу сельскому жителю, цитируя Сенеку - «вот пример глупого подарка».

ЗРЕЛИЩА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Среднестатистический римлянин не был лишен развлечений и увеселений: действительно, большим соблазном большого города была бесконечная последовательность всяческих зрелищ. Праздных римлян развлекали всякого рода странствующие артисты на углах улиц

и в общественных местах. Фокусники, шуты, жонглеры, гадатели, заклинатели змей, все время занятые своим ремеслом, старались получить несколько небольших монет или какое-то другое вознаграждение от праздных толп, которые заполняли улицы, рынки, сады и портики огромного императорского города. Они обычно соперничали со всевозможными попрошайками, в том числе с уличными артистами и певцами, среди которых, вероятно, мог быть и тот самый моряк, потерпевший кораблекрушение, который, потеряв свой корабль и свой груз, дошел до того, что, как выразился Ювенал,

...будет доволен лохмотьем - прикрыть продрогшие чресла,
Скудной едой, как погибнет корабль и он, потерпевший,
Асса станет просить и кормиться картиной крушенья.

Все эти развлечения были очень дилетантскими презренными забавами по сравнению с захватывающими зрелищами, бесплатно устраиваемыми для народа в театрах, амфитеатрах и на просторных беговых дорожках для конных состязаний.

«Хлеба и зрелищ!»[52] - сказал поэт Ювенал с уничижительным презрением в начале II века н. э., - вот только чем был обеспокоен среднестатистический римский городской житель. Подобно всем едким сатирикам, Ювенал преувеличивал. Римская толпа любила толкаться на Форуме и на рынках, теснясь в узких улочках, глаза на процессии, смотря уличные представления, слушая напыщенные речи адвокатов и вливаясь в поток жизни, текущий день за днем. Они получали удовольствие от послеполуденного посещения великих терм и смаковали чашу подогретого вина с водой, закуску и сплетни в маленьких распивочных или харчевнях, когда они могли себе это позволить, чтобы дополнить свой рацион из бесплатной пшеницы и каких-то объедков со столов богатых. Но в главном Ювенал был прав. Страсть к пышным публичным зрелищам к тому времени стала манией. Музыкальные и атлетические представления, а также театральные пьесы по греческим стихам занимали определенное место среди них, но неискушенный вкус масс жаждал более сильных впечатлений, о чем свидетельствует участь римского театра.

Сценическое искусство

Организованные развлечения в первые три века республики развивались довольно медленно. Театрализованные зрелища, которые не были из ряда вон выходящим событием среди греческих и этрусских соседей Рима, начали ставиться во временных театрах после того, как римские солдаты провели 20 лет на Сицилии во время первой войны с финикийцами. Остров был тогда поделен между карфагенянами и греками. После нескольких поражений греки объединились с римлянами, и римские легионеры впервые столкнулись с новой формой искусства в трагедиях Еврипида и комедиях Менандра. В первый год мирной жизни (240 г. до н. э.) в Риме была поставлена пьеса на латинском, которая разожгла вкус публики к большему. На протяжении последующих 150 лет были написаны почти все комедии и трагедии римской литературы. Но перед закатом республики театр как форма искусства был мертв. Не то чтобы комедии Плавта, Теренция, Аттия, трагедии Энния, Невия, Пакувия или позднее трагедии Сенеки являлись подражанием, поскольку большинство из них написано по греческим оригиналам, были лишены достоинств или остались не оцененными. Просто они не могли конкурировать с соперничающими формами развлечений, которые гораздо больше привлекали римскую толпу. Мимы, пантомимы и грубые фарсы до сих пор собирали толпы в театрах, но во время империи упоминание об «играх» (*ludi*), которые включали театрализованные развлечения, означало для большинства захватывающие гонки на колесницах в Большом цирке и, прежде всего, кровавые гладиаторские бои в амфитеатрах.

Гонки на колесницах

Гонки на колесницах пользовались чрезвычайной популярностью и, несмотря на то что были очень опасны, в них не было намеренной жестокости сражений человека с дикими зверями. Они проводились в одном из пяти-шести цирков императорского Рима, самым большим и старым из которых был огромный Большой цирк, длиной 600 ярдов и шириной 200 ярдов, способный вместить, после того как он был расширен во времена империи, четверть миллиона зрителей. Большинство сидело на деревянных сиденьях, возведенных позади передних рядов, которые были каменными и предназначались для дев-весталок, сенаторов и всадников. Неоднократно восстанавливаемый и перестраивавшийся, украшенный мраморными и позолоченными статуями, он был одной из самых величественных среди многочисленных достопримечательностей Рима. Четыре команды, которыми владели подрядчики, соревновались за благосклонность толпы - красные, зеленые, белые и синие, названные так по цвету одежд возниц, стоящих на хрупких двухколесных колесницах позади двух или четырех лошадей, обмотав вожжи вокруг тел. Им нужно было суметь быстро освободиться, перерезав вожжи, если колесница опрокидывалась. Страсти разгорались на стороне одного из этих цветов и могли разделять семьи и разрушать дружбу. Мужчины, женщины и дети начали стекаться в цирк еще до рассвета. Припозднившиеся не могли найти свободного места, если только они для этого не наняли какого-нибудь бедняка. Мужчины допускались только в тогах - символе гражданства, поэтому рабам вход был заказан. Звуки приближающегося оркестра возвещали появление правящего консула в колеснице со впечатляющей свитой из ликторов, слуг, легионеров и всадников, за которыми следовали лицедеи и множество колесниц. Певцы и жрецы, за которыми следовали курители фимиамы, несущие золотые и серебряные кадильницы, во главе с изваяниями богов и богинь, которых несли стоящими на носилках или едущими в колесницах - всех приветствовал гром аплодисментов. Появление императора в его величественной ложе послужило сигналом к новым восторженным крикам.

Когда консул взмахнул белым платком, первые четыре команды выдвинулись вперед, начать первый заезд, или *missus*. Каждый заезд состоял из семи кругов, колесницы должны были пройти приблизительно шесть миль. Обычно таких заездов было десять или двенадцать в день, но позднее, во времена империи, заездов стало столько, сколько можно было успеть провести от восхода до заката под жарким солнцем Италии.

Возницами обычно были рабы или люди низшего класса; выживали, если повезет, только очень умелые. Надгробный камень одного из наиболее знаменитых, Диокла (*Diocles*) (приблизительно 150 г. н. э.), повествует о его 3000 победах в гонках на колесницах, запряженных двумя лошадьми, и о 1462 победах на колесницах, в которые было впряжено более двух лошадей. Прежде чем уйти на покой в возрасте 42 лет, он победил ветеранов, некоторые из которых одержали больше побед, чем он. Один такой возница получил 50 кошелей золота за час, а еще один выходец из Северной Африки между 115-м и 129 годами н. э. приобрел более полутора миллионов сестерциев.

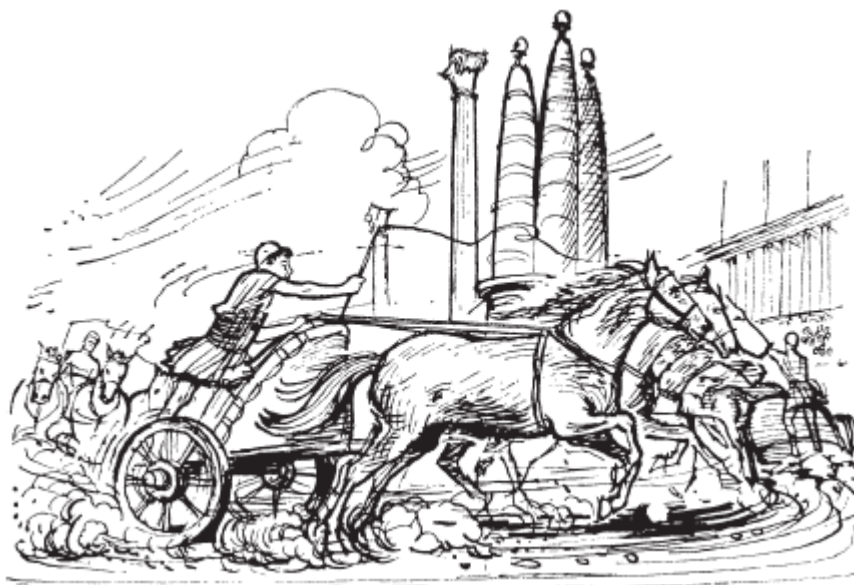

Рис. 52. Колесница, запряженная четверкой лошадей, огибающая один из поворотных столбов (мет) в цирке

Существовали таблицы заездов и таблички, рекламирующие лошадей и их возниц, поскольку обычай делать ставки, часто на большие деньги, был повсеместным. Поэт Марциал негодовал, что, в то время как его имя было никому не известно, кличка лошади-фаворита в упряжке была у всех на устах, а возницы стали любимцами общества.

До постройки первого амфитеатра в правление Августа Большой цирк использовался для смертельных сражений гладиаторов и травли диких зверей, развлечений, с которыми конкурировала, если не затмевала, популярная в народе забава - гонки на колесницах.

День в амфитеатре

В 80 году н. э. огромный овальный амфитеатр, известный сейчас как Колизей, был торжественно открыт императором Титом самыми щедрыми играми. Было объявлено, что они продлятся сто дней. Ожидались смертельные схватки между более чем 10 000 приговоренных к смерти и 5000 диких животных. На второй день должны быть конные скачки, а на третий - морская битва между 3000 человек на искусственном озере, в которое превращалась заполняемая водой арена. Не сохранилось полного описания того, что в действительности происходило, но мы можем проследить, по крайней мере в основных чертах, за воображаемым воссозданием такой сцены одним французским писателем.

В день открытия огромные толпы залили все улицы и переулки; люди толкались, пихались и протискивались, чтобы заполнить верхнюю половину огромного числа сидячих мест, окружающих гигантскую арену. Весь Рим находился здесь. Первые ряды заполняли сенаторы, жрецы, авгуры, магистраты и другие важные чиновники. Девы-весталки имели специальное почетное место напротив императорской ложи. Над первыми рядами теснились состоятельные граждане, занимающие высокое положение в обществе. Над ними, полностью заполняя второй и третий ряды и до самого верха, располагалась толпа, составляющая большую часть населения императорского города. Это зрелище предназначалось для них, поскольку весь амфитеатр и щедрые зрелища, устраиваемые там, предназначались для их развлечения. Легко возбудимые, шумные, с почти звериными инстинктами и страстями, не сдерживаемыми ни образованием, ни хорошими манерами или воспитанием, они беспорядочно теснились вместе - мужчины, женщины и дети - плачущие, кричащие, потеющие - в оглушающем нарастающем шуме под огромными распростертыми парусами, снятыми с мачт и подвешенными матросами в виде навеса по всему периметру

амфитеатра для защиты от солнца. Те, кто находился в верхних рядах, сидели словно в парнике. После торжественной длинной процессии, состоящей из гражданских сановников, жрецов, выступающих вместе с изображениями богов, вход императора Тита через арену послужил сигналом к возобновлению бешеных аплодисментов беспокойной толпы. Прозвучали наводящие ужас звуки фанфар. Игры начались. Грубая акробатическая пантомима, за которой следовало выступление нескольких невероятно ловких фокусников, не произвела большого впечатления. Их искусство потерялось в огромной толпе, большая часть которой находилась слишком высоко, чтобы разглядеть происходящее во всех подробностях. Более впечатляющими были 12 квадриг цирковых наездников; каждый стоял расставив ноги на паре лошадей, управляя другой парой, запряженной впереди, бешено скачущей друг вокруг друга и кругами по арене. Ни они, ни выступление дрессированных животных, которое последовало за ними, не вызвали особого энтузиазма у зрителей, которые начали терять терпение. Эти предварительные мероприятия быстро закончились. Пришла очередь гладиаторов, людей, натренированных для сражений, давших гладиаторскую клятву принять смерть от огня, в цепях, под хлыстом или от меча во выборе их хозяйина и повиноваться, как следует настоящему гладиатору.

Резкий звук фанфар возвестил о выходе двух отрядов по 24 гладиатора, вверенных заботам двух прославленных тренеров, бывших гладиаторов, которые, покрытые шрамами и искалеченные, каким-то образом пережили свою славу многочисленных сражений. По традиции двадцать четыре тяжело вооруженных, как древние самниты, заклятые враги Рима, противостояли двадцати четырем легко одетым и легко вооруженным «фракийцам», каждый с обнаженной грудью, с небольшим круглым щитом и острым кривым кинжалом, несущим смерть, словно бивень дикого кабана. Как приличествовало такому потрясающему случаю, наколенники, металлические шлемы и оружие всех гладиаторов были самыми затейливыми и ярко начищенными. Оба отряда быстро промаршировали перед императором, сидящим в своей великолепной императорской ложе, и кричали все как один: «Аве, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!»

Первая стычка была просто турниром с тупым оружием, но зрители недолго это терпели. Толпа вопила, требуя окончания сражения *sine missione*. Принесли другие мечи и кинжалы с блестящими острыми лезвиями, и некоторые были поднесены императору, чтобы не было сомнений в их остроте. Тогда началась серьезная схватка. Сверкание мечей, лязг стали и первые раны разожгли страсти, ненависть и безрассудную ярость гладиаторов и воспламенили кровожадность толпы. Крики, вопли и визг зрителей сливались в гигантское бурное крещендо, когда «самниты» один за другим падали со вспоротыми животами или перерезанным горлом, откуда фонтаном лилась кровь, и «фракийцы», один за другим, падали с пронзенной самнитским мечом грудью.

Было брошено подкрепление, чтобы восстановить равновесие сил и увеличить кучу истекающих кровью, корчившихся тел на посыпанной песком арене. Наконец толпа пресытилась кровавым зрелищем. Немногочисленные оставшиеся в живых удалились, чтобы получить свои лавровые венки, причитающиеся им кошель с золотом в предвосхищении поклонения Рима. Группы маленьких человечков выбежали на арену с веревками и металлическими крючьями, чтобы оттащить тела умерших и раненых в покойницкую, где извлекалось и сортировалось ценное оружие и доспехи. Задыхающихся, окровавленных, стонущих раненых прикончили - ведь искалеченный гладиатор никому не нужен, и даже если его удастся выводить, он может оказаться непригодным к дальнейшим сражениям. Затем тела погрузили на повозки, чтобы отвезти и свалить в безымянную общую могилу.

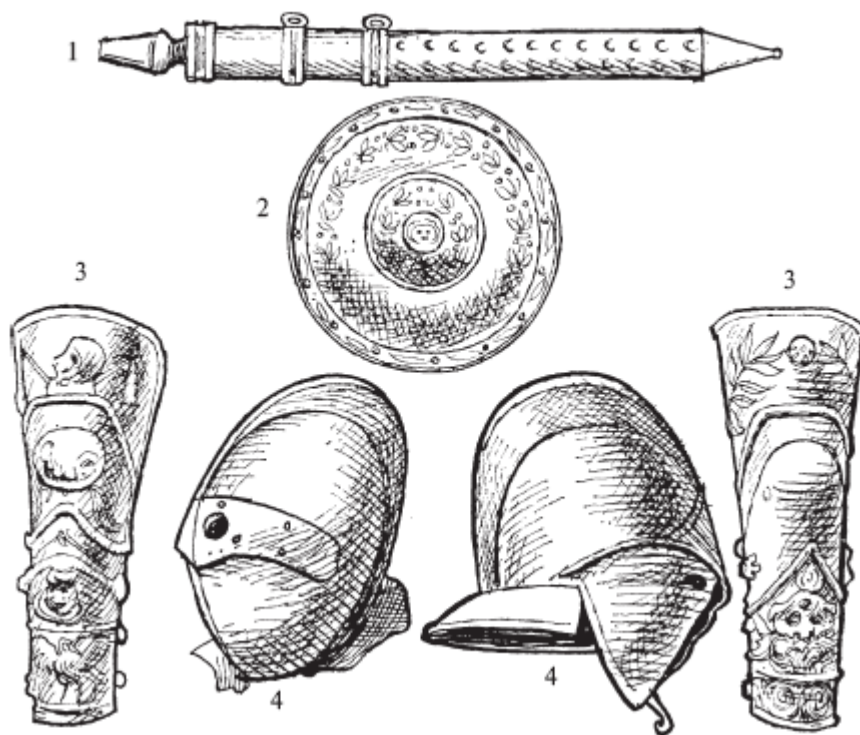

Рис. 53. Гладиаторские доспехи: 1 - меч в ножнах; 2 - щит; 3 - ножные латы; 4 - шлемы

Тем временем отряды рабов разбрасывали свежий песок поверх пропитанного кровью поля битвы, названного ареной от латинского слова «песок» - *arena*. Тут под шквал аплодисментов своих болельщиков на конях выехали два знаменитых гладиатора. Оба были победителями во многих битвах, кумирами толпы. Они представляли собой зрелище, которое приводило толпу в исступление до тех пор, пока одна из лошадей не рухнула на арену от жуткой глубокой раны. Ее наездник, катавшийся по песку, был повержен еще до того, как успел подняться на ноги. Наступив ногой на шею распростертого человека, его противник замахнулся мечом. Сохранят ли побежденному жизнь, или его ждет смерть? Толпа утолила первую жажду крови, наблюдая за схваткой «самнитов» и «фракийцев». Девы-весталки и император подняли руки вверх. Их призыву к милосердию обычно следовали, и двум героям сохранили жизнь, чтобы они могли сразиться снова. Когда они ушли с арены, несчастного коня, бьющегося в агонии, оттащили прочь, оставляя темные следы крови на песке.

Последовало нечто ранее невиданное. Страусы и жирафы, которых немногие римляне видели раньше, были выпущены после продолжительного содержания в неволе. Почувяв свежий воздух и наслаждаясь вновь обретенной свободой, они стремились воспользоваться свободой перемещения и радостно принялись бегать кругами по арене, к огромному удовольствию толпы. Это была краткая передышка. Отряды лучников выбежали на арену, и кровавая резня началась. Раненые и напуганные животные разбежались во всех направлениях под свист летящих и попадающих в цель стрел, тщетно стараясь спастись, от чего их отделяли безжалостно высокие стены арены. Вскоре арена была усыпана мертвыми и умирающими животными. Крючья и веревки некоторое время были заняты тем, что оттащивали животных, чтобы освободить пространство для двух слонов, к чьим бивням были приделаны длинные острые железные пики. Под громоподобный топот и оглушающий трубный рев последовала отчаянная битва натравливаемых друг на друга зверей. Наконец одному удалось вспороть брюхо своему противнику и таким образом закончить схватку. Рабы внизу все еще отчаянно трудились, расчищая арену от мертвых жирафов и страусов. Вывели приговоренного к смерти преступника, чтобы победивший слон привел приговор в исполнение. Бледный от страха и парализованный от сознания, что спасения нет, ощущая на себе взгляды всего Рима, несчастный бросился на песок, словно в надежде, что

слон пожалеет его. Все еще разъяренный, задыхающийся и трубящий после этой ужасной схватки, огромный зверь вскоре увидел его, и в мгновение ока огромная нога раздавила его череп, словно орех. Тогда оставалось лишь прикончить победившего слона.

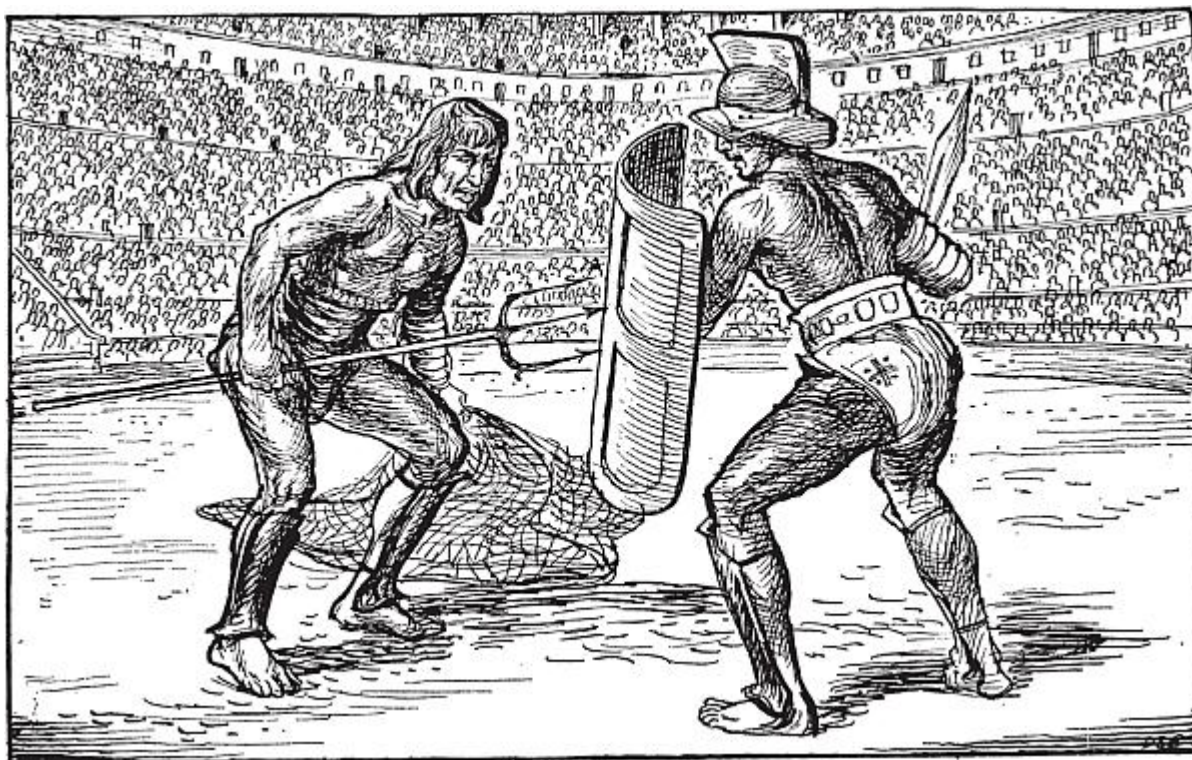

Рис. 54. Колизей: схватка между ретиарием и мирмиллоном

После этого вернулись лучники, чтобы взбесить огромное животное сотнями стрел, которые застревали в его шкуре, словно огромные дротики, в то время как животное, обезумев, пыталось отомстить за себя. Кровь лилась из сотен ран. Зрелище, казалось, слишком затянулось, испытывая терпение толпы, поэтому быстрый удар копья в уязвимое место сумел положить ему конец. Оттащить двух мертвых слонов вначале было за пределами сил служителей с веревками и крючьями. Быстро нашли лошадей с подводами, а нетерпеливая толпа все это время хрипела, свистела и выкрикивала оскорбления, требуя еще гладиаторов.

Шесть ретиариев (*retiarii* - рыбаки), вооруженных лишь острым зазубренным трезубцем и сетью, вышли, чтобы противостоять равному количеству мирмиллонов (*mirmillon* - рыбка), названных так из-за узора в виде рыб на их шлемах, вооруженных коротким широким мечом, овальным щитом и металлическими нарукавниками и наколенниками. Те, кто запутывался в умело брошенной сети, вскоре были оставлены умирать, истекая кровью от многочисленных ран, но некоторые мирмиллоны оказывались легкими жертвами, даже когда сеть бросали неудачно. После напряженных схваток, к иступленной радости зрителей, осталась только один из мирмиллонов и один ретиарий, огромная горилла, а не человек, гора мускулов без проблеска ума, судя по низкому лбу, любимец толпы, гордость и радость Рима, победитель сотни сражений, чье сверхъестественное умение обращаться с сетью, казалось, гарантировало ему непобедимость. Одиноким мирмиллоном оперся на свой меч, словно в презрении и отвращении. Отказываться от боя было непростительно, и посылались крики «Трус!». Побуждаемый к действиям, он бросился в атаку с большой ловкостью, отражая сеть раз за разом, и в конце концов хвастливый громила сдался на милость победителя, катаясь по песку и умоляя толпу сохранить ему жизнь. Этот новый и неожиданный поворот, который приняла битва, переполнил терпение толпы, которая не знала милосердия. Толпа была готова сделать героем новичка, который, когда его шлем был снят, оказался светловолосым и очень красивым галлом. Все больше рук начали опус-

каться вниз. Сомнений о приговоре быть не могло. Приговор взывал к быстрому удару, оставившему еще один труп, который оттащат с арены вместе с остальными, и вместе с ними легендарный герой исчезнет с римской арены.

Перевалило за полдень. Неужели захватывающие зрелища будут продолжаться? Запертые на засов двери открылись; две или три сотни жалких, плохо одетых людишек всех возрастов согнались в центр арены, и двери закрылись за ними.

«Евреи! Евреи! Смерть евреям!» - орала толпа. Это были пленниками, захваченные Титом в войне с мятежной Иудеей и во время разрушения Иерусалима. В качестве рабов их силой заставляли крутиться до изнеможения, помогая закончить строительство того самого амфитеатра, в котором они должны были умереть. Под стенания, вопли и рев толпы открыли запертые на засов двери по другую сторону арены, выпуская львов-людоедов и тигров, которых долго не кормили. Звери ринулись вперед, чтобы броситься на легкую, безоружную добычу.

Свет начинал блекнуть и отбрасывать более длинные тени на арену до того, как началась медленная работа по ее расчистке. Толпа уже расходилась, когда уносили горы трупов, чтобы армии рабов смогли начать приготовления к кровавым убийствам на следующий день. Этот день был только началом. На протяжении последующих 14 недель продолжалась кровавая резня, которая сохранилась в памяти римлян как один из самых прославленных праздников. Так шло год за годом, веками не прерывая цепочку сцен жестокости и кровопролития, которые, видимо, никогда не надоедали римлянам и иммигрантам, ставшим римскими рабами.

Глава 7

РЕЛИГИЯ

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Цицерон говорил, что римляне обязаны своим превосходством над всеми другими народами тому, что они набожны и религиозны и столь мудры, что верят в то, что духи богов главенствуют и направляют их в жизни. Римские обряды и верования принимали две основные формы. Одной было домашнее поклонение духу или гению семьи, и особенно ее главе, очагу и дому. Другой - отношение общества к богам и богиням, коими, считалось, управляется и контролируется судьба и благосостояние римского народа в целом. Юпитер, Марс, Аполлон, Меркурий и Нептун были главными богами; Юнона, Веста, Минерва, Церера, Диана и Венера - главными богинями. Храмы, жрецы и священные обряды обеспечивались государством с особой целью быть посредниками перед богами. Обычный римлянин или римлянка играли не слишком важную роль в таких обрядах. В то время как устраивались и исполнялись такие церемонии, обязанностью обыкновенного гражданина было не вмешиваться и не устраивать никаких беспорядков и воздерживаться от любых деловых начинаний.

Римляне поддерживали свою религиозную веру, поскольку они с ней выросли в своих домах. Сила этой веры не во многом зависела от посещений храмов или от служб, проводимых жрецами, потому что каждый дом, каким бы бедным он ни был, имел свою домашнюю святыню и алтарь, перед которым происходило ежедневное поклонение. Эти святыни и небольшие скульптурные изображения на них семейных ларов, духов-хранителей дома, уже упоминались в главе 2, так как они были частью семейной жизни римлян. Также были лары перекрестков, которым поклонялись вне дома и бездомные или те, кто был слишком беден, чтобы иметь собственные фамильные святыни. «Тысячу ларов, - говорил

Овидий, - город имеет»; им поклонялись вместе со статуей, посвященной гению Августа, первого императора, который много сделал, чтобы возродить древние религиозные обряды. Сам город имел собственных ларов, «...близнецов, что блюдут перекрестки, град охраняя у нас», по описанию Овидия. Их старинный алтарь, возведенный Августом, находился на пути по Священной дороге к Палатинскому холму. Его основание рядом с аркой Тита сохранилось до сих пор, и там можно найти надпись: «Lares Publici». Город Рим также имел собственных пенатов, размещенных в маленькой молельне на Велии[53].

Рис. 55. Алтарь Августа и лары

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ

Греки считали, что боги и богини обитали на вершине горы Олимп, потому что она, хотя высота ее не превышала 10 000 футов, была самой высокой вершиной Греции. Римляне еще в древности переняли это верование, придерживались его и старались всячески его сохранить. Но к закату республики и на восходе Римской империи немногие образованные римляне, видимо, сохранили искреннюю веру в существование богов. Если поэт Овидий - наглядный тому пример, то они полагали, что поддерживать верования народа не так уж плохо.

Выгодны боги для нас - коли выгодны, будем в них верить,
Станем на древний алтарь и возливать и кадить, -
говорил он.

Эти боги и богини обитали в храмах, где были обычно представлены в виде статуи, которая в древности могла являть собой грубую деревянную фигуру, но позднее - изысканное произведение искусства в мраморе, разрисованное красками и украшенное золотом, серебром и бесценными драгоценными камнями.

Храмовые культы не были существенной составляющей римской жизни. В противном случае трудно было бы понять, почему Августу пришлось восстанавливать 82 храма, которые рухнули от времени или были уничтожены пожаром. В пределах города их насчитывалось около ста, что не так уж много для столицы с огромным населением. С точки зрения архитектуры план этих зданий был очень прост. Некоторые были довольно небольшими, в то время как самые большие обычно состояли лишь из одного длинного помещения, вмещающего статую (иногда очень больших размеров) бога или богини под сводчатой крышей, которую поддерживали ряды высоких колонн из камня или мрамора, обрамляющие внутреннее помещение, или святилище, со всех сторон. Изящество коринфских колонн, скульптурные украшения по фризу и по антаблементу над входом (все раскрашенные или позолоченные), скульптурные колесницы богов и богинь с впряженными в них

лошадьми с четырех сторон и на вершине крыши, мраморные ступени входа - все задумано, чтобы придать храмам важный, блистательный и впечатляющий внешний вид.

Что же происходило внутри храмов? Об этом сохранилась весьма скудная информация, и то, что мы можем собрать по мелочам, относится скорее к мирским целям, которым они служили, чем к их религиозному использованию. С очень давних времен в храмах размещалась государственная казна. Юлию Цезарю после того, как он захватил власть, пришлось прибегнуть к угрозе убить храмовых стражей, прежде чем он смог наложить руку на общественную казну. Храмы также были национальными музеями искусства и скульптуры, поскольку многие произведения самых известных греческих авторов, которые привозили в Рим в качестве военных трофеев, были размещены в храмах. В поисках ценных предметов искусства обыскивали всю Грецию, поэтому Рим определенно был хранилищем изумительных драгоценностей, украшений, мебели, чаш, ваз, золотой и серебряной посуды, изделий из бронзы, статуй и картин, представляющих любой период греческого искусства. Если Плиний Старший был прав, видимо, немногие римляне располагали временем, чтобы ходить и смотреть на все эти замечательные вещи. Он говорил, что в Риме действительно собрано множество произведений искусства, но, несмотря на всю их красоту, они скоро канут в забвение из-за их огромного количества и поскольку дела и другие обязанности требуют времени, а для того, чтобы восхищаться ими так, как они того заслуживают, необходим покой и досуг. Частным лицам также дозволялось отдавать на хранение золото, серебро и деньги в храмы, где их складывали в подвалы. Вот почему одним из первых шагов победившего врага-захватчика было разграбление храмов своих побежденных жертв.

Римский Сенат часто заседал в храме, поскольку он не мог на законном основании рассматривать общественные дела нигде, кроме как в прямоугольном здании, формально «освященном» авгурами. Поэтому наверняка в храме были установлены сиденья или скамьи. Видимо, храм был каким-то образом меблирован, и балки крыши были деревянными; в противном случае трудно представить, что пожар мог разрушить такие храмы, а нам известно, что некоторые действительно погибли в огне, включая великий храм Юпитера Капитолийского. Ничего похожего на религиозные службы в том виде, как они нам известны, в которых могли принимать участие все верующие как один, по-видимому, в храмах не проводилось. Любые установленные виды молитв, гимнов или песнопений исполнялись «соло» официальными жрецами, секретом которых они и остались. Многие церемонии, такие как толкование предзнаменований и принесение жертв богам, в большинстве случаев проводились вне стен храмов в специальных святилищах или алтарях. Столь же важными, как жрецы, были 16 авгуров, обязанностью которых было по знакам на небе говорить, понравилось или не понравилось богам какое предложенное действие. Эти знаки читались либо по полету птиц, либо по раскатам грома, либо по тому, как священные цыплята клевали свой корм. Эти авгуры составляли несколько высшую «коллегию» (что значит люди, избранные на должность вместе с другими), чем гаруспики, которым полагалось уметь объяснять сверхъестественные знаки посредством изучения жизненно важных органов, таких как печень животных, принесенных в жертву жрецом. Эти до некоторой степени магические приемы были заимствованы римлянами у этрусков. Все это длилось довольно долго даже в эру христианства. Но ни авгуры, ни гаруспики не могли применять свою «магию» без соизволения на это председательствующего гражданского магистрата.

Когда религиозные римляне заглядывали в храм, чтобы поклониться богу или богине, которым он был посвящен, то обычно имели в виду нечто практическое - какое-то личное одолжение или выгоду.

Они приходили и, по-видимому, жгли благовония. Молящиеся стояли с перевернутыми ладонями. Иногда они подходили как можно ближе к статуе бога, чтобы прошептать свои просьбы - ноги некоторых статуй носят следы поцелуев поколений преданных верующих.

Рис. 56. Животные, которых ведут, чтобы принести в жертву

Довольно часто встречающейся практикой, особенно если люди обращались с какой-то необычной просьбой, как, например, излечиться от какой-то серьезной болезни, было провести ночь в храме. Из руин храмов и святилищ извлечены таблички с записями благодарностей за излечение от всяческих болезней; кроме платы за вход, благодарный проситель за божественную помощь также приносил жертвы и благодарственные дары храмам. Огромное число мелкого и крупного рогатого скота, большие пожертвования и милостыня, а также другие благочестивые дары пополняли благосостояние храмов и увеличивали доходы жрецов и смотрителей, многие из которых богатели. Из-за скептицизма искушенных писателей и равнодушного отношения многих общественных деятелей к этим популярным проявлениям религиозного рвения мы не должны закрывать глаза на тот факт, подкрепленный бесчисленными доказательствами в таких надписях, что, несмотря на привлекательность беспорядка соперничающих друг с другом верований, религий и предрассудков, очень многие римляне вплоть до II и III веков н. э. все еще сохранили по большей части религиозное рвение своих предков.

ПРАЗДНЕСТВА И ИГРЫ

Кроме этих формальных обрядов в римских домах и у публичных алтарей перед храмами религиозные чувства римлян выражались в очень большом числе народных праздников и игр. Фактически игры начались как часть народной религиозной церемонии римлян, судя по упоминаниям о предполагаемом участии в них богов и богинь города. Однако ко времени Марциала или Ювенала толпы, заполняющие улицы, театры и цирки, имели слабое представление или мало интересовались тем, какой церемониальный смысл мог лежать когда-то в играх; тем не менее древние традиции, вдохновляющие их, поддерживались. Религиозные чувства, лежащие в основе игр, казалось, были особого и ограниченно-го сорта, естественным и сильным желанием сохранить и поддерживать жизнь - личную жизнь верующих в отдельности, жизнь римского народа в целом, а также щедрость и плодородие природы. Считалось, что все это в руках богов и богинь, наиболее всесильным из которых посвящались ежегодные праздники.

Многие римляне сами не ведали об этом древнем религиозном аспекте своих явно мирских старинных игр и праздников, поэтому случилось так, что игры, устраиваемые изначально для того, чтобы возблагодарить богов и отдать им почести, вскоре опустились до очень низкого уровня удовлетворения низких страстей голодной, невежественной, ленивой и праздно толпы.

В древности традиционный римский новый год начинался 1 марта, когда девы-весталки вновь разжигали священный огонь в очаге Весты и общественные здания украшались свежим лавром. Поддерживались старые обычаи примитивных приготовлений к войне, такие

как танцы салии и традиционные скачки и пышная военная церемония. В марте также был старинный праздник Анны Перенны (Anna Perenna - от «annus» - «год» и «perennis» - «вечный, непрерывно длящийся») - богини наступающего нового года. Очаровательные зарисовки простых людей Рима, празднующих такие древние церемонии, можно найти в том, что осталось от поэмы Овидия «Фасты». Здесь же можно лишь вкратце перечислить наиболее значимые праздники в римском календаре. Мегалезии (ludi Megalenses) проводились между 4 и 10 апреля в честь Кибелы, великой матери богов, изваяние которой было внесено в Рим в 204 году до н. э., что сопровождалось неординарными сценами иступленного восторга и массовой истерии: в том году процессии, пост, очищения и другие религиозные церемонии продолжались 12 дней. После 191 года до н. э. Мегалезийские игры проводились ежегодно. Сразу за ними следовали цералии (ludi Ceriales) в честь Цереры, древней италийской богини произрастания и созревания злаков, чей праздник и игры были самыми древними. Они длились с 12 по 19 апреля. Флора, богиня цветов, почиталась празднествами с 18 апреля по 3 мая. Ее праздник был исключительно веселым карнавалом: столы были завалены цветами, а люди, увенчанные венками из цветов, танцевали вокруг. По словам Овидия, флоралии (ludi Florales) отмечались разгулом:

Богиня идет в венках многоцветных.

Сцена открыта опять вольностям шуток срамных.

Чтите богиню цветами! Цветы желанны богине!

Нежным цветочным венком все обвивайте чело.

Неделя цветов заканчивалась 3 мая. С этого дня забота об урожае и работа в полях обычно предъявляли суровые требования, и римляне были вынуждены ждать целых семь недель до своих следующих игр.

Эти празднества отмечались в честь Аполлона. Ludi pollinares начались по предложению оракула в 212 году до н. э. Проводимые между 6 и 13 июля ежегодно, они были веским основанием для устройства травли диких зверей и гонок на колесницах в цирке, а также для пантомим и представлений в театрах. Ludi Romani, Римские игры, длящиеся с 4 по 19 сентября, возникли в легендарные дни римских царей и проводились в честь Юпитера, бога - покровителя римского народа. Последним большим религиозным праздником в традиционном римском году, отмечавшимся играми, были Плебейские игры, Ludi Plebei. Берущие начало с 220 года н. э., эти празднества проводились с 4 по 17 ноября. Единственные среди больших всенародных праздников, они не имели на то особых религиозных оснований, но, подобно Римским играм, стали веским основанием для великого празднества в честь Юпитера.

Самый известный из всех декабрьских праздников - сатурналии - Saturnalia. Проводимый изначально как однодневный праздник, отмечаемый 17-го числа, когда заканчиваются осенние посевы, он продлевался до тех пор, пока не стал длиться семь дней. Урезанный Августом до трех дней, этот праздник позднее продолжался пять дней. Весь Рим, по словам Сенеки, сходил с ума. Церемонии начинались довольно спокойно, когда облаченные в тоги высокопоставленные римляне посещали публичное жертвоприношение в храме Сатурна рядом с Форумом. Затем следовал пир, на котором сбрасывали тоги и облачались в туники или праздничные застольные одеяния синфесис - synthesis. В следующие дни сатурналий не обходилось без молочного поросенка, как английское Рождество не Рождество без индейки или ростбифа и пудинга с изюмом. Домашним рабам прислуживали их хозяева, словно вернулся золотой век, когда все люди свободны, но шуточный «царь сатурналий», избираемый, чтобы осуществлять руководство пиром, возможно, был напоминанием того, что во время сатурналий все переворачивалось с ног на голову.

Поэт Марциал был типичным городским жителем Рима, и вполне ясно, что надежды на ценные подарки от богатых возрастали в декабре, когда друг другу дарили столовые салфетки и изящные ложки, тонкие восковые свечки и узкогорлые кувшины, полные вяленого чернослива. Соленая рыба, колбасы, бобы, маслины, инжир, чернослив, орехи, дешевое

вино были обычными подарками, но Марциал, который мог временами быть безобидным попрошайкой, дает понять: он всегда надеялся на нечто более ценное, такое, как дар в виде серебряных блюд и древних кубков. Однако, несмотря на все презрение к тем, кто не оправдывал его ожиданий, он действительно познал одну великую истину, и удивительно, что она была написана рукой прозаичного римлянина: «Единственное богатство, которое останется у тебя навсегда - это то, что ты отдаешь» (*Quas dederis solas semper habebis opes*).

Рис. 57. Жрец

В январе и феврале римляне соблюдали некоторые традиционные религиозные обряды, такие как почитание Януса, бога - охранителя входов и выходов в города и дома, а также начала всех вещей и дел. В стародавние дни ему молились в начале каждого дня, месяца и года. В его честь назван месяц январь. В этом же месяце, 11 и 15 января, также почитали предрекательницу судьбы новорожденных Карменту.

Февраль для отцов-основателей Римской республики был месяцем оживленной работы в полях, однако находилось время для нескольких религиозных праздников, которые, по-видимому, почти не имели отношения к трудам земледельцев. 21 февраля было народным праздником, когда, как на День всех святых в католических странах, поминали и чествовали умерших. «Ублажайте отчие души», - говорил Овидий об этом дне.

Маны немногого ждут: они ценят почтение выше
Пышных даров. Божества Стикса отнюдь не жадны.
Рады они черепкам, увитым скромным веночком,
Горсточке малой зерна, соли крупинке одной,
Хлеба кусочку в вине, лепесткам цветущих фиалок:
Все это брось в черепке посередине дорог.

Эти обряды были кульминацией церемоний, которые начинались 13 февраля, и сразу же за ними следовал день воссоединения семьи - 22 февраля, каристии - *Caristia*. Название произошло от слова «дорогой» - *care*, встреча любящих родственников очень естественно перетекала в обряд почитания их общих предков.

Память усопших почтив и родных посетивши могилы,

Радостно будет к живым взоры свои обратить
И посмотреть, сколько их после всех умерших осталось,
Пересчитать всю семью, весь сохранившийся род, -
писал Овидий.

Это был день всепрощения, улаживания ссор и укрепления семейных уз в присутствии домашних богов ларов, с которыми делили праздничный обед.

Во время ежегодных церемоний в честь умерших 15 февраля в Риме соблюдался еще один странный ритуал, происходивший в гроте с названием «Луперкаль». Он находился у подножия крутого Палатинского холма с юго-западной стороны, в месте, где предположительно волчица вскармливала Ромула и Рема, основателей Рима. Год за годом с незапамятных времен вплоть до последних дней христианского Рима на празднике луперкалии - Lupercalia, проводимом в этот день, приносились в жертву собака и несколько коз, а также дары в виде пирогов, изготовленных девами-весталками из колосьев пшеницы предыдущего урожая. Затем два юноши благородного происхождения мазали лбы кровью с ножа, которым резали жертвенных животных, и смывали ее шерстью, обмоченной в молоке. Тогда им полагалось смеяться. Завернувшись в шкуры принесенных в жертву коз, они устраивали изобильное пиршество, после чего во главе двух команд начинали ритуальный бег вокруг основания Палатинского холма. По пути они хлестали всех встречавшихся женщин ремнями, вырезанными из шкур жертвенных коз. Эти ремни назывались «februa» (что значит «очищать»), от этого слова и произошло английское название месяца февраля - «February».

Квириналии (Quirinalia) в честь бога войны Марса, терминалии (Terminalia) - праздник в честь бога границ Термина, регифугиум, или «бегство царей» (Regifugium), - в память, как считали римляне, о бегстве последнего царя Тарквиния, и эквирии (Equirria) 27 февраля - конные скачки в честь Марса, были последними церемониями, завершающими старый римский год.

Имея такое большое количество праздников, ясно, что римляне не испытывали недостатка в развлечениях в любое время года. В конце республики 66 дней в году было посвящено играм; ко времени Марка Аврелия (161 - 180 г. н. э.) их было уже 135, а ближе к концу империи, в 354 г. н. э., - 175, что означало, что римляне могли проводить по полгода в цирке или амфитеатрах. Но при всем при этом мы перечислили чуть больше празднеств, чем существовало религиозных праздников, которые отмечались играми. Существовало много других праздников, празднование которых ограничивалось церемониями, процессиями и пирами. Но хотя не все римские праздники сопровождалось зрелищами, во времена империи именно те, что обещали возбуждение от гонок на колесницах в Большом цирке и гладиаторских боев в амфитеатре, были так любимы римской толпой.

АСТРОЛОГИЯ

Невозможно дать адекватное описание всех подводных течений смешанных традиционных верований, древних обрядов и обычаев, новых завезенных религий и старых предрассудков, наводнявших Рим за тысячу лет. Однако следует рассказать об одной суеверии, широко распространившемся на некоторое время среди правящих классов и всех тех, кто находился в их непосредственном подчинении и под воздействием их личных примеров. Это была вера в астрологию, которая росла, вопреки противостоянию старинных римских аристократов. Они презирали и считали вздором притворство астрологов, что они могут предсказывать будущие карьеры и судьбы людей на основании расположения звезд во время их рождения. Первые заигрывания с астрологией сильно не одобрялись. В 139 году до н. э. астрологов выслали из города по приказу одного из римских преторов. Вскоре после этого политические распри стали еще более жестокими. Пока римские общественные деятели убивали друг друга в этих затянувшихся конфликтах, число рабов в городе и стра-

не быстро возрастало, и городские массы, видимо по этой причине, все меньше и меньше надеялись изменить к лучшему свою тронутую нищетой жизнь. Астрология и другие суеверия попали на благодатную почву среди этого нищего и невежественного народа. Управляющим загородными имениями запрещалось советоваться со странствующими астрологами и гадалками, которым, как предлагал Цицерон, следовало бы получать свою скромную плату за услуги из тех самых богатств, которые они с такой готовностью прочили своим обманутым клиентам. Вскоре и сами римские аристократы начали проявлять все возрастающий интерес к астрологии.

Лишь в III веке н. э. начали появляться первые признаки серьезного спада в могуществе астрологов. Прежде чем это произошло, астрология пережила века проб и ошибок. Немногие редкие и отважные умы, такие как Фаворин из Арелаты[54], который хотя и был другом императора Адриана, открыто противостоял фаталистической астрологии всеми теми аргументами, которые направлял против нее Цицерон почти за сто лет до этого. Таких просвещенных людей было слишком мало, чтобы оказать какое-то действительное влияние. Императоры, обеспокоенные личной безопасностью, были готовы поверить всему, что говорили им их мнимые ученые астрологи. В качестве альтернативы религиозных порывов и вдохновения астрология была менее эффективной, чем учения греческой философии и теософии, к которым имели тенденцию обращаться многие из более мыслящих римлян. Для масс же ни астрология, ни философия не могли преуспеть в конкуренции с привлекательностью более незатейливых суеверий египетского культа Исиды и Осириса, митраизма и другого восточного мистицизма, которые наводняли город.

МИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ

Культ Исиды и Осириса

Египетский культ матери богов Исиды, богини земли и плодородия, символическим образом которой была корова, пришел в Рим в начале I века до н. э. Вскоре в ее честь была установлена статуя на Капитолии, но она простояла недолго, поскольку Сенат издал указ о ее сносе. Народ пытался водрузить ее назад, но в 53 году до н. э. молельни Исиды были разрушены, а поклонение ей в домах было запрещено. Так как ни один рабочий не осмелился прикоснуться к ее святыне, разрушать ее пришлось самому консулу. Присутствие Клеопатры в Риме с 46 года до н. э. по 44 год, вне всяких сомнений, привело к обновлению интереса к культу Исиды. Когда Август стал императором в 27 году до н. э., Клеопатра давно ассоциировалась с его врагом Антонием, поэтому у него не было никакого желания видеть, как поклоняются какой-то египетской богине. Однако вопреки Августу храм Исиды сохранил свою привлекательность. Из произведений Овидия ясно, что этот храм был популярен среди юных девушек, поскольку он советует страдающим от безнадежной любви парням прогуливаться рядом с ним в надежде завязать знакомство.

Домициан, который, до того как стать императором, однажды спасся от своих врагов в священных одеяниях жреца Исиды, восстановил ее храм на Марсовом поле с большим размахом. С культом Исиды было связано поклонение Серапису, главному среди египетских божеств. Храм Исиды и Сераписа находился на Марсовом поле, а храм Сераписа - между ним и форумом Траяна. В римском культе прослеживалась тенденция замены Сераписа, который считался супругом Исиды, на Осириса, который в Египте являлся умершим фараоном и владыкой подземного мира. Тацит указывает на путаницу между этими двумя богами, говоря о Сераписе, что многие приравнивали этого бога к Эскулапу или Асклепию, поскольку он излечивал больных; некоторые - к Осирису, старейшему богу; другие (а их большинство) отождествляли его с Юпитером - царем богов. Вера в эти чужие божества была освящена их незапамятной древностью, простирающейся за границы исто-

рии Греции и Рима. Она глубже, чем прозаическая римская государственная религия, затрагивала струны человеческих эмоций, вызывала чувство иступленного восторга и религиозной общности.

Митраизм

Более мощным, чем любая из мистических религий Востока, было влияние, оказываемое митраизмом в первые два века Римской империи. Как Исида и Осирис были продуктом древней египетской цивилизации, так и культ Митры, божества Небесного Света, пришел в Рим из столь же древних цивилизаций ведической Индии, хеттов и Персии.

Тем, что придавало митраизму наибольшую привлекательность, были учения о бессмертии души, воскрешении тела и вера, что с помощью Митры его приверженцы попадут на небеса. Между тем верующие должны были дать клятву о высокоморальном поведении, братском уважении и взаимной помощи, независимо от их социального положения. Рабы и неквалифицированные рабочие могли стоять выше в религиозном братстве, чем члены древних аристократических родов, - ведь Митра был другом и защитником бедных.

Рис. 58. Часть алтаря Митры: Митра, убивающий быка

Подобно христианству, митраизм начинался как религия бедных и униженных угнетенных классов, и лишь во II веке н. э. культ Митры распространился на императорский двор и образованных людей.

Небольшие подземные «молеельни», гrotы или пещеры, посвященные культу Митры, были по всему Риму, многие располагались в частных домах. Они были подземными; считалось, что это символизирует захоронение, от которого верующих избавит бог. Похожие маленькие кельи были обнаружены во многих частях бывшей Римской империи, где стояли римские легионы. Находка одного такого маленького храма в Лондоне несколько лет назад вызвала большой интерес. Митраизм преимущественно был религией солдат, особенно в Дакии, между Карпатами и Дунаем, но многие другие римляне, такие как императорские посыльные и чиновники, обратились в эту веру.

Небольшой размер подземных святилищ Митры, видимо, исключает обряды в духе конгрегационного богослужения в христианском смысле; самые большие не вмещали больше одной сотни верующих. Церемонии богослужения Митре проводились явно профессиональными священниками, говорящими по-гречески и читающими из священных книг. Что говорилось во время сложных религиозных ритуалов и что это могло означать, неизвестно.

Именно восход христианства обрек митраизм и все другие языческие культы на неизбежное исчезновение. Культ митраизма был уязвим, потому что женщины в него не до-

пускались, а замысловатые обряды посвящения еще больше ограничивали число его приверженцев. С триумфом христианства после обращения в веру императора Константина в 312 году н. э. дни митраизма были сочтены, хотя этот культ в некоторых местах еще поддерживался несколько десятилетий. Полная убедительность и влияние этих восточных мистических религий вызвали брожение в умах людей, что было признаком недовольства и неудовлетворенности в то время. Это подготовило дорогу христианству.

ВОСХОД ХРИСТИАНСТВА

Простое послание христианской проповеди должно было искать себе путь среди путаницы традиционных верований, суеверий и более новых, сложных, ритуальных церемоний. Каким долгим был этот путь и как послание, принесенное учениками Иисуса, было встречено и принято в качестве нового образа жизни, стало темой бесчисленных томов. На протяжении первых 200 лет нашей эры христиан уже начали признавать новой силой в жизни Рима. Столь однозначным был их вызов всем другим убеждениям, обрядам и учениям, что он был неверно истолкован, а их неизбежно сочли врагами всех религий и культуры. Плиний Младший, всегда корректный, осторожный и скромный слуга народа, сообщал о своей растерянности, когда был римским губернатором в Вифинии, своему властелину, императору Траяну. Он подверг пыткам двух рабынь, чтобы узнать, «что здесь было правдой, но не обнаружил ничего, кроме безмерного, уродливого суеверия». «Дело, по моему, заслуживает обсуждения, особенно вследствие находящегося в опасности множества людей всякого возраста, всякого звания и обоих полов, которых зовут и будут звать на гибель. Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям, но кажется, ее можно остановить и помочь делу». Траян отвечал Плинию, чтобы он не прекращал поиска христиан, но оговорился, что любого найденного следует наказывать только в случае, если только он не отречется. Преступление христиан в глазах государства состояло в том, что они встречались вместе без разрешения и что они отказывались поклоняться богам. Такие преступления против очень древних и установленных государственных законов не прощались.

По мере того как старый жизненный уклад все больше и больше терял жизненные силы, а замкнутый круг потворства своим желанием начинал надоедать, влияние христианства неуклонно усиливалось, внося свежую струю своим учением сострадания, доброты, любви и милосердия к другим, даже к врагам; своим неприятием мира и мирских удовольствий; своей проповедью воздержания, отказа от плотских удовольствий и трезвости; своей заботой о падших, презираемых и отверженных; верой в зло греха, стремлением к духовному возрождению; своим презрением к идолам, статуям, храмам, празднествам и обрядам поклонения пестрой толпе римских богов и богинь; взамен всего этого оно предлагало веру в единого Бога, Спасителя мира.

Если в некоторых из христианских учений и отражались идеи, которые также можно было найти в аскетизме культа Исиды, в братстве и братской помощи митраизма, в вере в жизнь после смерти и в любящей заботе высших сил, что было присуще и тому и другому, то это могло помочь им найти более быстрый путь к умам людей.

Рис. 59. Часть саркофага христианина и его жены с изображением Христа, Пастыря нашего

Своим распространением и усилением христианство подталкивало приверженцев старого традиционно языческого образа жизни к попыткам изменить его. Такие попытки были тщетными, поскольку только к концу IV века, после 394 года н. э., христианство стало единственной официальной религией римского народа. Языческие обряды были запрещены еще за десять лет до этого, теперь коллегии их жрецов были распущены, а статуи их богов и богинь были уничтожены.

Языческие традиции и популярная вера в митраизм, однако, слишком глубоко укоренились, чтобы от них можно было легко отказаться, поэтому некоторое время они еще существовали, хотя и тайно. А прочность римских обычаев была такова, что, хотя с официальным принятием христианства праздники языческих богинь и богов были конечно же отменены, отменить гладиаторские бои оказалось не так-то легко. Осуждаемые философами и отцами христианской церкви, они были слишком популярны, чтобы от них отказаться, и лишь в начале V века н. э., когда варвары прорывались через оборонительные сооружения империи, император Гонорий издал указ о запрете гладиаторских боев. Бесконечные ужасы и кровавые убийства наконец-то прекратились, хотя вскоре снова были начаты уже самими варварами, которые больше уже не были жертвами на положении рабов, пленников и гладиаторов, убиваемых на аренах, чтобы устроить Риму праздник, а стали захватчиками, убийцами, мародерами и вандалами, наводнившими Италию и приступом взявшими вновь возведенные оборонительные сооружения Рима, оставляя за собой такие разрушения и разорение, что императорский Рим медленно погружался в беспросветные руины и запустение. Сам великий храм Юпитера, который на протяжении тысячи лет был верховным храмом римского народа и прошел через все удары и превратности судьбы, был сровнен с землей на Капитолийском холме, а его место забыто. Его участь символизирует падение и уничтожение Рима.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

I. Республика

До н. э.

753 г. - основание Рима Ромулом: первый год римской хронологии.

509 г. - изгнание царей и основание республики.

V в. до н. э. - оборонительные войны Рима.

450 г. - законы Двенадцати таблиц.

IV в. до н. э. - захватнические войны. Верховная власть Рима в Центральной Италии. Плебеи добиваются юридического равенства с патрициями.

III в. до н. э. - верховная власть Рима во всей Италии. Начало захвата иностранных территорий.

268 г. - первый официальный развод в Риме.

264 г. - первое представление гладиаторов.

264 - 241 гг. - Первая Пуническая война.

219 г. - первый греческий лекарь в Риме.

Энний (239 - 169) - создатель римского эпоса и родоначальник латинской поэзии, автор «Анналов», трагедий, комедий.

218 - 202 гг. - Вторая Пуническая война: поражение Ганнибала.

Плавт (254 - 184) - римский комедиограф.

II в. до н. э. - римская экспансия в Грецию, на Ближний Восток, в Испанию и Северную Африку. Влияние греческой культуры на жизнь и литературу римлян.

185 г. - Сенат запрещает постоянный театр.

184 г. - консульство Катона Старшего (234 - 149).

167 г. - греческий историк Полибий в Риме.

Теренций (194 - 159) - карфагенянин, раб, а затем вольноотпущенник Теренция Лукана, автор комедий.

161 г. - изгнание философов и риториков.

155 г. - три греческих философа в Риме.

149 - 146 гг. - падение Карфагена.

139 г. - изгнание халдейских гадателей.

Акций (170 - 86) - римский драматург.

134 - 132 гг. - первое восстание рабов.

133 - 121 гг. - реформы братьев Гракхов.

103 - 102 гг. - второе восстание рабов.

102 г. - Марий наносит поражение тевтонам.

I в. до н. э. - войны на Востоке, гражданская война в Италии. Крушение республики.

91 - 88 гг. - союзническая война.

90 - 82 гг. - гражданская война: Марий против Суллы.

81 - 79 гг. - диктатура Суллы.

73 - 71 гг. - третье восстание рабов: восстание Спартака.

70 г. - Помпей и Красс ослабляют конституцию Суллы.

67 - 63 гг. - Покорение Востока Помпеем. Цицерон (106 - 43) - римский политический деятель, оратор и писатель.

63 г. - консульство Цицерона.

Лукреций (96 - 55) - римский поэт-философ.

62 г. - поражение Катилины.

Катулл (82 - 52) - римский лирический поэт.

59 г. - консульство Юлия Цезаря (100 - 44 гг.).

Саллюстий (87 - 35) - римский историк.

58 г. - бесплатная раздача зерна.

58 - 49 гг. - Цезарь завоевывает Галлию.

Вергилий (70 - 19) - римский поэт.

44 г. - гражданская война, последовавшая за убийством Цезаря.

Тибулл (48 - 19) - римский элегический поэт.

31 г. - битва при Акции положила конец гражданской войне.

Проперций (50 - 10) - римский элегический поэт.

27 г. - Август устанавливает единоначальное правление и создает преторианскую гвардию.

Гораций (65 - 8) - один из крупнейших поэтов Рима.

II. Империя

Императоры династии Юлиев-Клавдиев

До н. э.

27 г. - Август (27 г. до н. э. - 14 г. н. э.).

Н. э.

9 г. - поражение Вара в Тевтобургском лесу.

Ливий (59 г. до н. э. - 17 г. н. э.) - автор римской истории.

10 г. - организация рейнской обороны.

Овидий (43 г. до н. э. - 17 г. н. э.) - римский поэт.

14 г. - смерть и обожествление Августа.

14 г. - Тиберий (14 - 37).

16 г. - отказ от продления границы до Эльбы.

29 г. - распятие Иисуса.

37 г. - Калигула (37 - 41).

Сенека (5 - 65) - римский политический деятель, философ и писатель.

41 г. - Клавдий (41 - 45).

Петроний (ум. 65 г.) - римский писатель.

54 г. - Нерон (54 - 68).

Плиний Старший (23 - 79) - римский писатель, ученый.

64 г. - великий пожар в Риме.

Лукан (39 - 65) - римский поэт.

69 г. - год четырех императоров.

Императоры династии Флавиев

69 г. - Веспасиан (69 - 79).

Квинтилиан (35 - 95) - римский оратор и теоретик ораторского искусства.

70 г. - взятие Иерусалима Титом.

79 г. - гибель Помпеи и Геркуланума.

79 г. - Тит (78 - 81).

Марциал (46 - 104) - римский поэт-сатирик.

81 г. - Домициан (81 - 96).

Тацит (55 - 120) - римский историк.

96 г. - Нерва (96 - 98).

Плиний Младший (62 - 113) - римский писатель, консул, легат.

Испанские императоры

98 г. - Траян (98 - 117).

Ювенал (50 - 127) - римский поэт-сатирик.

117 г. - Адриан (117 - 138).

Светоний (69 - 140) - римский историк и писатель.

Императоры династии Антонинов

138 г. - Антонин Пий (138 - 161).

161 г. - Марк Аврелий (161 - 180).

Апулей (род. 123 г.) - римский писатель, софист.

180 г. - величайшая экспансия империи.

180 г. - Коммод (180 - 192).

Североафриканские и сирийские императоры

193 г. - Септимий Север (193 - 211).

Тертуллиан (ок. 200 г.) - древнейший из христианских писателей.
211 г. - Каракалла (211 - 217).
218 г. - Элагабал (Гелиогабал) (218 - 222).
222 г. - Александр Север (222 - 235).
235 г. - военная анархия.
284 г. - Диоклетиан и тетрархия (284 - 305).
Династия Константина (305 - 363).
312 г. - битва при Мульвиевом мосте.
312 г. - роспуск преторианской гвардии.
313 г. - эдикт в поддержку христиан.
337 г. - смерть Константина.
361 г. - Юлиан (361 - 363).
362 г. - возрождение язычества.
363 г. - смерть Юлиана.
Династия Валентиниана и Феодосия (364 - 394 гг.).
364 г. - Валентиниан (364 - 375).
Аммиан Марцеллин (ок. 390 г.) - историк.
379 г. - Феодосий (379 - 395).
391 г. - запрещение язычества.
Макробий (ок. 400 г.) - римский ученый и писатель.
394 г. - христианство - единственная государственная религия.
Святой Иероним (340 - 420).
V в. н. э. - конец Западной империи.
410 г. - захват и разграбление Рима вестготами.
Святой Августин (354 - 430) - христианский теолог и церковный деятель.
455 г. - разграбление Рима племенем вандалов.
472 г. - разграбление Рима Рицимером.
476 г. - Одоакр свергает последнего западного римского императора.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

1. Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С.В. Шервинского и С.А. Ошерова. М., 1979.
2. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1970.
3. Марк Валерий Марциал. Эпиграммы / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1968.
4. Наука любви / Ред. сост. В.В. Устенко. М.: Политиздат, 1990.
5. Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер., сост. и предисл. М.Л. Гаспарова. М.: Худож. лит., 1973. (Б-ка античной лит-ры).
6. Письма Плиния Младшего / Изд. подг. М.Е. Сергеенко и А.И. Доватур. 2-е изд., перераб. М., 1982.
7. Тит Макций Плавт. Избранные комедии / Пер. А.В. Артюшкова. М.; Л., 1933 - 1937. Т. I - III.
8. Римская сатира / Пер., сост. и науч. подг. текста М.Л. Гаспарова. М.: Худож. лит., 1989. (Б-ка античной лит-ры).
9. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л. Гарспарова. М.; Л., 1964.
10. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луциллию / Пер. С.А. Ошерова. М.: Худож. лит., 1986.

11. Публий Корнелий Тацит. *Анналы. Малые произведения. История* / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергиенко, Г.С. Кнабе, М.Е. Грабарь-Пассек, И.М. Тронский. Л.: Наука, 1970.

12. Марк Туллий Цицерон. *О старости. О дружбе. Об обязанностях* / Изд. подг. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек, С.Л. Утченко. М., 1974.

13. Эллий Аристид. *Панегирик Риму* / Пер. И. Турцевича. Нежин, 1907.

14. Децим Юний Ювенал. *Сатиры* / Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского. М.; Л., 1937.

Примечания

1

«Так было трудно заложить основание римского народа» (лат.) (Вергилий. *Энеида*, I, 33).

2

Рома - мощь, могущество (греч.).

3

Счет милям велся от «золотой меты» (*miliarium aureum*) - позолоченного бронзового столба, поставленного Августом на Форуме. Начиная от него, через каждую милю на дорогах ставили милевые столбы. Римская миля составляла около 1,5 км (1480 м).

4

Сэмюэл Джонсон (1696 - 1782) - философ, педагог, религиозный деятель, первый президент Королевского колледжа, ныне - Колумбийского университета.

5

Барвена - дорогая рыба.

6

Всех свободнорожденных детей необходимо воспитывать (лат.).

7

Как показывает стих Бибакула: «А где Орбилий, позабывший азбуку?»

8

Макалей Томас Б. (1800 - 1859) - английский историк, автор многотомной истории Англии.

9

Юлианский календарь, созданный с помощью египетского математика и астронома Сосигена и введенный с 1 января 45 г. до н. э., был заменен календарем папы Григория XIII (григорианским календарем) в 1582 году. В России был отменен лишь после Октябрьской революции.

10

Фунт - римское название этой меры *semilibra*. Римский фунт в древности был равен 273 г, в более новое время - 327 г.

11

Пасс(ус) - означает «двойной шаг» или 1,48 м.

12

Секстарий равен 1/6 конгия, т. е. 0,547 л.

13

Они назывались «контроверсиями», то есть вымышленными судебными делами. Это было любимое упражнение в риторических школах, в котором выступало два ученика - один в роли обвинителя, другой - защитника.

14

Вода и огонь - символы основных жизненных потребностей.

15

Если причиной развода было прелюбодеяние жены, муж имел право удержать за собой часть приданого, в остальных случаях оно подлежало возврату целиком.

16

Прясть шерсть - традиционная добродетель римской женщины.

17

Пурпуровая улитка, или багрянка, давала пурпурную краску и употреблялась в пищу.

18

«На диво бдительный консул: во все свое консульство не сомкнул глаз», - сказал о нем Цицерон.

19

Здесь: любитель удовольствий (*фр.*).

20

Здесь: знаток, ученый человек (*фр.*).

21

Чарльз Лэм (1775 - 1834) - английский писатель.

22

Гораций, по свидетельству Светония, «устроился на должность писца в казначействе».

23

Перефраз латинской поговорки «Habent sua fata libelli» - книги имеют свою судьбу.

24

Аниен (Anio) - приток Тибра.

25

Тиррон - вольноотпущенник Цицерона, ученый, изобретатель римской скорописи.

26

Друз - император Клавдий, известный своей сонливостью.

27

Римляне называли этрусков «тусками».

28

Пест(ум) - город на западном побережье Лукании.

29

Тибур - город в Латии на реке Аниен.

30

Тускул - древний город в Лацио.

31

Пренеста - древний город в Лацио к востоку от Рима с храмами Фортуны и Юноны.

32

Род официального бюллетеня.

33

Можно было получить шестидесятидневную отсрочку, прежде чем предстать перед судом, или вовсе удалиться в изгнание и получить «амнистию», что по-гречески означает «забвение».

34

Все неизвестное представляется величественным (лат.) (Тацит. Агрикола, XXX, 3).

35

Асклепиад из Вифинии, врач и ритор, друг Красса.

36

Марон - Публий Вергилий Марон.

37

Тессеры - жетоны на право получения хлеба (или других государственных раздач).

38

Грилл - сын Ксенофонта, павший в битве при Мантинее в 362 году до н. э.; его именем Аристотель назвал одно из своих сочинений.

39

Лаодикея - приморский город в Сирии, против Кипра.

40

Был древний обычай распевать в триумфе насмешливые стихи о триумфаторе: во-первых, чтобы не сглазить победы, во-вторых, чтобы не зазнался победитель.

41

Биберий - от глагола «bibere» - «пить»; Калдий - от слова «caldium» - «подогретое вино»; Мерон - от слова «megum» - «чистое вино».

42

Источник Девы, открытый, по преданию, молодой девушкой и отведенный М. Агриппой в Рим.

43

Сафо - греческая лирическая поэтесса, уроженка Лесбоса, жившая в городе Митилене, младшая современница Алкея (VI - VI вв. до н. э.).

44

Анакреонт - греческий лирический поэт из Теоса (Иония) (VI - V вв. до н. э.).

45

Менандр - сын полководца Диопита, важнейший представитель новоаттической комедии (ок. 342 - 291 гг. до н. э.).

46

Проперций - римский элегический поэт, родом из Умбрии, принадлежащий к кругу Мecenата (приблизит. 49 - 15 гг. до н. э.).

47

Древние римляне считали танцы занятием позорным, особенно для мужчин.

48

В массе, целиком (фр.).

49

Аргилет - часть Рима между Субурой и Римским Форумом.

50

Архий - греческий поэт из Антиохии Сирийской, род. ок. 120 г. до н. э., с 102 г. жил в Риме, в 62 г. до н. э. привлекался к суду за незаконное присвоение звания римского гражданина, но был оправдан.

51

Я - человек и считаю, что ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

52

Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы
Не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то
Все раздавал: легионы и власть, и ликторов связки,
Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает:
Хлеба и зрелищ!

53

Велия - примыкающая к Палатину возвышенность в Риме, от которой к Форуму вела Священная дорога.

54

Фаворин из Арелаты (ок. 85 - 150) - греческий оратор.